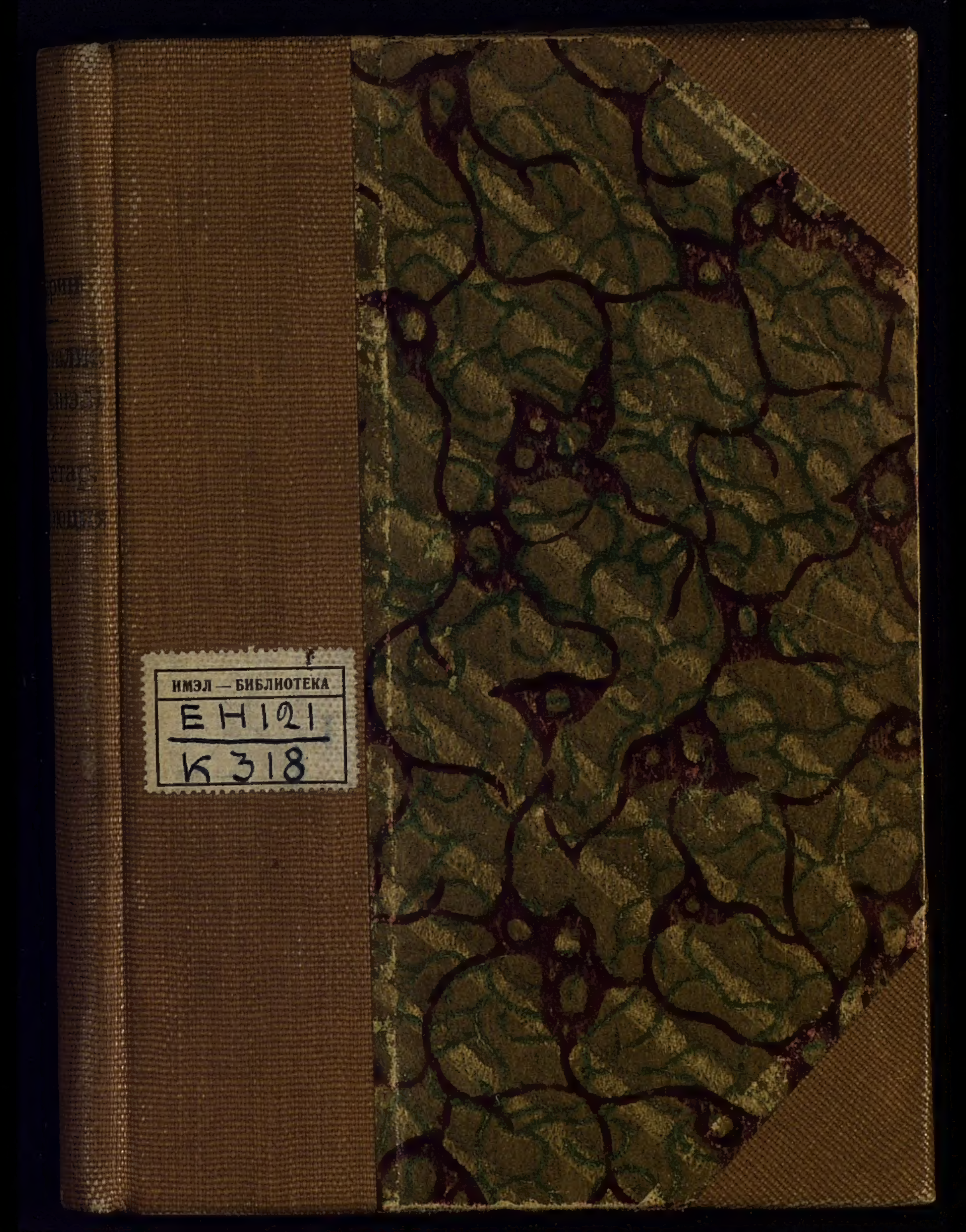
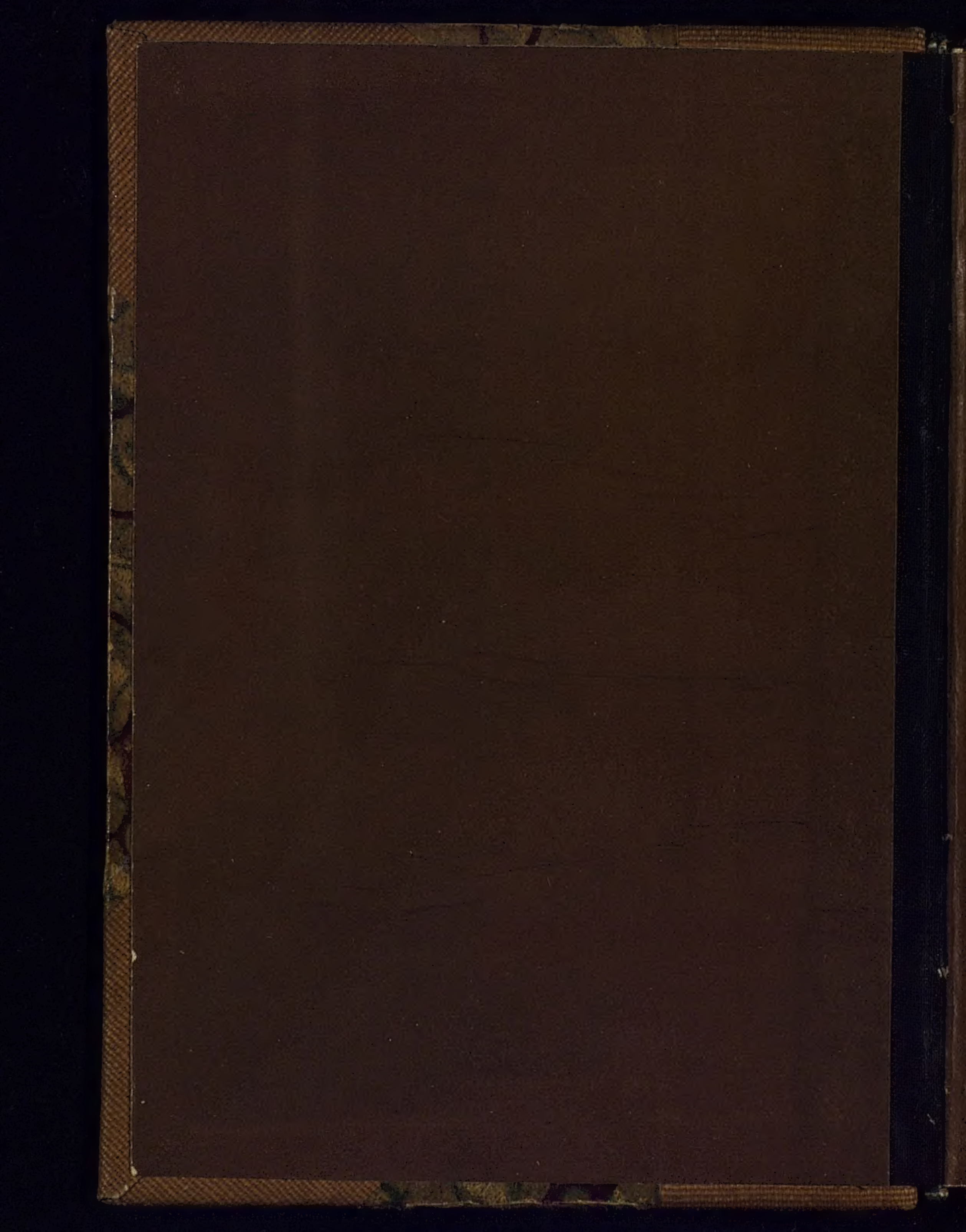
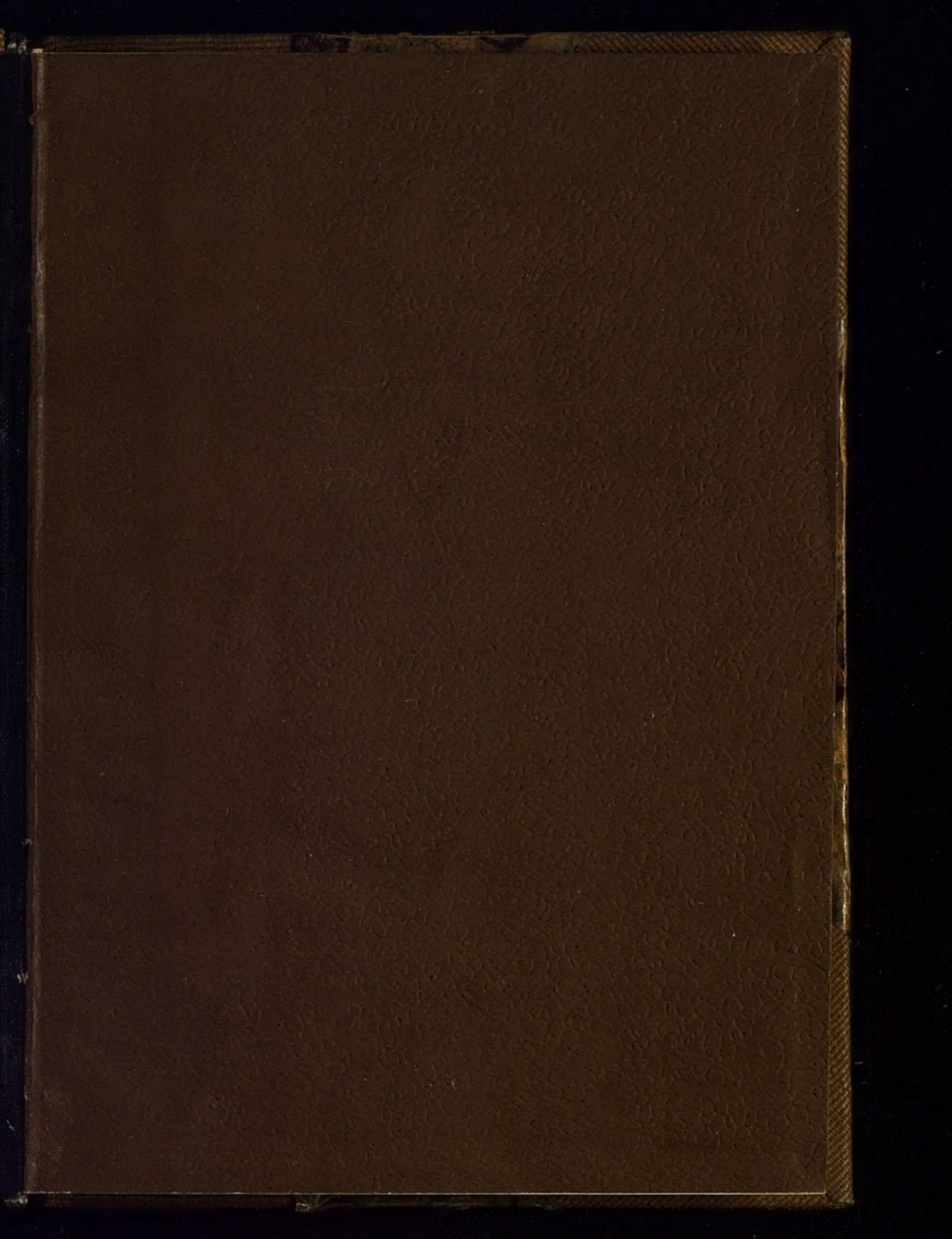

ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
EH121
K318

Н. И. БУХАРИН

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Доклад и заключительное слово на VII расширенном пленуме ИККИ с приложением резолюции пленума

1 9 2 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. И. БУХАРИН

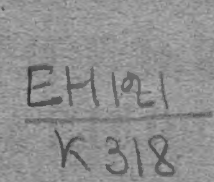
КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

★

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
по первому пункту порядка дня:
„О международном положении и задачах Коминтерна“
на VII расширенном пленуме Исполнительного
Комитета Коммунистического Интернационала
с приложением тезисов, принятых пленумом

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 74509. Гиз № 18671. Тираж 50.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

I

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Доклад VII расширенному пленуму ИККИ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„В настоящем издании мы перепечатываем письменный доклад т. Н. И. Бухарина „Капиталистическая стабилизация и пролетарская революция", представленный им VII расширенному пленуму ИККИ по первому пункту порядка дня.

Заново печатается устный доклад и заключительное слово по 1-му пункту порядка дня—„Международное положение и задачи Коминтерна".

В качестве приложения даны тезисы, принятые пленумом по этому вопросу".

1. ВОПРОСЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

Марксистская политика есть единственная научная политика рабочего класса. Поэтому она не может не опираться на тщательный научный анализ целой исторической полосы, в рамках которой приходится действовать рабочему классу, и каждой данной конкретной экономической и политической конъюнктуры, которые определяют соответствующие шаги рабочих партий. Поэтому немудрено, что первостепенное значение получает вопрос об оценке той своеобразной полосы капиталистического развития, которая характерна для настоящего времени.

Не подлежит сомнению, что резкий кризис всего капиталистического организма, достигавший своей наивысшей точки в 1919—1921 гг., потерял в известной степени свою остроту. Если в то время налицо была в ряде стран ситуация, которую на языке Ленина необходимо было определять как «непосредственно революционную ситуацию», и если эта «непосредственно революционная ситуация» имелась в основных пунктах европейского

капитализма, то не подлежит никакому сомнению, что в последующие годы капитализму удалось значительно поправить свое пошатнувшееся положение. Это обстоятельство находит свое выражение в *отсутствии* «непосредственно революционной ситуации» в главных центрах капиталистического хозяйства. Само собой разумеется, что одного *этого* факта недостаточно для характеристики положения. Необходимо ответить на вопрос, *в какой мере* удалось и удается капитализму выкарабкаться из трясины глубокого послевоенного кризиса; необходимо ответить на вопрос, каковы основные тенденции теперешнего развития капитализма и, следовательно, каковы судьбы капитализма вообще. При этом очень важно иметь в виду следующие обстоятельства. При установлении того или иного прогноза мы ни в коей мере не можем удовлетвориться только какой-либо заранее данной теоремой, которая должна оказаться правильной во что бы то ни стало. Речь идет прежде всего о тщательном изучении *фактов*, об изучении конкретной действительности. Только таким путем можно ответить на поставленные выше вопросы. Только на этой основе можно получить полную проверку наших теоретических обобщений.

Вполне понятно, что буржуазные теоретики не могут не стоять на апологетической точке зрения, ибо по самой своей сущности они не могут отказаться от представления о капиталистическом

обществе как категории, которая должна будет существовать вечно. Даже такой факт всемирно исторического значения, как 9-летнее существование диктатуры пролетариата в огромной стране, охватывающей собой значительную часть европейско-азиатского континента, не может быть ими осмыслен в настоящем его значении. Отсюда постоянные иллюзии капиталистических кругов, рассматривающих основные тенденции хозяйственного развития в СССР как тенденции возврата к «нормальному» капиталистическому обществу, развитие которого лишь случайно было прервано внеэкономическим вмешательством «большевистских гуннов». С другой стороны, одна из основных сил, поддерживающих теперешний капиталистический режим,—«международная» социал-демократия, вполне разделяя буржуазную точку зрения на развитие пролетарской диктатуры в СССР, по сути дела этим самым разделяет и основную теоретическую позицию буржуазии в отношении долголетия и прочности капиталистического миропорядка. Крупнейшие представители социал-демократической теоретической мысли рассматривают текущую полосу мирового капиталистического развития, как полосу, которая складывается из следующих основных фактов: во-первых, безусловного укрепления капиталистического режима, его хозяйственной и политической организации с *перспективами грядущего капиталистического процветания*;

во-вторых, перехода капитализма в принципиально новую фазу его развития, а именно такую фазу, когда капиталистическая производственная анархия преодолевается не только в рамках отдельных национальных хозяйств, но даже и в рамках мирового хозяйства; это находит свое выражение, по мнению этих теоретиков, в образовании межгосударственных политических организаций (Лиги наций и т. д.), делающих излишними военные судороги капиталистического общества; в-третьих, такой перегруппировки внутренних сил капиталистического общества, которая делает возможным мирное или почти мирное «врастание в социализм» без революционных потрясений, и тем более без насильственной диктатуры пролетариата. Перед нами таким образом налицо законченная система взглядов, которая, как это нетрудно понять, представляет собою законченную капитуляцию перед буржуазной идеологией и полный отказ («освобождение») от последних остатков марксизма.

Простым опровержением этой грубо-антимарксистской теории дело, однако, не может быть никоим образом исчерпано, ибо, если даже капитализм ни в малой степени не уничтожил своих основных внутренних противоречий, если он отнюдь не вступил в ту фазу своего развития, о которой трубят во все трубы глашатаи социал-демократии, то все же остается открытым вопрос о ближайших его судьбах, о степени преодоления всех

болезней послевоенного периода, о характере переживаемой полосы, рассматриваемой с этой последней точки зрения. А это и есть вопрос о капиталистической стабилизации в том смысле, в каком этот термин уже закреплен в современной литературе.

Здесь по этому вопросу существуют разногласия и в нашей коммунистической среде. Так, например, у т. Троцкого мы находим, с одной стороны, положение о всемогуществе американского капитализма, который посадит Европу на паек, причем «хозяйство Европы и других частей света становится составной частью хозяйства Соединенных Штатов» («Европа и Америка», стр. 74), а с другой—у т. Троцкого мы встречаем положение о почти полном отсутствии капиталистической стабилизации.

«Моя мысль,—говорит т. Троцкий,—та, что наступает снова критический период и что равновесия, порядка, спокойствия в Европе в этом году уже не видать. Мы недавно еще устанавливали, что наступила известная стабилизация, т.-е. известное временное равновесие европейского капитализма, а значит, его упрочение. Но оно оказалось гораздо более кратковременным, чем можно было думать» [1]).

Неопределенность взглядов на этот предмет мы находим равным образом и у т. Зиновьева, который колеблется между признанием частичной

---

[1]) „Правда" от 31 января 1926 г., доклад тов. Троцкого.

стабилизации и ее отрицанием. В своем докладе «Всеобщая забастовка в Англии и ее мировое значение» (см. «Правду» от 5 июня 1926 г.) т. Зиновьев заявил:

«Я думаю, что вышла не стабилизация, а новая дезорганизация капитализма. Буря треплет капиталистический корабль, наклоняя его то на правый, то на левый бок. Когда корабль дает крен направо, он, конечно, давит в тот момент на рабочих. Но все-таки корабль треплет. Стабилизация есть состояние устойчивости, а когда сегодня капитализм треплет направо, а завтра—налево, то какая же здесь стабилизация? Капиталистический корабль треплет не только в Германии, в Польше, но и в Англии, а Англия—не Германия, не Польша, не Эстония. Англия—главенствующая страна капитализма на континенте. (Очевидно, буря так «затрепала» «корабль» т. Зиновьева, и дезорганизация мира оказалась так велика, что исчезла не только стабилизация, но Англию даже снесло с островов и перенесло на континент! *Н. Б.*) После Америки она—самая богатая страна в мире. Кто видит вещи не только на поверхности, а пронизывает классовым анализом «костяк» капиталистической экономики, тот скажет, что события последнего года опровергают наличие капиталистической стабилизации».

Здесь, как видно, т. Зиновьев, вопреки ряду своих прежних заявлений, считает, что стабилизации нет, что факт ее наличия «опровергнут». Несомненно, что вожди оппозиции по этому важнейшему вопросу оценки мирового положения не

имеют твердо установленной, ясной и обоснованной точки зрения. Между тем понятно, что международная революционная организация и каждая из коммунистических партий в отдельности не могут вести правильной политики, не могут взять верного тактического прицела, если они не будут иметь твердой и определенной оценки положения, оценки, которая соответствует действительности. Вот почему вопрос о стабилизации капитализма и ее конкретной характеристике играл, играет и будет еще играть крупную роль как исходный пункт наших политических дискуссий.

А. ПОКАЗАТЕЛИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ (МИРОВЫЕ)

а) Мировое производство

Наиболее ярким и глубоким выражением военного и послевоенного кризисов было падение производства, этой коренной и главнейшей основы самого существования человеческого общества. Как раз в этом отразилось все разрушительное воздействие войны. Это сужение жизненной основы общества и было главнейшим показателем того тупика, в который развитие капитализма загоняло всех с железной неизбежностью. Поэтому факт выползания из этого тупика должен был отразиться прежде всего на последующем росте производства. Когда мы говорим «прежде всего», то этим мы хо-

тим показать отнюдь не временную последовательность событий: речь идет здесь не о порядке восстановительного процесса во времени, а исключительно о хозяйственной важности соответствующих явлений. Не подлежит никакому сомнению факт роста производства вообще и роста продукции различных средств производства—в частности; а ведь это и выражает собою повышение органического состава капитала и подъем производительных сил мирового капиталистического организма. Приведем здесь главнейшие данные по этому вопросу.

Мировое производство угля, чугуна, стали
(в %% к 1913 году; без СССР)[1].

	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.[2]
Каменный уголь	86,3	97,6	80,5	86,8	98,3	96,9	97,5
Чугун	70,0	83,5	49,4	73,6	89,8	87,2	95,7
Сталь	81,1	99,2	60,6	90,5	105,5	105,0	115,4

---

[1]) По данным Конъюнктурного института и Бюро мирового хозяйства ВСНХ, опубликованным в сборнике „Мировое хозяйство в 1919—1925 гг.“, издание ВСНХ СССР, Москва 1926 г.

[2]) Предварительные данные за 9 месяцев 1926 г. дают по некоторым из этих показателей снижение, обусловленное английской стачкой.

Мировое потребление хлопка

(в млн. кип на 31 июля каждого года (одна кипа = 478 ам. фунтов)

1913 г.	1921 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
22,1	16,9	21,3	20,0	22,6 [1])

Общий итог, который можно подвести на основании этих цифр, гласит: во-первых, несомненна тенденция роста мирового производства, во-вторых, количественная оценка этого роста такова, что мировой капитализм подходит в этой области к своему довоенному уровню. Таким образом можно сказать, что капитализм в текущем году заканчивает свой «восстановительный» процесс. Правда, термин «восстановительный»—даже в применении к капиталистическому организму—не выражает вполне сути дела, ибо речь идет не о простом восстановлении довоенных соотношений: налицо имеется новая техника, неизвестная довоенному периоду, новые формы организации труда, перегруппировка хозяйственных центров и отдельных производственных отраслей. Эти факты качественных изменений (о чем речь будет итти ниже) нимало, однако, не изменяют основного вывода, касающегося количественной стороны дела. Итак, в отношении продукции мировой капитализм подходит к своему довоенному уровню.

---

1) Данные о потреблении хлопка—по сборнику „Мировое хозяйство 1919—1925 гг.", изд. Конъюнктурным институтом под ред. проф. Кондратьева.

б) Внешняя торговля

Другим главнейшим фактом дезорганизации мирового хозяйства в период его военного и послевоенного кризисов был факт глубокого падения международной торговли. В результате войны мировое хозяйство распалось на отдельные куски именно благодаря тому, что были разорваны нити международного обмена, этой главнейшей формы, устанавливающей единство мирового хозяйства как некоего целого. Понятно, что этот разрыв мировых торговых связей означал и громадную дезорганизацию хозяйства внутри каждой страны в отдельности, ибо соотношение между различными производственными отраслями внутри любой страны связано с мировым рынком и в известной мере определялось именно этой связью. За последние годы мы, однако, видим, как вновь восстанавливаются эти разорванные войною связи. Это находит свое выражение в росте международного товарооборота. Важнейшие относящиеся сюда данные таковы:

Внешний товарооборот

34 стран в млн. зол. марок по довоенным ценам [1])

	1913 г.	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.
	Средне-месячный			В % к 1913 г.	
34 страны . .	11 566	10 512	11 259	91	97

[1]) Данные „Vierteljahrshefte für Konjunkturforschung“ Berlin, 1926, H. 2.

Выводы: и в области внешней торговли капитализм хотя и не достиг еще цифры довоенного периода, но довольно близко к ней подошел. Можно и здесь сказать, что под углом зрения международного товарооборота капитализм заканчивает свой восстановительный процесс. Однако приходится повторить ту же самую оговорку, которую мы сделали касательно производства: речь идет лишь о количественной стороне дела; качественно налицо имеется огромная перегруппировка торгующих центров, смещение основных узлов международного товарооборота, коренное изменение основных направлений, по которым текут товарные массы из страны в страну.

в) Валютные отношения

Третьим показателем, характерным для оценки положения вещей, является показатель валютных отношений. Состояние денежного хозяйства в любой стране есть один из самых чувствительных показателей здоровья или нездоровья всего хозяйственного организма в целом. Любая дезорганизация в области хозяйства—в производстве, в обмене, в кредитной системе и т. д., любое нарушение хозяйственного равновесия между различными составными частями хозяйственной системы находят свое отражение в большем или меньшем расстройстве денежного обращения. Вот почему послевоен-

ный кризис сопровождался, и не мог не сопровождаться, тем явлением, которое получило специфическое название «валютного хаоса». Состояние валюты в условиях товарно-денежного хозяйства есть тот узел, в котором завязаны разнообразнейшие хозяйственные связи, и нет ничего удивительного в том, что валютная проблема была и остается одной из труднейших проблем, стоящих перед мировой буржуазией. И здесь, несмотря на особо подчеркнутую пестроту картины, мы видим, как постепенно изживается тот хаос, который был столь характерен для времени наибольшего упадка капитализма. Приведем главнейшие данные по этому вопросу:

Курс иностранных валют в Нью-Йорке

(в %% к золотому паритету) [1])

Годы:	Германия	Англия	Франция	Бельгия	Польша
1924 средн. мес.	98,80	90,78	27,07	24,01	101,88
1925 „ „	99,96	99,25	24,69	24,66	92,16
1926 январь . .	99,96	99,87	19,53	23,52	69,53
1926 июль . . .	99,96	99,87	12,72	12,59	52,64

Приведенная таблица указывает на достижение английским фунтом и германской маркой твердого золотого паритета. С другой стороны, странами с падающей валютой остаются попрежнему Франция, Бельгия, Польша и отчасти Италия. Из ряда

---

[1]) Данные „Vierteljahrsheíte für Konjunkturforschung", Berlin, 1926, H. 2.

валют других стран следует отметить: укрепление курсов румынской, греческой, югославской и болгарской валют, а также повышение курсов норвежской, датской, испанской и японской валют.

Из этих данных мы видим, что картина в области валютных отношений гораздо более пестрая, и неравномерность развития подчеркнута гораздо более резко, чем в области производства и товарооборота. Мы видим также, что здесь нет прямого параллелизма с другими хозяйственными показателями. Точно так же можно сказать, что степень приближения к довоенным цифрам значительно меньшая, чем у других показателей, о которых речь шла выше. Но тем не менее и здесь налицо основная тенденция, поскольку мы говорим о некоей условной средней. Таким образом и этот показатель говорит о неоспоримом факте определенной стабилизационной тенденции.

Б. ПОКАЗАТЕЛИ НЕУСТОЙЧИВОСТИ СТАБИЛИЗАЦИИ (МИРОВЫЕ)

Вышеприведенные факты, однако, ни в коей мере не исчерпывают вопроса,—настолько они общи, «средни», недостаточны для всесторонней оценки положения. Для нас важно знать не только эту среднюю, где погашаются все отклонения, все противоречия, вся борьба различных тенденций. Для правильной оценки нужен и анализ

всех контр-тенденций, их удельного веса, их вероятного направления, их динамики; для нас в высокой степени важна и качественная характеристика всех этих различных перекрещивающихся сил. Только такой анализ, охватывающий предмет со всех сторон (или по возможности со всех сторон), может служить сколько-нибудь прочной базой для соответствующих практических выводов.

Прежде всего необходимо отметить следующее. Несмотря на то, что прошел уже ряд лет со времени заключения так называемого Версальского мира, все же капитализм едва-едва долезает до довоенной величины своей продукции. Далее необходимо отметить совершенно изменившийся характер конъюнктурных кривых. «Нормальные» кризисы капиталистического производства были кризисами периодическими, которые повторялись через более или менее правильные промежутки времени и протекали по совершенно определенному «шаблону». Таким образом мы имели перед собою определенные циклы развития со сменой различных фаз внутри этих циклов и, следовательно, с совершенно определенной конъюнктурной кривой. Правда, это нельзя понимать слишком упрощенно: известная разнородность структуры «капитализмов» в разных странах (их «национальные» особенности), различная степень связанности между отдельными странами, неравномерность капиталистического развития вообще и

целый ряд других особенностей, в исследование которых нам здесь нельзя входить, приводили— и неизбежно должны были приводить—к разного рода отклонениям, к неравномерности в развитии фазисов промышленного цикла и к несовпадению во времени тех или других явлений в развитии этого цикла. И, тем не менее, все же закономерность промышленных кризисов была достаточно определенной. Совершенно другой характер носит конъюнктурная кривая за послевоенный период. Самый период промышленного цикла обнаруживает иную закономерность, а следовательно, и иную природу кризиса по сравнению с «нормальным» кризисом довоенного времени. Развитие идет в высшей степени неровно, резкими скачками, о периодичности в настоящем смысле слова здесь не может быть и речи, кривая развития носит какой-то лихорадочный, совершенно болезненный характер, никакой правильности в смене различных фазисов,—той правильности, которая была столь характерна для прежних кризисов,—не наблюдается. Если взять мировое производство, то в 1919 г. мы видим его снижение, в 1920 г. мы уже видим подъем, в 1921 г. снова острейший кризис, в 1922—1923 г.г. снова некоторый подъем при необычайно резком кризисе в Германии, связанном с оккупацией Рура французскими войсками. В 1924 г. мы наблюдаем снова некоторое снижение производства, а в 1925 г. опять известное повы-

шение, которое, в свою очередь, заканчивается тяжелейшим кризисом в Германии и значительной депрессией в Англии, 1926 год знаменуется для Германии продолжением кризиса при некотором улучшении в третьем квартале года, громадным кризисом в промышленности Англии, связанным с великой угольной стачкой, и т. д., и т. п. Развертывание экономических циклов проходит таким образом в формах, которые почти уничтожают самое понятие этого цикла. Экономика сплошь да рядом настолько тесно срастается с факторами внеэкономического порядка (оккупация, социально-классовые конфликты, «политика» вообще), что об обычном, нормальном ходе развития не может быть и речи. Это первый факт, который нужно отметить, ибо для всякого беспристрастного наблюдателя он говорит о патологическом состоянии хозяйственного организма, а следовательно, и о не совсем обычной или, вернее, о совсем необычной природе переживаемых капитализмом затруднений. Для иллюстрации вышесказанного о характере конъюнктурной кривой послевоенного хозяйства можно взять хотя бы данные об амплитуде колебаний производства и цен в «конъюнктурном цикле» до войны и теперь.

Самое сильное снижение производства чугуна во время довоенных кризисов было равно в Англии 19,4% (1889—1892 гг.), а в С.-А. С. Ш.—39% (1908 г.).

После войны Англия имела снижение на 60% в 1921 г., а С.-А. С. Ш. на 48% в 1920—1921 г.г. и на 22,5% в 1924., хотя кризис 1924 г. считается очень слабым, а многими и совсем отрицается.

Самое сильное довоенное падение цен в Англии было равно 24,8% (1883—1887 гг.) за 4 года, а в С.-А. С. Ш.—20% за 1867—1871 гг. После войны в одном 1920/21 г. мы имели снижение индексов в Англии на 48%, а в С.-А. С. Ш. на 40% [1]).

Вторым фактом, который должен быть отмечен при анализе качественной стороны дела, является крайняя неравномерность развития, если мы берем эту последнюю по отдельным странам. Если и раньше мы наблюдали известную неравномерность развития (стоит только сравнить кривую развития классической страны европейского капитализма — Англии—с соответствующей кривой развития Северо-Американских Соединенных Штатов), то сравнительные цифры, характерные для теперешней обстановки, создающейся в пределах мирового хозяйства, показывают прямо-таки разительное расхождение в темпах по отдельным узлам капиталистической экономики. Если, например, в Соединенных Штатах Северной Америки производительные силы довольно быстро

---

[1]) Вычислено на основании данных проф. С. Первушина (С. Первушин „Хозяйственная конъюнктура") и „The Economist".

идут вверх, то, с другой стороны, европейское хозяйство далеко не достигло еще довоенного уровня.

Средняя, о которой мы говорили выше, замазывает это коренное отличие, сбалансировывая плюсы и минусы и не давая материала для качественной оценки процесса. С другой стороны, внутри самой Европы мы имеем громадную разницу между, скажем, Францией, которая подымается кверху, и Англией, производительные силы которой находятся в процессе почти правильного падения. Общеевропейская средняя скрадывает эти различия, не давая таким образом представления о громадной неравномерности, столь характерной для теперешней полосы развития и имеющей, без сомнения, свои глубочайшие причины.

Если взять основные конъюнктурные показатели по главнейшим странам мира, то мы будем иметь следующую картину исключительной неравномерности развития конъюнктуры:

1920/21 г. — Англия, С.-А. С. Ш. — кризис, Франция, Германия — подъем.

1923 г. — Германия — кризис, остальные — подъем.

1924 „ — Франция, Италия — подъем, С.-А. С. Ш., Германия — колеблющаяся конъюнктура, Англия — депрессия.

1925 „ — С.-А. С. Ш., Франция — подъем, Германия — вначале подъем, затем кризис. Англия — депрессия.

1926 „ — Англия, Германия — депрессия, Франция, С.-А. С. Ш. — подъем.

Но не только течение фаз конъюнктурного «цикла» в разных странах происходит часто в противоположных и различных направлениях. Для характеристики неравномерности в послевоенном развитии мирового хозяйства показательнее всего различные темпы «восстановительного» процесса по отдельным странам. Нижеследующая таблица нагляднейшим образом это демонстрирует.

Производство в 1925 г. в %% к довоенному

	Уголь	Чугун	Сталь	Посевн. площ. пшеницы
Мировое производство (без СССР)	97,6	95,7	115,4	112,9
Европа (без СССР) . .	90,1	78,4	93,9	90,8
С.-А. С. Ш.	102,5	118,8	141,2	110,8
Англия	84,2	60,8	96,5	83,8
Германия	93,6	93,2	103,5	92,6
Франция	107,9	95,0	99,6	82,0

Третьим показателем совершенно своеобразного положения дела является факт громадной недогрузки производственного аппарата. Никогда еще противоречия между так называемой производительной способностью, с одной стороны, и фактическим производством—с другой, не имели таких размеров, как в переживаемую нами эпоху. Это стоит,

---

[1]) Данные Конъюнктурного института и Бюро мирового хозяйства ВСНХ. Сборник „Мировое хозяйство 1919 — 1925 гг." изд. Центрального управления печати, 1926 г.

как мы подробно покажем ниже, в связи с колоссальным обнищанием широких масс, с громадным сужением внутренних рынков в капиталистических странах, со всем тем наследием, которое оставила за собою мировая война.

Вот, например, данные о фактическом использовании производственного аппарата в С.-А. С. Ш. и в Германии.

Использование предприятий в С.-А. С. Ш.

(в %% к технической мощности).

Средн. 1924 г.	Средн. 1925 г.	Июнь 1926 г.
71	77	78

Нагрузка германской промышленности:

	% предприятий, имевших нагрузку: слабую	удовлетв.	хорошую [1])
Июль 1926 г. . . .	62	26	12

Наконец, четвертым фактом, который должен быть отмечен нами, является огромная, совершенно исключительная по своей величине и—что особенно важно—хроническая безработица. Правда, безработица была, есть и будет постоянной принадлежностью капиталистического способа производства, правда, так называемая резервная промышленная армия всегда увеличивается во время промышленных кризисов. Но то, что мы имеем теперь, не идет ни в какое сравнение с соответ-

[1]) Составлено Сектором мирового хозяйства Госплана.

ствующими явлениями, наблюдающимися при «нормальных» капиталистических кризисах. Это явление настолько характерно, настолько бьет в глаза, что в экономической литературе делались даже попытки «вывести» самую природу современного капиталистического кризиса из изменений[1]), в соотношении между различными категориями людей и превратить переживаемые капитализмом хронические кризисы в так называемые «кризисы труда». Общее число безработных по всей Европе в 1925/26 г., по официальным данным, увеличилось по сравнению с 1924/25 г. на 61% и достигло 3,7 млн. Действительное же число безработных исчисляется (без неполно работающих) в 5870 тыс. чел.

Сравнение современной безработицы с довоенной в таких странах, как Германия и Англия, показывает небывалое возрастание.

	Германия	Англия
	Число безработных	
	членов профсоюзов на каждую сотню	на каждую сотню застрахованн.
1913 г.	2,9	3,7
1926 „ январь	22,6	11,1
1926 „ июнь	18,1	14,7 [2])

[1]) См. работу Роберта Фридлендера „Chronische Arbeitskrise".

[2]) Данные Vierteljahrshefte für Konjunkturforschung, Berlin, 1926, H. 2.

Особенно грандиозной по своим размерам является хроническая безработица в Германии, несмотря на то, что именно капитализм этой страны делает самые крупные усилия для починки своего пошатнувшегося за время войны фундамента. Классическая в прошлом страна процветания капиталистических отношений, мировая капиталистическая держава—Англия имеет точно так же нерассасывающуюся огромную армию безработных. Это гигантское количество рабочей массы, находящейся вне производственного процесса, является тяжелой гирей, висящей на ногах капиталистического общества, и эта гиря продолжает висеть несмотря даже на такие колебания конъюнктуры, когда кривая производительных сил подымается кверху. Совершенно очевидно, что и этот «симптом» указывает на некоторый глубоко органический порок, свойственный теперешнему капитализму,—порок, которого не знал капитализм довоенного времени.

Все указанные «симптомы», взятые в своей совокупности, с достаточной убедительностью говорят нам о своеобразной природе переживаемого капитализмом кризиса. Они говорят, с другой стороны, о крайней неустойчивости капиталистической стабилизации. Что бы ни говорили певцы капиталистической эксплоатации, как бы их ни поддерживали их социал-демократические подголоски, не подлежит никакому сомнению тот факт, что

капиталистическая стабилизация имеет характер частичный и непрочный. Характеристика этой стабилизации, даваемая решениями наших международных конгрессов, лишний раз подтверждается и анализом цифр последнего времени. Пересматривать ее у нас нет ровно никаких оснований. Наоборот, мы с еще большей уверенностью можем говорить, что эта характеристика выдержала историческую проверку последнего года и последних месяцев. Станет еще более ясной вся относительность, частичность и непрочность капиталистической стабилизации; она будет подчеркнута еще более решительно, если мы взглянем на факторы огромнейшей важности, направленные прямо и непосредственно против капиталистической стабилизации,—факторы, имеющие поистине всемирно-историческое значение: мы говорим о росте социализма в СССР, о великой китайской революции и великой стачке английских углекопов.

В. ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗЛОЖЕНИЯ

а) СССР

Крупнейшим фактором, направленным против капиталистического развития, является развитие социалистических производственных отношений в СССР. Со всех решительно точек зрения—и с точки зрения чисто хозяйственной, и с точки зре-

ния политической, и с точки зрения общекультурной—СССР в конечном счете является фактором разложения капиталистического режима в других странах. Было бы совершенно неправильно рассматривать при анализе международного положения капиталистический мир и СССР, как какие-то величины, совершенно независимые друг от друга. СССР является в настоящее время фактором совершенно исключительной важности, и так называемый «русский вопрос», который на самом деле есть важнейший вопрос международной революции, является самым больным вопросом, стоящим перед международной буржуазией и ее политическими руководителями. Приходится в данной связи рассматривать эту проблему с нескольких точек зрения.

1. Выпадение советской территории из «нормального» товарооборота само по себе означает очень значительную брешь в «правильном» развитии мирового хозяйства. Довоенная Россия представляла собою крупный рынок для иностранного капитала и притом не только товарный, но и капитальный. Импорт иностранных капиталов в Россию и прибыльное их там помещение представляли крупное значение для ряда буржуазных стран. Это значение России характеризуется следующими цифрами.

Вся мировая эмиссия ценных бумаг за три предвоенных года (1910—1912) составила 66 миллиардов франков, или 24,8 миллиарда рублей. За это

же время в России было выпущено ценных бумаг на 3 471,5 миллиона рублей. Таким образом доля эмиссии русских бумаг в общемировой эмиссии составляла перед войной около 14%. Между тем, как известно, выпуск русских ценностей был теснейшим образом связан с импортом иностранного капитала в Россию. Достаточно сказать, что около трети русских эмиссий падает на выпуск на иностранных рынках [1]). Что касается значения СССР как рынка сбыта промышленных товаров и источника сельскохозяйственного сырья, то оно видно хотя бы из того, что за пятилетие 1909—1913 гг. Россия поставила на мировой хлебный рынок 27,8% общего количества экспортируемой массы пяти важнейших хлебов. Удельный вес России в мировом лесоэкспорте в 1913 г. равнялся 23%, льноэкспорте [2])—40%, в экспорте яиц—44,7% и т. д. [3]). Сюда нужно добавить, что по колоссальным природным запасам промышленного топлива, сырья и т. п. СССР стоит на одном из самых первых мест на земном шаре. СССР имеет 35,1% мировых запасов нефти (С.-А. С. Ш. всего 12%), 78% за-

[1]) Данные взяты из книги „Русские биржевые ценности 1914/15 г.“ под ред. Боголепова, стр. 173 и 176.

[2]) Точнее, в покрытии потребностей Западной Европы и Америки.

[3]) Данные о хлебе и лесе — из „Контрольных цифр“, стр. 156—157; о льне и яйцах — из сб. „Мировое хозяйство за 1923—1925 гг.“, стр. 223.

пасов торфа, 28%—леса (С.-А. С. Ш. всего 8%) и т. д.

Импорт в Россию поглощал в 1913 г. 8,7% вывоза из Германии, 3,45% вывоза из Англии и 4—5% общемирового вывоза. При этом быстрый рост русского рынка придавал ему особо важное значение для промышленности западно-европейских индустриальных стран.

2. Вновь налаживаемые торговые связи между капиталистическими странами и Россией, превратившейся в СССР, представляют, однако, с точки зрения буржуазного мира постоянную угрозу для всего его дальнейшего развития. Эти связи способствуют дальнейшему ускорению подъема государственной промышленности и народного хозяйства страны пролетарской диктатуры. Правда, эти связи (и по линии товарооборота, и по линии кредитов, и по линии возможных концессий) представляют собою известную отдушину для капиталистического мира, столь нуждающегося в настоящий момент в рынке для своих товаров и своих капиталов. С этой точки зрения хозяйственные связи между СССР и его капиталистическим окружением превращаются, до известной степени, в фактор, способствующий стабилизации капитализма. Однако только совершенно плоские умы типа ультра-левых ренегатов и социал-демократических шарлатанов могут ставить вопрос таким образом, что, завязывая хозяйственные связи с капиталистическими дер-

жавами, страна пролетарской диктатуры отказывается от своей революционной миссии. Нетрудно понять, что использование этих связей в гораздо большей степени способствует росту сил революции, чем росту сил капиталистического мира. Если целому ряду стран по частям хозяйственные сношения с Советским Союзом дают известную чрезвычайно небольшую отдушину, то те же самые хозяйственные связи, концентрируясь на другом полюсе, на одной только советской стране, способствуют в гораздо большей степени хозяйственному подъему именно этой страны. С другой стороны, та же самая сумма ценностей, применяемая у нас по определенному плану, возможно более целесообразно, имеет благодаря этому своему плановому распределению гораздо большее хозяйственное значение и дает гораздо больший производственный эффект, чем в любой другой стране. Это обеспечивается именно социалистической организацией «командных высот» нашего хозяйства. Поэтому с точки зрения соотношений между капиталистическим миром и Советским Союзом политика, направленная на хозяйственное использование капиталистических стран, окружающих СССР, есть политика, укрепляющая и подымающая основную базу международного пролетарского движения.

3. Решающее значение имеет, конечно, направление хозяйственного развития СССР, а также

темп этого развития по сравнению с темпом развития в капиталистических странах. Еще в 1919 г. тов. Ленин писал:

«Как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и пр. против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся» [1]).

Эти слова подтверждаются буквально каждым годом нашего развития. Если мы поставим вопрос о темпе этого развития по сравнению со стабилизацией капитализма, то нетрудно будет сообразить, что темп СССР будет гораздо более быстрым. В самом деле, ни одна страна не потерпела столь неслыханных разрушений в результате империалистической войны, войны гражданской, интервенции и т. д., как СССР. Известно, что в ряде крупнейших производственных отраслей у нас процент продукции падал до десятых долей одного процента довоенного уровня. Между тем СССР подо-

---

[1]) Собр. соч., т. XVI, стр. 350.

шел к довоенному уровню приблизительно в то же время, как и капиталистические страны в целом. Отсюда нетрудно умозаключить о большей быстроте темпа развития в СССР. Это соображение можно, однако, проверить совершенно точными статистическими расчетами.

Сельское хозяйство Советского Союза под влиянием войны и революции упало чуть не до половины довоенного уровня, в то время как сельское хозяйство в капиталистических странах Западной Европы ни в один из годов периода 1914—1925 г.г. не опускалось до такого тяжелого состояния. Однако уже к 1925 г. сельское хозяйство Советского Союза по уровню своего восстановления оказалось впереди Франции и очень недалеко от Англии и Германии. Это видно из следующей таблички [1]):

Посевная площадь в %% к 1909—1913 г.г.

	1909—1913 г.г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
СССР	100	63,6	77,0	83,2	86,4
Франция . . .	100	80,0	81,8	81,2	81,7
Германия . . .	100	82,1	87,2	88,9	90,7
Англия	100	105,3	97,6	82,8	89,4

Как видно, благодаря неуклонному и быстрому росту посевной площади в СССР и колеблющемуся и замедленному возрастанию посевной площади капиталистических стран,

[1]) См. „Контрольные цифры“, стр. 148.

СССР в общем и целом догнал их в восстановлении своего сельского хозяйства.

Еще более яркую картину мы имеем в промышленности. Так, добыча угля в процентах к довоенной составляла [1]):

	1913 г.	1921 г.	1925 г.	1-я пол. 1926 г.
СССР	100	29	61	85
Европа	100	65	89	75 [2])

Несколько менее благоприятную картину мы имеем по металлургии, хотя бы по стали. Но и тут основной вывод остался неизменным: СССР, к 1921 г. дошедший до жалкого уровня 1,3% довоенной выплавки стали, к 1926 г. (1-я половина) достиг 69,4%, т.-е. увеличил свою продукцию за пять лет раз в 50. В это же время Европа с 48,7% выплавки в 1921 г. достигла 90,8% в 1926 г. (1-я половина) [3]). Таким образом СССР, несмотря на тяжелейшие условия разрухи, капиталистического окружения и т. п., восстанавливал свою металлургию настолько быстрее Европы, что к 1926 г. раз-

---

[1]) См. „Контрольные цифры", стр. 150.

[2]) Резкое понижение связано с английской стачкой. Но если даже взять для 1926 г. цифру за 1925 г., то и в этом случае основные выводы не изменятся: если бы СССР без английской стачки не перегнал Европу в восстановлении каменноугольной промышленности, то он все же догнал бы ее. Однако надо учесть еще то, что английская стачка для Германии и Польши— положительный факт, там она вызвала рост продукции.

[3]) Данные из „Контрольных цифр", стр. 152.

ница в достигнутом уровне оказалась сравнительно незначительной. О том же говорят данные по чугуну, по хлопчатобумажному производству и т. д.

Очень важным является еще то обстоятельство, что в то время как в Европе—и даже в С.-А. С. Ш.— динамика продукции, имея в общем и целом повышательную тенденцию, претерпевает в некоторые годы срывы, задержки, понижения, в СССР линия той же динамики идет плавно вверх, за все время с 1921 г. не давая ни одного понижения или хотя бы застойного состояния [1]). Совершенно ясно, что в этом факте, как и во всех вышеприведенных, мы имеем яркое проявление преимуществ наших планово-социалистических методов хозяйствования над буржуазно-капиталистическими методами.

---

[1]) В подтверждение этого см., например, следующую таблицу (данные из сборника „Мировое хозяйство за 1919—1925 г.г.“).

Продукция стали и угля в %% к 1919 г.

	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Сталь:							
Европа (без СССР) . . .	100	124,3	104,0	130,7	133,3	165,8	170,5
СССР	100	81,9	92,0	181,7	364,8	571,4	1 066,0
Уголь							
Европа (без СССР) . . .	100	107,7	93,8	118,2	113,6	127,7	123,1
СССР	100	91,3	101,8	108,3	159,3	192,1	210,8

Что касается *направления* хозяйственного развития СССР, то не подлежит никакому сомнению наличие все более и более сильной тенденции к абсолютному и относительному росту как социалистических хозяйственных элементов, так и тех хозяйственных элементов, которые непосредственно смыкаются с главной цитаделью растущего социализма—с государственной социализированной крупной промышленностью и другими огосударствленными командными высотами народного хозяйства. Только люди, заранее отрицающие возможность социалистической революции в СССР, обязательно должны, благодаря этой своей исходной установке, быть против признания успехов социалистического строительства в СССР. Если же они не могут вообще отрицать наши хозяйственные успехи, то они пытаются приписать их *капиталистическому* развитию в СССР, на всех перекрестках толкуя о так называемом «перерождении» хозяйственной ткани в пролетарской республике. В действительности пролетариат СССР добился крупнейших успехов в области хозяйственного строительства именно *на основе продвижения к социализму*. Наличие этих успехов может быть подтверждено следующими статистическими данными. Валовая продукция народного хозяйства СССР выросла с 1923/24 г. по 1925/26 г. с 12 272 млн. довоенных руб. до 18 229 млн. руб., т.-е. на 49%. На 1926/27 г. намечен рост до

19 757 млн. руб., или еще на 8% (к предыдущему году). При этом промышленность растет быстрее сельского хозяйства, и поэтому удельный вес индустрии повышается. В процентах к предшествующему году продукция промышленности и сельского хозяйства составляла:

Годы:	Сел. хоз.	Крупн. промышл.	Мелк. и куст. промышл.
1924/25	108	155	124
1925/26	119	143	115
1926/27	105	114	108

Благодаря такому соотношению темпов роста отдельных отраслей народного хозяйства, доля промышленной продукции, понизившаяся в годы гражданской войны и разрухи благодаря громадному упадку крупной промышленности и составившая в 1923/24 г. 27,4% от всей продукции народного хозяйства, к 1925/26 г. вновь достигла довоенных размеров — приблизительно 38%. В 1926/27 г. доля промышленности в народно-хозяйственной продукции перешагнет довоенные размеры — достигнет примерно 40%. Этот факт говорит о том, что СССР уже вступил на путь индустриализации и несомненно сможет в дальнейшем по нему двигаться.

При этом наша индустриализация есть и будет индустриализацией социалистической. Если в 1923/24 г. государство и кооперация имели в своих руках 94,8% всей крупной промышленности, то в 1925/26 г. эта поистине львиная доля еще более

увеличилась, достигнув 95,9%. Одновременно в торговом обороте государство и кооперация увеличили за это же время свою долю с 59,2% до 76%. Во всей продукции народного хозяйства (и крупной промышленности и сельского хозяйства, и мелкой ремесленно-кустарной промышленности) доля государства и кооперации выросла с 37,1% в 1923/24 г. до 42,4% в 1926/27 г. Доля частного хозяйства за это же время упала с 62,9% до 57,6% [1]). Наконец, очень интересным и показательным является также факт роста доли пролетариата в совокупном народном доходе СССР. Если в 1923/24 г. эта доля составила 23,2%, то в 1925/26 г. она составит около 30% [2]).

Можно было бы привести еще очень много разнообразных цифровых доказательств того положения, что в СССР социалистические тенденции развития преодолевают и перевешивают противодействие, оказываемое им со стороны капиталистических элементов нашего народного хозяйства, и ведут это последнее по пути к социализму. Однако нам кажется, что и приведенные данные достаточно веско и ясно говорят о том, что пролетариат Советского Союза действительно движется по пути постепенного, но неуклонного строитель-

---

[1]) До 1925/26 г. доля государства и кооперации выросла до 40,8%, а частного хозяйства упала до 59,2%; на 1926/27 год „Контрольными цифрами“ намечены указанные данные.

[2]) Все данные из „Контрольных цифр“.

ства полного социалистического общества. Ни один новый общественный порядок не возникал готовым и, так сказать, обстроенным со всех сторон. Капиталистический способ производства, который долго рос в недрах феодального общества, развивался, уже после буржуазных революций, в течение долгих и долгих десятилетий. Было бы абсурдом думать, что социализм, в особенности в такой отсталой стране, как Россия, мог быть рожден в краткий срок, как законченная со всех сторон система новых производственных отношений. Он *растет и строится* в борьбе с другими формами, вытесняя одни из них, переделывая другие и постепенно распространяя сеть новых взаимоотношений на весь хозяйственный организм страны. Как и во многих других случаях, решающим обстоятельством является *динамика* развития. И эта динамика есть динамика развития *социалистических* отношений в первую голову и в первую очередь. Вот почему не только стабилизация, но и *быстрый рост* социализма в СССР есть несомненный факт. Этот факт становится сам по себе величайшим, важнейшим, основным фактором, великим рычагом международной пролетарской революции и, следовательно, величайшим фактором разложения сил международного капитала. Могучее влияние СССР и его воздействие в качестве пункта, вокруг которого концентрическими кругами собираются все силы, направленные против капиталистического режима,

должны быть учтены как самая крупная контр-тенденция, направленная против укрепления мировой капиталистической системы.

б) Англия

Важнейшим западно-европейским фактором разложения капиталистического порядка вещей является глубокий упадок Великобританской империи, когда-то почти монопольной «владычицы морей». Великая Британская империя—этот прежний оплот мирового капитализма, «мастерская мира» и т. д.—обнаруживает неуклонное сползание со своей прежней позиции и превращается из классического образца могущества капитализма в классический образец его заката. Целый ряд причин обусловил собою это падение: во-первых, консервативность и устарелость английской производственной техники; во-вторых, замещение угля, на котором держалось мировое экономическое значение Англии, новыми видами энергии; в-третьих, индустриализация колоний и доминьонов Великобритании, индустриализация, которая получила особенно резкий толчок во время мировой войны и с возрастающей силой продолжается теперь; в-четвертых, колониальные и полуколониальные восстания и национально-революционная освободительная борьба в ряде географических пунктов земного шара, которые служили товарными или капитальными рынками английской

промышленности; в-пятых, могучая конкуренция Америки и отчасти некоторых европейских стран, а также Японии. В результате всех этих причин хозяйственная позиция Англии на мировом рынке резко пошатнулась. В противовес ослаблению позиции Англии на мировом рынке вырастает роль других стран, и в первую очередь С.-А. Соединенных Штатов. Самый центр мировой торговли перемещается на наших глазах. Вот как, например, отзывается «Frankfurter Zeitung» об этих изменениях в мировой торговле:

«Развитие мировой торговли с 1913 г. характеризуется тем, что она перемещается с Атлантического океана на Тихий. С одной стороны, Соединенные Штаты покупают все меньше в Европе и все больше в Азии, а Китай и Япония, с своей стороны, покупают все больше и больше в Америке а также меньше в Европе. Вывоз Японии в Европу упал с 23,3% всего ее вывоза в 1913 г. до 6% в 1925 г., в Америку же, наоборот, поднялся с 30% до 74,5%; таким же образом упал европейский ввоз из Австралии—с 71% до 54%, а из Аргентины—с 80% до 64%» [1]).

Чрезвычайно интересной чертой в вытеснении Англии с ее позиции в мировой торговле является одновременно растущая торговая связь английских доминьонов и колоний с С.-А. С. Ш. и другими государствами за счет Англии. Вот, например, любо-

---

[1]) „Frankfurter Zeitung“ от 3 ноября 1926 г., № 821.

пытная таблица, характеризующая рост торгового влияния С.-А. С. Ш. в британских владениях [1]).

Экспорт С.-А. С. Ш.

(в миллионах долларов)

	1910/14 гг.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Австралия	38,7	119,4	125,2	148,5
Египет	17	6,2	5,9	7,4
Брит. Вост. Индия .	14,2	39,5	44,3	52,1
Брит. Южн. Африка	12,9	28,4	36,0	46,2
Зап. Африка	3,2	8,1	8,0	10,7
Вост. Африка	0,7	1,5	2,6	3,8

Огромные суммы сверхприбылей, получившихся английским капитализмом, которые были, с одной стороны, базой великолепного экономического процветания Англии, а с другой стороны, гарантией гражданского мира внутри страны и приручения рабочего класса, сделались невозможными вместе с утратой Великобританией ее монопольного положения на мировом рынке. Мировая капиталистическая гегемония перешла в настоящее время к Северо-Американским Соединенным Штатам. Это можно проследить на ряде данных и прежде всего

1) Данные „Commerce Yearbook". 1925.

на показателях развития основных отраслей производства в Англии и С.-А. С. Ш. Если брать долю С.-А. С. Ш. и Англии в мировом производстве чугуна, стали, угля, а также данные о потреблении хлопка, то мы получим следующую картину:

Доля Англии и С.-А. С. Ш. в %% в мировом производстве[1]).

	1913 г.	1925 г.
Добыча угля:		
Доля Англии	24,4	21,4
„ С.-А. С. Ш.	43,2	45,7
Производства чугуна:		
Доля Англии	13,3	8,3
„ С.-А. С. Ш.	39,8	48,1
Производство стали:		
Доля Англии	10,3	8,5
„ С.-А. С. Ш.	41,7	51,1
Потребление хлопка:		
Доля Англии	21,0	14,8
„ С.-А. С. Ш.	25,3	27,3

Экономические факторы, разлагающие Британскую империю, находят свое политическое выражение в политике центробежных тенденций внутри Британской империи, с одной стороны, и в крайнем обострении классовой борьбы—с другой. С каждой

---

[1]) Данные взяты из „World Almanach“ 1926, „Commerce Yearbook“, 1925, стат. сб. „Мировое хозяйство 1913—1925“.

новой так называемой общеимперской конференцией становится все более ясным тот факт, что ряд английских доминьонов, в первую очередь Канада, имеют центром тяготения не столько английскую метрополию, сколько Соединенные Штаты Северной Америки. «Широко раскинувшаяся Британская империя, — говорит, например, бывший британский посол в Вашингтоне Оклэнд Геддс [1]), — во многом уступила свою руководящую роль в мире сплоченной империи Соединенных Штатов. Доминьоны считают вашингтонское правительство правительством своего поколения... Доминьоны склонны взирать на Вашингтон, а Вашингтон многобещающе смотрит на них»...

Государственному единству великой империи грозит опасность не только со стороны неспокойных колоний, но и со стороны ряда индустриализующихся доминьонов, которые, вместе с перемещением мирового хозяйственного центра из Европы во внеевропейские страны, обнаруживают стремление оторваться от своей британской пуповины. Правда, что касается колоний, то британскому капитализму удалось изменением своей экономической политики и изменением своей политики вообще укрепить — до известной степени и на время — свое влияние в таких странах, как Индия (индустриализация Индии, введение покровительственных тарифов,

---

[1]) См. его книгу „Memorial Lecture".

блок со значительной частью индусской буржуазии и т. д.), тем не менее даже этот факт не меняет общей картины постоянного, из месяца в месяц идущего все дальше и дальше процесса ослабления империи.

С другой стороны, исчезновение прежнего монопольного положения и экономической базы исключительно высокого уровня жизни английского рабочего класса, который когда-то, по выражению Энгельса, был «буржуазным пролетариатом», привело и не могло не привести к такому обострению классовой борьбы, которое вновь возрождает славные традиции чартистского движения английского пролетариата. Могучие классовые конфликты являются неизбежным спутником и выразителем падения британского капитализма, который не в состоянии обеспечить рабочему классу прежнего уровня его жизни. Этот уровень жизни, который в руках буржуазии в прежнее время служил средством приручения рабочего класса, в настоящих условиях превращается в средство, направленное против буржуазии, поскольку эта последняя ведет на него прямой и открытый поход. Совершенно не случайно, что именно угольная промышленность, это производственное сердце Англии, является очагом огромных классовых битв, каких не знала английская история в течение многих и многих десятилетий. Эти классовые битвы, возникшие в результате упадка капиталистической системы Англии, в свою очередь становятся фактором ее дальнейшего разложения.

Взаимодействие экономики и политики демонстрируется здесь с наиболее поразительной очевидностью. Хозяйственно-экономическое значение этого конфликта, не говоря уже о его великом принципиально политическом значении, выходит далеко за рамки конфликта в одной отрасли производства, хотя бы даже и решающей. На самом деле в значительной мере парализована вся экономическая жизнь Англии. В результате английской стачки мы имеем в течение 1925/26 г. сокращение физического объема производства на 14,5%, продукции угля — на 37,5%, выплавки чугуна — на 41,5%, стали — на 32,8%, судостроения — на 25,4%, экспорта — на 11,8% [1]). Общая же сумма убытков, принесенных стачкой, по чрезвычайно оптимистическим подсчетам Вестминстерского банка, равняется 300 млн. ф. ст., что безусловно является преуменьшением. Но, более того, английская стачка имеет крупнейшее хозяйственное значение за пределами Англии, изменяет экономическое соотношение сил, по-иному распределяет потоки товарных масс между различными сторонами и тем самым ослабляет в еще большей степени позицию английского империализма.

На базе систематического упадка английского капитализма через обострение классовой борьбы рабочий класс Британской империи неминуемо подводится историей к проблеме власти. Англия стано-

---

1) Данные Сектора мирового хозяйства Госплана.

вится такой страной в Европе, которая ближе всех других в настоящий момент развивается в сторону приближения к «непосредственно-революционной ситуации», хотя этим вовсе не сказано, что такая ситуация создается в результате именно данной стачки. Вместе с тем упадок английского капитализма, на-ряду со всеми своими последствиями, пробивает огромную брешь даже в относительной устойчивости современного капитализма.

в) Китай

Третьим крупнейшим фактором разложения капитализма является великая национальная противо-империалистическая революция в Китае[1]). При теперешней конъюнктуре, когда для мировой буржуазии, и в особенности для крупнейших империалистических держав, наиболее остро поставлен вновь вопрос о внешних рынках, выпадение Китая из-под влияния иностранного капитала означает крупнейший удар капиталистическому режиму. Очень значительная часть крупного промышленного производства в Китае, как известно, принадлежит иностранному капиталу. Сбор таможенных пошлин и отдельные монополии (например соляная) целиком находятся в руках иностранцев, налоговая

[1]) Мы здесь останавливаемся на вопросах китайской революции очень кратко, так как позже посвятим им специальный раздел.

система в целом также в значительной мере находится под их контролем. В особенности сильно заинтересованным является английский капитал, на-ряду с японским, американским и пр. С точки зрения дальнейшего развития Китай с его необычайно густым населением, насчитывающим около 440 миллионов, представляет собою в перспективе огромный рынок и для помещения капиталов и для сбыта готовых товарных масс. Равным образом Китай может служить громадным резервуаром сырья. Таким образом Китай является одной из важнейших точек приложения сил международного капитализма. Нельзя также недооценить непосредственного политического действия китайской революции на другие зависимые полуколониальные и колониальные страны. Китайская революция все более и более становится великим центром притяжения для пробуждающихся масс колониального Востока. Индонезия (Голландская Индия) уже находится в состоянии революционного брожения, переходящего местами в открытую гражданскую войну против иностранного капитала, в первую очередь голландского. Правда, англичанам удалось, как мы указывали уже выше, достигнуть довольно крупных успехов в деле «успокоения» Индии. Однако победоносное развитие национально-революционной борьбы в Китае не может не оказать своего революционизирующего воздействия и на Индию, индустриализация которой с неизбежностью будет все больше

и больше выдвигать на первый план роль индусского промышленного пролетариата. В таких условиях столица революционного Китая Кантон становится своеобразной «Красной Москвой» для подымающихся масс азиатских колоний.

Чрезвычайно важен, разумеется, и весь переплет международных отношений в их целом. Еще Ленин указывал на пробуждающийся Восток как на величайшего союзника пролетарской диктатуры в стране советов в ее борьбе против империалистического хищничества. Можно до известной степени сказать, что огромная китайская проблема и вся судьба китайской революции будут определяться тем, пойдет ли революционный Китай по своему особому пути в союзе и в дружбе с победоносным рабочим классом прежней России, или же иностранному капиталу удастся захватить гегемонию над хозяйственным и политическим развитием Китая в свои руки. Иностранный капитал может попытаться сделать это или в форме непосредственной поддержки контрреволюционных милитаристов, т.-е. в форме их победы с помощью иностранцев над силами китайской революции, или в форме ряда уступок национальной китайской буржуазии и направления дальнейшего развития Китая на чисто капиталистический путь—под благожелательным попечительством иностранных капиталистических групп. Само собой понятно, что больше всего международный империализм боится первого пути китайского развития,

ибо союз еще не победивших, но борющихся масс западно-европейского пролетариата, пролетарского государства СССР и широчайших масс рабочих, крестьян и ремесленников Китая представлял бы собою такую огромную силу, которая в значительнейшей мере создавала бы гарантию победы международной революции. Китайскую национальную революционно-освободительную борьбу нельзя брать при оценке международного положения как некую совершенно изолированную величину. Она есть составная часть великого исторического преобразовательного процесса, она есть с международной точки зрения одно из слагаемых процесса международной революции, растянутого на целую эпоху. Именно поэтому китайская революция означает огромную брешь в процессе стабилизации мирового капитализма.

Г. ИТОГИ

Из предыдущего мы видим, что прежняя «сплошная» постановка вопроса о капиталистической стабилизации является неудовлетворительной, или, вернее, недостаточной. Современное мировое хозяйство есть реальное единство в у с л о в н о м смысле этого слова. Если и в довоенный период связь различных частей мирового хозяйства была неизмеримо слабее, чем связь между отдельными составными частями внутри какой-либо страны, то после войны и в результате войны эта связь еще

более ослабела. Вот почему так называемые «общие выводы», касающиеся всего мирового ховяйства в целом, отличаются точно так же условным характером, еще более условным, чем это было до войны. Простое сложение показателей роста капиталистических отношений, скажем в Германии, с показателями упадка капиталистических отношений в Китае и получение арифметической средней говорит чрезвычайно мало, и на этой базе нельзя построить никаких практических выводов для борющихся рабочих партий. Этот пример можно до известной степени обобщить. Отсюда выводы: в настоящее время необходима дифференцированная, а не «сплошная» постановка вопроса о капиталистической стабилизации. Только такая постановка вопроса может указать нам и на необходимость тех или других практически-политических выводов, тех или других директив для нашей практической борьбы. В пределах мирового хозяйства необходимо различать примерно 6 различных групп стран: во-первых, Соединенные Штаты Северной Америки — страна, резче всего выражающая собою кривую подъема капиталистического хозяйства; сюда же отчасти относятся Япония, английские доминьоны и т. д., во-вторых, Советский Союз — страна развивающегося социализма, чужеродное тело внутри капиталистического мирового хозяйства, фактор, наиболее резко, решительно и последовательно выражающий антикапиталистическую тенденцию развития;

в-третьих, Англия—страна, наиболее ярко демонстрирующая упадок старого капиталистического мира; в-четвертых, Германия, Франция и Италия—страны, несколько по-разному выражающие наиболее успешные попытки на пути капиталистической стабилизации и выхода—хотя и непрочного—из послевоенного кризиса; в-пятых, Чехо-Словакия, Австрия, Польша и другие страны, частью «стабилизовавшиеся» на нищенском уровне, полугниющие, иногда аграризирующиеся; в-шестых, Китай, Индонезия и др., где налицо мы имеем либо глубочайшее революционное брожение, либо прямую гражданскую войну и где, следовательно, не может быть и речи о какой бы то ни было капиталистической стабилизации.

Разумеется, в каждой группе точно так же нет полной однородности развития и, как всякое обобщение, это деление по группам точно так же далеко не полно выражает действительный ход конкретного развития. Тем не менее такая постановка вопроса значительно приближает нас к действительности, являясь как бы тем минимумом, из которого нужно исходить при оценке вопроса о капиталистической стабилизации.

---

2. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ПРОБЛЕМА РЫНКОВ

Анализ вопроса о капиталистической стабилизации подводит нас вплотную к вопросу о характеристике того особого и специфического кризиса, который переживает в настоящее время мировое капиталистическое хозяйство как единая система. Среди буржуазных ученых, а также и среди идеологов социал-демократии чрезвычайно распространенным является взгляд, что в настоящее время капитализм переживает «нормальный» кризис капиталистического перепроизводства. В основу этой теории кладется тот несомненный факт, что действительно налицо имеется почти повсеместное перепроизводство, что налицо имеется, как мы видели выше, неполная нагрузка предприятий, что производительные способности наличного производственного аппарата значительно превышают действительные размеры производства, что огромное количество рабочей силы обретается вне производственного процесса, и т. д. и т. п. Для теоретиков буржуазии и социал-демократии этого вполне достаточно, чтобы считать текущий кризис «школьным

примером» обычных капиталистических кризисов. Конечно, такой взгляд относительно обычности, нормальности, типичности современного капиталистического кризиса имеет своей предпосылкой совершенно определенную оценку текущей полосы капиталистического развития. Эта предпосылка, примерно, может быть изображена следующим образом: капитализм залечил свои военные раны, капитализм стабилизировался, капитализм вышел на широкую дорогу своего нормального развития, капитализму предстоит фаза могучего расцвета, или, как это формулировал известный исследователь мирового хозяйства, кильский профессор Бьернгард Гармс: «Принцип капиталистического строя мирового хозяйства не изменился, мы только теперь идем навстречу настоящей эпохе высоко развитого капитализма» (см. «Frankfurter Zeitung» от 1 октября 1926 г., отчет о заседании «Ферейна социальной политики в Вене»). Такую же точку зрения защищал на том же собрании Рудольф Гильфердинг, повторявший основные положения своей ранее напечатанной статьи «О проблемах нашего времени» («Gesellschaft»). По мнению Гильфердинга, мир стоит накануне новой эпохи восхождения капитализма, окончательно долженствующей превратить этот последний в капитализм организованный, в капитализм без войн, в капитализм, который только должен быть хозяйственно демократизирован, чтобы получить полную и безоговорочную

санкцию со стороны господ социал-демократов. Выше мы уже видели, что для таких оптимистических (с точки зрения капитализма) оценок нет ровно никаких оснований. Этот вопрос нужно разобрать теперь с точки зрения теории кризисов.

Прежде всего нужно остановиться на одной системе взглядов, которая может лечь в основу вывода в духе буржуазного оптимизма. Известно, что во время войны ее апологеты, исходившие из грубо эмпирического факта так называемого военного процветания промышленности, построили целую теорию, которую можно было бы назвать теорией экономической полезности войны. В самом деле, налицо был факт роста тяжелой индустрии, особенно работавшей на войну металлической промышленности, налицо факт известного подъема в этих отраслях производства. В силу подъема в них и соответствующего подъема в смежных производственных отраслях мы имеем сокращение безработицы и даже повышение заработной платы в определенные периоды войны. Как же тут можно было не сделать заключения о высокой хозяйственной полезности самого разрушительного занятия, какое только знала история человечества [1])? Получалась своего рода парадоксальная концепция, логическим

---

[1]) В связи с этим строились и теории, касавшиеся отдельных сторон хозяйственной жизни. Так, например, небезызвестный теоретик русской буржуазии профессор Туган-Барановский построил „новую“ теорию денежного обращения, по которой отрыв

завершением которой было бы провозглашение войны самым лучшим средством экономического подъема. Нетрудно видеть и социальный классовый корень этой абсурдной теории и ее полную логическую несостоятельность. Социально-классовый корень этой теории, это—точка зрения, правда очень влиятельной, группы буржуазии, а именно группы промышленников, непосредственно работавших на войну. С точки зрения этой группы и с точки зрения сравнительно небольшого отрезка времени война была действительно самым экономически выгодным занятием: она повышала прибыли, или дивиденды, военной промышленности, она чрезвычайно увеличивала доходы соответствующих кругов буржуазии. Тем не менее эта точка зрения вполне абсурдна. Во-первых, она смешивает интересы народного хозяйства в его целом с интересами определенной части господствующей буржуазии. Во-вторых, она не выходит за пределы чрезвычайно ограниченного отрезка времени. Эта двойная, если можно так выразиться, близорукость, чрезвычайно крепко сидящая на барышнической корысти, лучше всего доказала свою собственную несостоятельность печальной судьбой великороссийского капитализма и его иностранных кредиторов. Ибо, в конечном счете, «военное процветание» немножко

бумажных денег (специфическое влияние войны) от своего золотого базиса объявлялся сущим пустяком с точки зрения „цветущего“ военного хозяйства.

смело с лица земли наиболее матерых певцов этого самого военного процветания. Нетрудно понять, в чем здесь дело. С точки зрения всего общественного целого, непроизводительное потребление, т.-е. такого рода потребление, которое не является дальнейшим составным элементом процесса воспроизводства, есть величайший тормаз развития производительных сил. При своем значительном количественном росте непроизводительное потребление есть не что иное, как процесс, обратный расширенному воспроизводству: в таком случае мы имеем систематическое уничтожение производительных сил и тем самым сужение всего производственного базиса в его целом. Этому нисколько не противоречит тот факт, что на определенное количество времени для некоторой группы хозяйственных единиц (в противоположность всему общественному целому) этот процесс может сопровождаться нарастанием их хозяйственной мощи: это возможно благодаря перераспределению национального дохода и перераспределению производительных сил. При их общем понижении и при уменьшении совокупного национального дохода определенный участок хозяйственного фронта может расти и развиваться за счет других его участков, но и то—мы это особенно подчеркиваем—лишь на определенный промежуток времени.

К сожалению, как это ни странно, вышеупомянутая абсурдная теория может опираться и на

некоторые неправильные теоретические положения тов. Розы Люксембург, которая, как известно, рассматривала милитаризм как форму капиталистического накопления, поддерживавшую капиталистическую систему в состоянии хозяйственного равновесия. Всем памятна полемика, которую нам приходилось вести против нашумевшей в свое время статьи тов. Бориса, опиравшегося на теорию тов. Розы Люксембург и утверждавшего, что время войны было временем необычайного роста производительных сил капиталистического общества и его производственного аппарата. В действительности, во время войны в странах, этой войной непосредственно задетых и подвергшихся ее разрушительному действию, в странах, где направление производства было резко повернуто в сторону непроизводительного потребления, происходили следующие процессы: во-первых, общее обнищание, разрушение производительных сил страны в целом, во-вторых, рост производства на некоторых командных участках. Другое дело такие страны, как, например, Северо-Американские Соединенные Штаты, чрезвычайно слабо подвергавшиеся разрушительному воздействию войны и взамен продуктов истребления, производившихся ими для европейских стран, получавшие совершенно реальные ценности (золото или товары), которые в большой доле могли быть употреблены и на производительные цели. Разбухшая военная промышленность

Соединенных Штатов получала в обмен за свои продукты производительный эквивалент, в то время как воюющие страны расстреливали накопленные ценности в воздух. Даже если принять во внимание то обстоятельство, что известная доля промышленных товаров, проданных за время войны Северо-Американскими Соединенными Штатами воюющим странам Европы, была оплачена ими не непосредственно производительными ценностями, а в форме золота или долговых обязательств, то ведь и тут на американской стороне имелся рост экономического могущества, а на европейской—непроизводительная растрата накопленных капиталов и прямое ослабление их хозяйственных позиций. Этим, между прочим, в значительной мере объясняется тот огромный сдвиг в отношениях между странами, который произошел в результате войны; этим, между прочим, объясняется такое форсированное выступление Америки как руководящей силы мирового рынка.

Для воюющих стран война означала не только понижение производительности, но и катастрофическое обнищание широких народных масс, экспроприацию средних слоев и т. д. При этом нужно заметить, что потребности войны, обслуживавшиеся промышленностью, приводили, с другой стороны, к тому, что за счет сокращения даже элементарного потребления масс должен был во что бы то ни стало поддерживаться, а иногда и расти производствен-

ный аппарат военной промышленности. Фигурально выражаясь, сапоги и пиджаки превращались в станки для выделки шрапнельных стаканов.

Вышеприведенные рассуждения дают основу для правильной постановки вопроса о теперешнем кризисе. Когда Маркс развивал свою теорию «нормальных» кризисов капиталистического перепроизводства, то в числе одной из составных, и притом важнейших составных частей этой теории у него было положение о периодическом характере этих кризисов и о правильной смене различных фаз промышленного цикла. Одной из главнейших «загадок» при выяснении природы этих кризисов была именно их периодичность, т.-е. известная правильность в тех взрывах противоречий капиталистической системы, которые получили название кризисов. Объяснение их периодичности и даже объяснение, примерно, десятилетнего промежутка между ними, который, как известно, связывался у Маркса с вложениями основного капитала, составляло одну из характернейших черт марксова учения о кризисах. Если бы не было элемента этой периодичности, то тогда мы имели бы перед собою тоже кризис, но кризис особого порядка, с особой природой. Этот кризис, имея в той или иной степени общие элементы с кризисами, исследовавшимися Марксом, все же явным образом отличался бы от этих последних.

Самую войну, например, можно рассматривать

как своеобразный кризис. В самом деле, война была проявлением острого противоречия между ростом производительных сил капиталистических государств и ограниченными производственными отношениями капитализма, закрепленными узлом государственных организаций. Капитализм пытался разрешить это противоречие огнем и мечом. И как всякий кризис, он сопровождался разрушением производительных сил. Это был, следовательно, тоже «кризис», но было бы в высокой степени абсурдным ставить знак равенства между «нормальным» кризисом капиталистического производства и войной. Ибо война есть такой «кризис», качественные особенности которого далеко выводят его за пределы обычного и нормального.

Необходимо отличать (если брать другие вопросы, более близкие к занимающей нас теме) три ряда явлений: «нормальные» кризисы капиталистического перепроизводства; голодные кризисы недопроизводства и недопотребления, характерные для наиболее острых моментов войны; наконец, теперешний кризис перепроизводства в его совершенно специфической форме, которая резко отличает его от кризисов капиталистического перепроизводства довоенного времени. Если мы приглядимся к теперешнему критическому состоянию капиталистической системы, то, как мы уже говорили, не подлежит никакому сомнению самый факт этого перепроизводства. При этом нелишне здесь отметить,

что когда речь идет о перепроизводстве, то в данном случае этот последний термин означает вовсе не избыток производимых продуктов по отношению к действительной потребности масс, а перепроизводство соотносительно с так называемым *эффективным* спросом, т.-е. со спросом, имеющим своей основой действительную *покупательную способность* масс, т.-е. соотносительно с рынком. Нужно отметить точно так же, что речь идет о так называемом общем перепроизводстве, т.-е. о таком перепроизводстве, которое наблюдается на всех или почти всех участках хозяйственного фронта. Этот факт достаточно красноречиво иллюстрируется недогрузкой промышленных предприятий в самых разнообразных отраслях индустрии. Следовательно, мы имеем перед собою громадную диспропорцию между производством и потреблением, или, другими словами, мы имеем налицо необыкновенно яркое выражение наиболее глубоких противоречий. Известно, что именно это противоречие лежит в основе и обыкновенных капиталистических кризисов, однако диспропорция между производством и потреблением может обнаружиться в результате *различного* сочетания между динамикой производства и потребления. Производство может расти и потребление может расти, но если производство растет быстрее потребления, то мы будем иметь налицо перепроизводство; производство может стоять на месте, а по-

требление падать, в таком случае мы будем иметь налицо перепроизводство; производство может падать и потребление может падать еще быстрее, мы в таком случае будем иметь налицо факт перепроизводства. Что было характерным для «нормальных» кризисов капиталистического перепроизводства? Характерным для этих кризисов было то, что они выражали собою взрыв капиталистических противоречий на основе восходящей кривой капиталистического развития. Кризис разрешал это противоречие для того, чтобы начался новый цикл развития уже на новой ступени капиталистического производственного процесса — ступени более высокой, чем предыдущая. Движущим началом было здесь развитие производительных сил. Диспропорция между производством и потреблением складывалась на такой основе, что производство обгоняло растущее потребление. Если проследить всю историю капиталистических отношений, то она с точки зрения рынка выражалась в его непрерывном росте. Следовательно, одновременно росли и производство и потребление, но потребление периодически отставало от производства, и в результате получались конфликты, находившие свое разрешение в кризисах.

Что же мы имеем теперь? Мы имеем теперь такое положение вещей, когда диспропорция между производством и потреблением сложилась не столько потому, что вырос производственный ап-

парат (есть ряд данных, на основании которых можно заключить о том, что производственный аппарат действительно вырос в ряде отраслей), сколько потому, что война (именно война!) вызвала совершенно невероятное обнищание и крайне сузила внутренний рынок. Совершенно напрасны были бы здесь софистические попытки своеобразной экономической теории относительности, которая утверждала бы, что нужно брать одно лишь отношение, не ставя «бессмысленного» вопроса о том, с какой стороны нарушается равновесие. С точки зрения действительного понимания основных причин и природы настоящего кризиса никак нельзя пройти мимо этого вопроса. Наша постановка проблемы вполне сходится с действительностью и увязывает теперешний кризис перепроизводства с голодными кризисами недопроизводства и недопотребления эпохи войны. В самом деле, демобилизованный, выросший производственный аппарат промышленности [1]) с внесенными в него различными техническими улучшениями натолкнулся при своем производственном функционировании на невероятную нищету масс, которая и является главной «движущей причиной» пережи-

[1]) При этом не следует смешивать этого роста с ростом производственного аппарата всей страны, так же как размеры производственного аппарата в вещественном выражении не следует смешивать с размерами производственного аппарата в ценностном выражении.

ваемого кризиса. Таким образом, этот последний представляется измененной формой послевоенного кризиса капитализма вообще, а отнюдь не тем, чем его изображают апологеты капиталистического строя и социал-демократические теоретики.

Разумеется, что не только в этом противоречии между производством и потреблением заключаются все конкретные причины переживаемого кризиса. Война нарушила хозяйственное равновесие между странами, между различными отраслями производства, она балканизировала Европу, ввела бесконечное количество новых таможенных границ, в ряде стран (например Польша) чрезвычайно подняла военный бюджет и т. д. и т. п. Но все эти моменты, которые, между прочим, видный экономист германской социал-демократии Фриц Нафтали, особенно сильно подчеркивает в своей статье «Probleme der Krise» в 8 номере «Die Gesellschaft», являются лишь новым доказательством «необыкновенности» переживаемого кризиса. Между тем этот же автор, ближе других подошедший к вопросу о природе текущего кризиса, думает все же свести его целиком к марксову учению о «нормальных» капиталистических кризисов. Этим он делает Марксу — как Маркс выражался по несколько другому поводу — «и слишком много чести и слишком много бесчестия одновременно»; не говоря уже о том, что Нафтали отодвигает на совершенно задний план момент потребления, что вовсе не соответствует

правильно понятому учению Маркса, он незаметно для самого себя как бы выбрасывает подчеркнутый уже нами момент отсутствия правильной периодичности в ходе современной конъюнктуры. С точки зрения Нафтали, который в этом отношении идет по линии, общей всем социал-демократам [1]), та лихорадочная кривая конъюнктуры, которая характерна для современного кризиса, не имеет никакого значения, хотя он сам в начале своей статьи говорит об этом отличительном признаке сегодняшнего дня. Однако что-либо из двух: либо этот момент имеет значение, и тогда нельзя подводить теперешнего кризиса под рубрику «нормальных» кризисов капиталистического производства, либо перед нами «нормальный» кризис капиталистического производства, и тогда необходимо считать специфическую кривую теперешнего развития за нечто совершенно второстепенное. Всякая теория, поскольку она претендует на правильность, должна прежде всего соответствовать действительности;

---

[1]) Достаточно прочесть, например, следующее место из статьи Лейхтера в „Der lebendige Marxismus":

„Какими бы своеобразными чертами ни отличался переживаемый кризис, сколько бы ни старались искать корней его не в самом строе капиталистического общества, а в вызвавших катастрофу политических и экономических положениях мирных договоров, однако анализ причин этого кризиса показал, что он может служить классическим примером в подтверждение марксовой теории кризисов. Все причины кризисов, изложенные в теории Маркса, играют роль и в этом кризисе".

а эта действительность весьма внушительным языком убеждает нас в том, что теперешний кризис перепроизводства есть продолжение послевоенного кризиса капитализма вообще, что он имеет черты, резко отличающие его от обычных капиталистических кризисов. Его «необычность» есть не что иное, как выражение всей условности, временности и непрочности так называемой капиталистической стабилизации.

Наш анализ делает вполне понятным и тот кардинальный факт, что перед буржуазией в настоящее время встал с такой остротой вопрос о рынках и специально вопрос о рынках внешних. В самом деле, если главным основанием теперешнего кризиса перепроизводства является обнищание масс, т.-е. крайнее сужение внутренних рынков, то со всей силой должна быть поставлена проблема внешних рынков. Капиталистическая буржуазия, которая ведет свое хозяйство под углом зрения прибылей, а отнюдь не удовлетворения потребностей масс, по самой своей природе не может превращать часть своей прибыли в заработную плату рабочего класса, в целях увеличения внутреннего рынка. Она ищет, наоборот, прямо противоположных путей: за счет понижения заработной платы пролетарских масс она пытается вести более энергичную борьбу за обладание внешними рынками. Здесь, между прочим, снова сказывается глубочайшая принципиальная разница между раз-

витием на капиталистической основе и развитием на социалистической основе. В СССР происходят быстрый рост производства и расширение производственного аппарата, но этот рост направляется совершенно иными стимулами, а именно, стремлением в конечном счете все больше и больше повышать жизненный уровень широких трудящихся масс. Вот почему в СССР, в полной противоположности с буржуазно-капиталистическими странами, имеется ориентация на внутренний рынок, а не на внешний. Снова и снова исторические факты подтверждают глубокий принципиальный антагонизм между капиталом и трудом, между империализмом, стремящимся вернуть себе прочные довоенные позиции, и новым миром растущих социалистических отношений.

---

3. ПЕРЕГРУППИРОВКИ ДЕРЖАВ И ГЛАВНЫЕ ЛИНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Общеизвестным является факт перенесения центров хозяйственной жизни из старой Европы во внеевропейские континенты и в первую голову в Соединенные Штаты Северной Америки. И в смысле торговли и в смысле капитального экспорта мировой центр тяжести переместился в эту огромную страну очень полнокровного и необыкновенно могучего американского капитала. Та тенденция, которая была ясна еще и в довоенное время, была чрезвычайно форсирована ходом войны и продолжалась во время всего послевоенного кризиса. Американское хозяйство безусловно имеет в своих руках хозяйственную гегемонию над всеми остальными странами. Однако нужно знать меру при определении этого процесса «хозяйственного засилья» Северо-Американских Соединенных Штатов. Главнейшие цифры, которые могут иллюстрировать вышеозначенный процесс, представляются в следующем виде:

В 1913 году доля Европы в мировом внешнеторговом обороте (точнее, в обороте 32 важнейших

стран) равнялась 64,4%. К 1923/24 г. она снизилась до 57,4%, в то время как доля Америки за этот же промежуток времени выросла с 21,1% до 26,8% (в том числе доля С.-А. С. Ш. выросла с 11,9% в 1913 г. до 17,3% в 1924 г.)[1]. Выше мы уже приводили данные о возрастании доли С.-А. С. Ш. и о падении доли Англии в мировом производстве важнейших промышленных продуктов. Добавим только несколько цифр о доле всей Европы в целом. Ее доля в добыче угля понизилась с 50,1% в 1913 г. до 45,4% в 1925 г., в производстве чугуна за этот же период—с 58,7% до 47,9% в 1925 г., в выплавке стали—с 56,6% до 45,8%[2], в потреблении хлопка—с 53,6% в 1913 г. до 38,8% в 1924 г.[3].

А то, что теряла Европа, почти полностью переходило на долю Америки.

Одновременно коренным образом перестраивались долговые соотношения капиталистических государств. Соединенные Штаты, совершенно освободившиеся от внешних (государственных) долгов, оказались в положении европейского кредитора. Достаточно сказать, что к концу 1924 года европейские государства (без СССР) были должны С.-А. С. Ш. 13 246 миллионов долларов, что составляет 53% всей задолженности европейских го-

---

1) Данные Сектора мирового хозяйства Госплана.

2) „Контрольные цифры“, стр. 150—152.

3) Ср. „Мировое хозяйство“ за 1913—1925 гг., стр. 76.

сударств [1]). А перелив золота из Европы в Америку привел к тому, что вместо довоенных 58,8% в Европе к 1924 г. осталось всего 31,4% мирового золотого запаса (включая золото в обращении), в то время как доля Америки за это же время с 25,7% возросла до 55,2% [2]).

Чрезвычайно важным является также то обстоятельство, что намечается тенденция перехода гегемонии в экспорте капиталов от Англии и других европейских стран к С.-А. С. Ш. Если в 1913 г. английские капиталы, инвестированные за границей, составили сумму в 3 714 млн. фунтов, а капиталы С.-А. С. Ш.—сумму в 2 605 млн. долларов (т.-е. примерно в 7 раз меньшую), то к 1924 г. соотношение резко изменилось. Английские инвестиции за границей составляли в этом году 3 400 млн. фунтов, а С.-А. С. Ш.—9 090 млн. долларов, т.-е. всего лишь примерно на $^{1}/_{3}$ меньше Англии [3]). О той же самой тенденции говорит и такой важный показатель экспорта капиталов, как внешняя эмиссия ценных бумаг. Если в 1922 г. [4]) внешняя эмиссия С.-А. С. Ш. в среднем за месяц составля-

---

[1]) По данным Сектора мирового хозяйства Госплана СССР.

[2]) „Плановое хозяйство", № 8, стр. 282.

[3]) Данные Сектора мирового хозяйства Госплана. Оговариваемся, что они основаны на разных источниках (для Англии 1913 г. — Paisch, 1924 г. — H. Fick, для Америки 1913 г. — S. Chase, 1924 г. — официальная оценка).

[4]) По Америке довоенных данных нет.

ла 52,6 млн. долл., а Англии—54,1 млн. долл. (против 80,1 млн. долл. в 1913 г.), и если в 1923 г. соответственная цифра по С.-А. С. Ш. равна 22,9 млн. долл., а по Англии 49,6 млн. долл., то в 1924 г. С.-А. С. Ш дают уже 83,8 млн. долл. внешней эмиссии в месяц, а Англия—всего 49,9 млн. долларов; 1925 г. дает по С.-А. С. Ш. 91,0 млн. долл. среднемесячной внешней эмиссии, а по Англии—39,8 млн.

Если мы возьмем самое последнее время, то в связи с началом известного подъема в некоторых европейских государствах можно отметить некоторую повышательную тенденцию со стороны Европы.

В ряде экономических областей доля Европы дает известный, правда небольшой рост. Так, например, 1924/25 г. дал некоторое увеличение доли Европы во внешней торговле мира: если в 1923/24 г. эта доля равнялась 57,4%, то в 1924/25 г. она составила 58%, доля Америки соответственно упала с 26,8% до 26,4% [1]). Правда, в 1925/26 г. в связи с английской стачкой доля Европы вновь несколько снижается. Доля Европы в мировом потреблении хлопка с 38,8% в 1924 г. выросла до 41,3% в 1925 г. [2]). Золотой запас Европы в процентах к мировому составлял в 1925 г. 32,2 вместо 31,4 в 1924 г. [3]), и т. д.

---

1) Данные Сектора мирового хозяйства Госплана.

2) Сб. „Мировое хозяйство“ за 1913—1925 гг., стр. 76.

3) „Плановое хозяйство“, № 8, стр. 282.

Другим чрезвычайно важным фактором в области международной хозяйственной жизни, фактором, определяющим собою и основные тенденции в области международной политики, является, с одной стороны, упадок Англии, с другой—новый тип промышленного развития Франции, превращающейся из государства рантье, из мирового ростовщика в крупнейшую промышленную страну, наконец, с третьей стороны—подъем германского капитализма, вновь становящегося центральным экономическим пунктом континентальной Европы.

Эти основные экономические факты служат глубочайшей основой для перегруппировки между различными державами, при чем основная тенденция этих перегруппировок, поскольку речь идет о соотношении между капиталистическими странами, может быть определена как крах знаменитого Версальского мира, распад большой Антанты и разложение Лиги наций, этого основного международного инструмента союзников, по иронии истории как раз теперь с наибольшей силой воспеваемой социал-демократическими поклонниками.

Хозяйственные линии и хозяйственная закономерность в конечном счете пробивают себе путь-дорогу сквозь все препятствия и получают то или другое внешнее политическое выражение. Недаром политика определяется как «концентрированная экономика». Версальский мир со всеми его полити-

ческими последствиями мог держаться лишь на базе крайнего угнетения германского народного хозяйства. Поскольку в этой области происходят решающие перемены, поскольку параллельно с этим главнейшая сила союзников—Англия, несмотря на победу в мировой войне, хозяйственно катится по наклонной плоскости вниз, постольку неизбежно должны быть подорваны самые основы Версальского мира. Постараемся наметить здесь основные этапы тех международных политических изменений, которые явились результатами изменений в области хозяйственной жизни.

Наивысшей точкой торжества Версальского мира была **оккупация Рура французскими войсками**. Америка, наиболее могучая капиталистическая держава мира, стояла в стороне от политики Европы, находившейся в полном смысле этого слова в хаотическом состоянии. Америка не решалась оплодотворять европейское хозяйство золотым дождем своих кредитов, боясь увязнуть своими капиталами в странах, самое капиталистическое существо которых находилось под большим знаком вопроса. В Европе налицо была политическая гегемония победоносного и опьяненного своим успехом французского империализма, вооруженного с ног до головы. Германия политически лежала на дне. Англия не могла оказать достаточного сопротивления французской политике, хотя отнюдь не желала полного разгрома Германии, которая могла

явиться известным противовесом непомерному росту влияния французского империализма.

Следующая фаза развития. Франция оказалась не в состоянии переварить свои рурские успехи и свои оккупационные подвиги. На этой основе началось вмешательство американского, а отчасти и английского капитала. Вмешательство Америки несомненно сыграло во всем последующем движении чрезвычайно крупную роль. Намечается и принимается так называемый план Дауэса, который, с одной стороны, означает хозяйственное и политическое вмешательство Америки в судьбы капиталистической Европы, с другой стороны, способствует началу подъема германского народного хозяйства, оплодотворенного американскими кредитами. Франция, как наиболее решительный антагонист Германии, неизбежно при таком положении вещей оттирается на задний план. Англия, «сотрудничающая» с Америкой, снова получает перевес в концерте европейских держав. Так подготовляется почва к новому этапу отношений, находящему свое международно-политическое выражение в локарнских сделках.

Локарно осуществляет эти наметившиеся тенденции. Американский капитал во исполнение дауэсовского плана энергично функционирует в Европе при поддержке и «помощи» со стороны капитала английского. Лига наций по почину Англии, за спиной которой стоит Америка, заигры-

вает с Германией, обещая ей прием в Лигу наций взамен за открытый отказ от так называемой восточной ориентации, столь характерной для германской политики эпохи наибольшего хозяйственного и политического угнетения Германии. «Локарнский дух» есть таким образом проявление крупнейшей перегруппировки сил на основе изменившегося политического положения в центре Западной Европы.

Следующий этап—Женева. Американский капитал не дает Англии использовать плоды победы. Германия единогласно принимается в Лигу наций, ей обеспечивается постоянное место в Совете Лиги наций. У Франции, поставленной перед фактом экономического подъема Германии, с одной стороны, и растущих противоречий между нею и Англией—с другой, начинается поворот в сторону более «мягкой» политики по отношению Германии. «Локарнский дух», поскольку он означает поворот Германии от восточной ориентации к западной, получает свое еще более резкое выражение.

Следующий этап—Туари. Английский капитализм обнаруживает с необыкновенной яркостью наиболее слабые свои стороны. Социальный конфликт в Англии подрывает ее хозяйство, влечет за собой еще больший подъем европейских государств, производящих уголь, в буквальном смысле слова спасает Польшу от хозяйственного краха, быстро двигает вперед Германию, форсируя в ней производство угля и обеспечивая этому произ-

водству английский рынок. Франция делает крутой поворот в сторону сближения с Германией. На 7-й сессии Лиги наций она использует ослабление Англии и получает большинство и в пленуме Лиги и в ее Совете, подкупая целый ряд мелких государств своей «мирной» политикой по отношению к Германии. Если в Локарно наметился поворот в сторону привлечения Германии в Лигу наций вообще, что было сделано с согласия всех и по инициативе Англии, то теперь речь идет уже о настоящем сближении между Францией и Германией. Экономически это находит свое выражение в создании мощного континентального стального картеля, где первую скрипку играет Германия и основное ядро представлено франко-германским блоком. Объективно франко-германское соглашение, а равно и стальной картель не могут не означать попытки освободиться из-под тяжелой руки американского капитализма, несмотря на то, что американский капитал сам косвенно «участвует» в этой сделке. Соглашение в Туари с точки зрения всей этой механики представляет выдающийся интерес. Здесь была поставлена на обсуждение вся сумма важнейших вопросов, касающихся Франции и Германии. Суть сделки сводится к следующему: Франция обязуется постепенно сокращать оккупационные войска на левом берегу Рейна и припрятать остающиеся, придав оккупации «невидимый характер»; во-вторых, Фран-

ция эвакуирует в течение 1927 г. вторую и третью рейнские зоны: в-третьих, Франция в начале 1927 г. возвращает Германии Саарский бассейн **без** плебисцита, полагавшегося по Версальскому договору; в-четвертых, Франция изменяет методы военного контроля над Германией и т. д.; с своей стороны, Германия дает Франции 250 миллионов золотых марок наличными, как выкуп за каменноугольные копи Саарского бассейна, и, с другой стороны, предоставляет в распоряжение Франции часть дауэсовских облигаций германских железных дорог на сумму примерно полтора миллиарда золотых марок. При помощи этих компенсаций правительство Франции думало поправить свое денежное обращение и, стабилизовав окончательно свою валюту, стабилизовать вместе с тем все хозяйство республики. Это соглашение, однако, повидимому, срывается вмешательством со стороны **американского капитала**. Американские банкиры и американское правительство считают необходимым предварительное урегулирование вопроса о международных долгах, отлично зная, что финансовый план, намеченный в Туари, в особенности поскольку дело касается мобилизации жел.-дор. облигаций, не может быть решен без «помощи» американского капитала. Это вмешательство Америки делает невозможной реализацию всего плана, намеченного в Туари; тем не менее сближение между Францией и Германией (и хозяйственное и политическое)

остается важнейшим фактом современных международных отношений.

Отчасти в противовес франко-германскому сближению возникает сближение между Англией и Италией, капитализм которой в общем и целом (мы говорим в общем и целом потому, что Италия, повидимому, уже вступила в полосу очень тяжелого хозяйственного и внутрипартийного кризиса) сделал ряд крупнейших хозяйственных успехов (электрификация страны, подъем в целом ряде решающих производственных отраслей) и выступает теперь как наиболее агрессивное государство на европейском континенте. Между Италией и Францией очень обострились противоречия в Средиземном море и в Северной Африке, настолько, что поговаривали даже о возможности военного конфликта между этими странами. Однако, на данной стадии развития это является совершенно явным преувеличением. Здесь необходимо отметить другой пункт соприкосновения между Англией и Италией, а именно в связи с вероятными попытками со стороны итальянского правительства включиться в единый фронт, направленный против Советского Союза. С другой стороны, в связи с общей перегруппировкой между крупнейшими империалистскими державами стоит и изменяющаяся ориентация Польши. Польша, которая была первоначально вассалом французского империализма в момент его наиболь-

шей агрессивности, оказывается вовлеченной в орбиту влияния Англии, активно способствовавшей перевороту Пилсудского. В настоящее время снова как будто намечается поворот Польши в сторону Франции. Таким образом и на восточном конце Западной Европы происходят изменения, отражающие перегруппировки среди политических командных высот европейского капитализма.

Несмотря на все перегруппировки различных империалистических стран и зависимых от них малых государств, основной тенденцией развития является тенденция, направленная своим острием против СССР. Переориентация Германии на Запад, которая (переориентация) все более и более закрепляется начиная с локарнского соглашения, в основе своей не может не означать, одновременно с включением Германии в систему империалистических государств, такой ориентации, которая направлена против Советского Союза. Само собой разумеется, что Германия в поисках себе внешних рынков не может отказаться от рынка СССР и, следовательно, должна будет—и, быть может, во все возрастающей мере—укреплять свои связи с этим рынком. Но с другой стороны, не подлежит никакому сомнению тот факт, что с включением Германии в состав Лиги наций, с ее блокировкой с Францией, с консолидацией германского монополистического капитализма, в Германии довольно быстро растут элемен-

ты враждебности по отношению к Советскому Союзу. Последние выпады «Tägliche Rundschau», более или менее отражающей правительственную точку зрения по поводу советско-литовского договора, служат лишь симптомом известного роста принципиальной враждебности по отношению к Советскому Союзу. Италия, которая за последнее время изо всех сил тщится вести большую политику агрессивного империалистского образца, точно так же начинает «выравниваться» по линии антисоветского фронта. Активизация итальянской политики на Востоке, соприкосновение ее с турецкими проблемами, проникновение итальянского влияния вплоть до Китая, претензии итальянского империализма даже на этот отдаленнейший от Италии пункт земного шара,—все это, взятое вместе с итало-английским сближением, дает достаточно яркую картину положения вещей. Польша, в особенности после переворота Пилсудского, почти открыто бряцала оружием против СССР, местами стягивая свои военные силы, направленные против Литвы, находящейся в дружественных отношениях с Советским Союзом. Ряд заключенных Польшей договоров и военных конвенций (польско-румынский договор, югославско-польский, чехословацко-польский и т. д.), а равно и политика Польши по отношению к прибалтийским государствам являются попыткой окружения Советского Союза «от моря и до моря». На-ряду с этим следует отметить франко-румын-

ское и итало-румынское соглашения, которые точно так же идут по антисоветской линии. Главным застрельщиком и поджигателем в этой политике является английский империализм, потому что слабеющая Англия особенно угрожаема со стороны подымающихся колониальных народов, видящих в Советском Союзе свою моральную поддержку и свой моральный оплот. Английская политика в Прибалтике, в Польше, в Румынии, в Персии, в Афганистане, в Китае и т. д. направлена самым резким образом против Советского Союза. В результате, несмотря на противоречия внутри империалистических держав, несмотря на перегруппировки, несмотря на направленные друг против друга соглашения, с достаточной ясностью вырисовывается картина, обнаруживающая антисоветскую тенденцию. Примерно то же нужно сказать относительно очага великой восточной революции — Китая. Английское правительство пыталось не раз заменить здесь разговоры дипломатические разговором пушек. Если это до сих пор не могло достаточно полно реализоваться, например, хотя бы в форме общей интервенции в Китае, — и вряд ли на данной стадии развития может реализоваться, — то это происходит прежде всего от относительной слабости самих империалистических держав. Английская стачка горняков играла здесь немалую роль. С другой стороны, задача настолько технически трудна, а противоречия интересов настолько ве-

лики (стоит лишь взять американско-японские противоречия), что вполне вероятны попытки, симптомы которых уже наметились,—попытки овладеть Китаем при помощи подкупа китайской буржуазии, раскола единого национально-революционного фронта и «мирного» подчинения Китая иностранному империализму. Это отнюдь не исключает, разумеется, ряда попыток вновь и вновь возобновлять при подходящих условиях военную интервенцию в китайские дела. Таким образом **проблема окружения Советского Союза и окружения китайской революции является основной проблемой, стоящей перед империалистическими державами.**

Разумеется, эта общая тенденция, равно как и ряд межгосударственных соглашений, о которых мы говорили выше, ни в малой степени не отменяют противоречий между империалистскими государствами. Противоречия между Соединенными Штатами и Японией, между Англией и Францией, между Францией и Италией, даже между Францией и Германией (несмотря на сближение); противоречия между Англией и Соединенными Штатами, между всей Европой и Соединенными Штатами и т. д., и т. п.,—все это остается налицо. Местами эти противоречия временно сглаживаются при одновременном обострении их в других пунктах. Достаточной иллюстрацией и выражением крайней противоречивости всего развития служит то обстоятельство,

что Лига наций, на которую возлагались такие надежды, Лига наций, которая представлялась многим исходной точкой крепкого объединения Европы и перехода всего экономическо-политического правопорядка в некоторую принципиально иную фазу развития,—эта Лига наций находится теперь в состоянии разложения. Этим ростом противоречий объясняется рост милитаризма, необыкновенное качественное переоборудование всей техники, гигантские успехи военных изобретений, словом все то, что является орудием подготовки к войне и орудием войны. О развитии этой стороны деятельности так называемого «культурного человечества», под псевдонимом которого выступают правящие клики, достаточно убедительно говорят следующие факты и следующие цифры:

Военные бюджеты продолжают расти, далеко превысив довоенные размеры. Если в 1913 г. военные бюджеты Франции, Италии, Англии и С.-А. С. Ш., вместе взятые, составляли 993 млн. долларов, то к 1923 г. они достигли 1 743 млн., а к 1926 г.—1 768 млн. В настоящее время численность сухопутных армий значительно больше, чем до войны или в 1923 г. В 1913 г. указанные 4 державы имели в своих сухопутных войсках 1 613 тыс. солдат, в 1923 г.—1 681 тыс., в 1926 г.—1 821 тыс. Колоссально увеличилось число действующих военных самолетов этих же держав: с полутораста в 1913 г. до 2 400 в 1923 г. и до 3 550 в 1926 г.

При этом, что особенно важно, одновременно с количественным увеличением военной техники происходит ее качественное улучшение. С 1918 по 1926 г. средняя грузоподъемность бомбардировщика в авиофлоте поднялась с 160 кило до 400, максимальная скорострельность авиопулеметов—с 1 000 выстрелов в минуту до 1 600, максимальный вес фугасной бомбы—с 1 000 кило до 2 000, а процент попаданий—с 14—15 до 50—60 и т. д. В итоге, например, если в 1918 г. 480 немецких самолетов смогли сбросить над Парижем 22 тыс. кило бомб, то в 1926 г. такое же количество самолетов сбросило бы 144 тыс. кило бомб, и благодаря возросшему проценту попаданий разрушительная сила сброшенных бомб увеличилась бы в общем раз в 20.

Благодаря развитию военно-морской техники боевая сила военных кораблей всех типов тоже сильно выросла. Водоизмещение крейсеров с 1913 по 1926 г. выросло почти вдвое с 5,5 тыс. тонн до 10 тыс., торпедоносцев—с 0,98 тыс. тонн до 2,4 тыс., подводных лодок—с 0,82 тыс. тонн до 2,52 тыс., и т. д. Наконец, следует отметить крупнейшие «успехи» в области подготовки химической войны.

Все это говорит о том, что грядущая война вызовет несравненно большее потрясение и разрушение всего хозяйственного и общественного уклада, чем война 1914—1918 гг. Ведь годы мира, как видно,

не проходят даром для империалистов: не теряя попусту времени, предоставляя разговоры о разоружении всякого рода пацифистским дурачкам или лицемерам, они деятельно заботятся о подкреплении своих вожделений и своих планов соответственными «пушечными аргументами».

Главные выводы из нашего анализа: крайней неустойчивости экономических отношений соответствует *крайняя неустойчивость политических группировок*. Если в области экономических отношений правильная конъюнктурная кривая довоенного времени уступила свое место причудливой и прыгающей конъюнктурной кривой настоящего времени, то относительная прочность международных соглашений довоенного периода уступила свое место быстро сменяющимся перегруппировкам сил, когда союзники становятся врагами, а враги—союзниками, и эта изумительная чехарда проделывается поистине с акробатической быстротой: экономика порождает соответствующую политику; эта политика в свою очередь воздействует в таком же духе на экономику. И то, и другое есть выражение всей непрочности и условности капиталистической стабилизации. И то и другое есть выражение общего кризиса мирового капиталистического организма.

И то и другое позволяет нам сказать, что мы идем не к «ультра-империализму», а к **пролетарской революции**.

4. ПЕРЕГРУППИРОВКА КЛАССОВЫХ СИЛ И ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Если стабилизационные попытки международной буржуазии в области внешней политики опираются на поиски рынков, то внутри страны буржуазия пытается выехать на понижении доли рабочего класса в национальном доходе и на присвоении части дохода трудящихся народных масс вообще. Формы этого нажима крайне своеобразны. Политическое давление на рабочий класс при помощи всего совокупного государственного аппарата, борьба буржуазии на экономическом фронте, нападение на уровень зарплаты, последовательно проводимая борьба за удлинение рабочего дня, налоговое обложение, обременяющее рабочие массы, политика цен, которая, так сказать, с другого конца помогает буржуазии повысить степень эксплоатации, и целый ряд других мероприятий, получивших общее название «рационализации производства»,—все эти своеобразные формы наступления на трудящиеся массы служат одной и той же основной цели. Политика и здесь сочетается с экономикой, и самая проблема капиталистической стабилизации (стаби-

лизации хозяйства, с одной стороны, и упорядочения государственного аппарата—с другой) становится вопросом классовой борьбы. Это широкое наступление капитала на рабочий класс включает также определенные стратегические моменты, касающиеся, если можно так выразиться, внутрирабочей политики со стороны буржуазии. Под этим мы разумеем план буржуазии опереться на сравнительно незначительную часть рабочих, опереться в том смысле, чтобы, выделив эту часть и обеспечив ей сравнительно сносные условия существования, с тем большей остротой «нажать» на основную массу рабочего класса и удержать в повиновении огромные слои безработных, которые представляют теперь крупную угрозу всему процессу капиталистической стабилизации. С точки зрения экономики, стабилизационные попытки буржуазии, как мы выше видели, находят свою главную трудность внутри стран в крайней слабости внутреннего рынка при одновременных затруднениях в поисках рынков внешних. С точки зрения классовой борьбы стабилизационные попытки буржуазии находят себе предел в степени сопротивляемости капиталистическому наступлению со стороны рабочего класса и иногда идущих за ним слоев мелкой буржуазии.

Несмотря на все разнообразие форм, в которых развиваются эти стабилизационные попытки, все же можно уловить некоторую закономерность в общем

ходе борьбы. Проблема рынков есть, как мы видели, общая проблема, вытекающая из общего критического состояния мирового капиталистического организма. Стабилизационные потуги различных «национальных» буржуазий есть поэтому точно так же общее явление, присущее целому ряду стран. Именно поэтому наступление капитала на рабочий класс точно так же развертывается по всему фронту. Там, где послевоенный кризис застал буржуазию в таком положении, когда ее государственный аппарат был крайне непрочен, а классовое сочетание сил представлялось для нее более или менее угрожающим, первейшей задачей со стороны буржуазии был разгром рабочего движения. Классическим примером такой страны является страна, наиболее пострадавшая от империалистической войны,—Германия. В Германии исходным пунктом стабилизации капитализма, укрепления ее хозяйства и ее госаппарата является поражение пролетариата осенью 1923 г. Этому поражению предшествовали другие тяжелые поражения германских рабочих, но главный удар рабочий класс Германии получил именно осенью 1923 г., когда была ликвидирована имевшая тогда место «непосредственно революционная ситуация», и буржуазии на сравнительно долгий срок удалось «взять в железо» рабочий класс. Политическое укрепление германской буржуазии и известная стабилизация германского государства являются таким образом начальной

формой нового цикла развития Германии. С другой стороны, Германия, в результате поражения в империалистской войне лишенная ряда своих хозяйственных возможностей (аннексия угольных районов Францией и Польшей, потеря колоний, потеря торгового флота, репарационные платежи и т. д.) и сократившая до крайних пределов свой внутренний рынок, Германия, поставленная в наиболее тяжелые условия на международной арене, должна была делать наиболее интенсивные усилия, чтобы вновь завоевать, по старому славному имперскому выражению, «свое место под солнцем». Этим объясняется, почему германская буржуазия с особой решительностью и последовательностью должна была прибегнуть к попытке так называемой «рационализации» и нажима на рабочий класс; возможность проведения этой политики была дана крупным поражением рабочего класса, ослабившим силу его сопротивляемости. Главные факты внутренне-политической жизни страны сводятся здесь к следующему: консолидация руководящих буржуазных групп на основе блока, заключенного между капиталистической буржуазией и аграриями, при чем крайние консервативные группировки в связи с общим изменившимся положением в Германии поклялись в своей верности республиканскому режиму (сравни известную речь Зильберберга, съезд националистов в Кельне и пр.). Хозяйственной базой консолидации буржуазных групп является не-

имоверно быстрый рост предпринимательских организаций (трестификация промышленности). Таким образом и хозяйственно, и политически господствующие классы укрепили свои позиции. С другой стороны, рабочий класс, имея за собой ряд тяжелых поражений и разделенный на работающих и громаднейшую, почти трехмиллионную, армию безработных (с семействами это число доходит до 10 миллионов), не в состоянии дать отпора действием. Его ответ заключается пока в так называемом «полевении», которое может стать исходным пунктом для действительной мобилизации сил, направленных против наступления капитала. Гамбургская стачка является лишь первой ласточкой тех боев, которые вновь предстоят германскому рабочему классу в будущем.

В Англии попытка нападения на заработную плату и рабочий день вызвала колоссальный отпор со стороны пролетарской массы. Тот процесс, который был в Германии растянут на целый ряд лет, английская буржуазия хочет заставить пережить свой рабочий класс в сравнительно короткий срок. Английский пролетариат, в течение долгих десятилетий не подвергавшийся такому нападению и почти непрерывно повышавший свой жизненный уровень, ответил на нападение капитала всеобщей стачкой и стачкой горняков. С этой точки зрения стачка горняков имеет громаднейшее принципиальное значение. Позиции Англии на мировом рынке по всей

вероятности будут все более и более слабеть; этот дальнейший упадок английского народного хозяйства неизбежно, несмотря ни на какие частичные неудачи—как бы велики они ни были—будет вызывать обострение классовой борьбы в этой стране. Опасность со стороны рабочих и со стороны безработных, число которых неизбежно будет возрастать, настолько остра, что в кругах английской буржуазии поговаривают даже о возможности массового выселения рабочих в Индию и Австралию. В связи с величайшей остротой конфликта происходит поляризация классовых сил. Либеральная партия находится в стадии своего разложения, и значительная часть либералов уходит к консерваторам, в среде которых решающий перевес получают так называемые «твердолобые». На другом полюсе увеличивается влияние движения меньшинства и коммунистической партии. Таким образом Англия из самой консервативной страны и из оплота капиталистического режима в Европе превращается в страну, которая, по крайней мере с точки зрения оценки теперешнего положения вещей, идет скорее, чем другие страны, к созданию в ней «непосредственно революционной ситуации». Вероятность какой бы то ни было стабилизации капитализма здесь становится вообще под большой знак вопроса.

В иных формах та же закономерность стабилизационных попыток проявляется во Франции.

Во Франции в инфляционный период больше страдала мелкая буржуазия, тогда как среди рабочего класса не было безработицы, т.-е. того характернейшего явления, которое висит тяжелой гирей на хозяйственных организмах других стран. Главным уязвимым пунктом французского хозяйства, а следовательно, и французской политики было падение франка, расстройство денежного обращения в стране и угрожающее положение государственных финансов. Стабилизационные попытки буржуазии как класса в целом должны были здесь итти по линии стабилизации франка и упорядочения денежного обращения и государственных финансов. Со всей остротой эта проблема встала сравнительно недавно. Различные политические правительственные комбинации, которые отражали на себе давление мелкобуржуазных кругов, не в состоянии были разрешить финансовой проблемы, вокруг которой завязывался целый узел других противоречий. Политической предпосылкой для более или менее решительной политики был разгром «левого блока» и приход к власти Пуанкаре. Застрельщиком этого акта был комитет финансистов, состоявший из представителей: Crédit Lyonnais, Société générale, Comptoir d'Escompte, Comité des Forges и Union Parisienne, под председательством президента этого последнего банка.

Крупной буржуазии удалось заставить капитулировать «левый блок», и правительство «Пуанкаре-

Война» стало вершителем судеб республики. Рабочий класс далеко не в достаточной мере понял принципиальное значение этой перемены и не сумел ни мобилизовать свои собственные силы, ни повести за собой мелкую буржуазию. Правительство Пуанкаре, опирающееся на крупную буржуазию, гораздо более решительно повело политику «твердой» стабилизационной руки. Промышленники начали со своей стороны поговаривать о необходимости «жертв», о слишком высокой зарплате и слишком коротком рабочем дне. 1926 год оказался годом значительного количества локаутов и стачек. Орган Comité des Forges уже выставляет требования сокращения «персонала». Начались первые признаки безработицы. Дефляционная политика правительства неизбежно будет сопровождаться аналогичными попытками рационализации, как и в других странах. Столкновения рабочего класса с буржуазией лежат еще впереди.

Италия начала свою стабилизационную карьеру в широком смысле этого слова фашистским переворотом Муссолини. Хаотическое состояние итальянского хозяйства и социально-классовый хаос, получившийся в результате того, что рабочий класс, преданный социалистической партией, не сумел в острый момент кризиса довести своего революционного выступления до победоносного конца, послужили основой своеобразной формы политического укрепления буржуазии. Фашизм использовал

недовольство части крестьян, мелкой буржуазии и некоторых отсталых слоев рабочих, взяв их на повод—по существу буржуазной—политики. Укрепив государственную власть в этой своеобразной форме фашистской диктатуры, Муссолини шел все время в сторону растущего сближения с кругами крупной буржуазии. В результате был отменен целый ряд законов, в том числе и закон о 8-часовом рабочем дне. Эта стабилизационная политика, особенно обострившаяся за последнее время, привела, со своей стороны, к кризису самой фашистской партии, к росту внутренних противоречий в стране, к росту недовольства рабочего класса, мелкой городской и деревенской буржуазии. Все это правительство Муссолини пытается парализовать применением совершенно неслыханного террора.

Стабилизационная политика буржуазии и некоторые успехи этой политики отражаются в том общем факте, что буржуазия, которая для спасения и укрепления своего режима принуждена была периодически призывать к власти своего верного слугу—социал-демократию, полагает теперь, что «мавр сделал свое дело и мавр может уйти». В этом отношении интересно привести следующую сводку основных фактов: октябрь 1923 г.—выход социал-демократии из немецкого имперского правительства; начало 1924 г.—выход болгарских социал-демократов из правительства Цанкова; ноябрь 1924 г.—падение правительства Макдональда; воз-

никшие за период 1923—1924 гг. некоторые министерства с участием социал-демократов исчезли почти все; апрель 1926 г.—выход ППС из правительства национальной польской коалиции; март 1926 г.—выход из правительства чешской социал-демократии; июль 1926 г.—падение социал-демократического шведского правительства; тот же июль 1926 г.—крах «левого блока» во Франции. Таким образом вытеснение социал-демократии из буржуазных правительств несомненно является одним из крупных политических фактов. Основой для него служит известное укрепление крупной буржуазии, т.-е. известная стабилизация ее государственного аппарата.

Конечно, обострение классовой борьбы и совершенно неизбежные затруднения капиталистических правительств могут вновь привести к коалиционным кабинетам с участием социал-демократических партий, которые не только не ведут борьбы с нажимом на рабочий класс, но и прямо поддерживают стабилизацию капитализма. Эта последняя может поэтому найти свой классовый предел лишь при действительном отпоре со стороны рабочего класса, руководимого партиями Коммунистического Интернационала.

---

5. МЕТОДЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Капиталистическая политика рационализации выражается на первых порах в непосредственном нажиме на рабочий класс, в увеличении рабочего дня, в понижении зарплаты, в повышении налогового обложения и соответствующей политике цен.

В целом ряде стран мы имеем уже законодательное повышение рабочих часов. В Италии на место 8-часового ввели 9-часовой рабочий день, в Англии вместо 7-часового рабочего дня углекопов ввели 8-часовой; нападение—и притом успешное—на рабочий день имеется и в Германии и в других странах. Но и существование законодательных ограничений рабочего дня большею частью совершенно не препятствует действительному повышению фактического рабочего дня. Вот данные о величине фактического рабочего дня в ряде стран [1]):

Испания	8—10 часов
Италия	9—12 "
Польша	8—11 "

[1]) Данные германского „Institut für Auslandsforschung" 1925 г.

Венгрия	9—12	часов
Финляндия	9—10	„
Болгария	9—15	„
Югославия	9—11	„
Румыния	9—12	„
Латвия	10—15	„
Эстония	9—12	„

Как капиталисты одной из стран, «классически» выражающей стабилизационные попытки современного капитализма, относятся к намерениям рабочего класса добиться государственной защиты от наступления капитала, показывает и недавняя декларация германских предпринимателей [1]), направленная против 8-часового рабочего дня и профессиональных союзов. «По этому поводу,—говорится в этой декларации,—мы заявляем, что такое вмешательство, затрагивающее производственные основы германского народного хозяйства (речь идет прежде всего о требовании профсоюзами государственного обеспечения 8-часового рабочего дня. *Н. Б.*), в хозяйственном отношении равносильно уменьшению продукции, а тем самым и повышению цен со всеми роковыми последствиями этого явления как внутри, так и вовне».

Нынешнее положение слишком тяжело, по мнению германских предпринимателей, чтобы «подвергать наше производство столь тяжелым потрясениям, как те, которые, по нашему внутреннему

[1]) „Frankfurter Zeitung" от 2 ноября 1926 г.

убеждению, несет с собой законодательная мера, на которой настаивают профсоюзы». Одновременно с наступлением на 8-часовой рабочий день капиталистами понижается и заработная плата.

Снижение заработной платы за истекший 1925/26 г. прежде всего наблюдается в странах с падающей валютой: Франции, Италии, Бельгии. Как это было всегда, и на этот раз оживление промышленной конъюнктуры, происходящее в этих странах благодаря падению валюты, в основе базируется на падении реальной заработной платы. То же мы имеем и в Польше. Вот, например, данные о необходимом ежемесячном прожиточном минимуме рабочей семьи и действительном заработке в Италии и Польше[1]):

	Польша	Италия
Прожиточный минимум	350—500 злот.	900—1 000 лир
Заработок	200—300 „	200— 700 „

Такая же картина резкого отстаивания заработной платы от прожиточного минимума наблюдается, например, и в Венгрии и Югославии, которые вместе с Италией и Польшей могут быть объединены в группу «стран фашизма».

Если взять данные о заработной плате в Германии, то хотя мы и имели в 1925 г. некоторое повышение, тем не менее в последнее время, в связи с рационализацией—в первую очередь наблюдает-

---

[1]) Данные германского „Institut für Auslandsforschung“ 1925 г.

ся отчетливая тенденция к снижению заработных плат. «Wirtschaftskurve»[1]), делающая обзор движения заработной платы за 2-й квартал 1926 г., вынуждена установить, что «тарифные ставки заработной платы обнаруживают тенденции к снижению». Если же учесть огромную безработицу, ставшую хронической в Германии, то реальный доход германского рабочего составит к концу 1925/26 г. лишь 79% довоенного[2]).

Огромное значение в понижение реальной и относительной величины заработной платы германского рабочего имеет также повышение цен на главные товары, являющееся результатом картельной политики, и большое увеличение интенсивности труда германского рабочего, входящее в систему мероприятий по рационализации германского хозяйства. Если, например, производительность труда на одного рабочего в германской угольной промышленности выросла с 1913 г. на 17%, то реальная заработная плата упала за то же время не менее, чем на 10%.

Общей тенденции к уменьшению доли рабочего класса в национальном доходе отнюдь не избежала страна «цветущего» капитализма—С.-А. С. Ш. Громадному возрастанию производительности труда рабочего, которого достигла американская промыш-

---

1) См. „Wirtschaftskurve", 2. H. [illegible]

2) Данные Сектора мирового хозяйства Госплана.

ленность, не соответствует пропорциональный рост заработной платы. При этом особенное расхождение в движении заработной платы и производительности труда мы видим в наиболее механизированных отраслях производства, претерпевших в послевоенный период глубокое изменение производственных методов (например химическое производство). По данным американского департамента торговли и аналогичным данным Federal Reserve Board[1]), средняя производительность на одного американского рабочего выросла с 1919 г. по 1926 г. на 30%, а заработная плата (номинальная) поднялась только на 11%.

Дальнейшими шагами на пути капиталистической рационализации являются реорганизация труда и так называемая фордизация производственного процесса. Специальная анкета, произведенная американским журналом «Industrial Management» относительно причины успехов американской автомобильной промышленности, насчитывает следующие семь причин этих успехов: 1) стандартизация и массовое производство, 2) автоматизация и механизация внутризаводского транспорта (в первую очередь система конвейера), 3) автоматизация машин, 4) организация надзора, 5) повышение интенсивности труда,

---

1) См. United States Federal Reserve Board, „Federal Reserve Bulletin", Febr. 1926.

6) особые методы сбыта и 7) отсутствие производственных секретов. Некоторые специалисты считают, что из всех этих семи причин первое место занимает система конвейера, которая, разумеется, приводит к росту интенсивности и росту производительности труда. Крупнейшую роль играет, несомненно, стандартизация и нормализация производства. В этой области за последнее время достигнуты совершенно исключительные успехи.

Вышеуказанные комбинированные методы дают огромнейшую экономию и в высокой степени повышают производительность предприятия.

Следующим методом рационализации является *концентрация промышленных предприятий*, которая за последние годы приняла совершенно исключительные размеры. Соглашения и объединения чисто *коммерческого* типа, возникшие за время войны, наиболее ярким примером которых является знаменитый концерн Стиннеса, в значительной мере разрушены последующей эволюцией, но на их месте возникли громадные объединения *производственного* типа, главным образом в наиболее «последовательной» производственной форме, а именно в форме трестов; при этом процесс трестификации идет по обеим линиям: и по линии создания вертикальных, и по линии создания горизонтальных объединений.

Наконец, необходимо отметить ряд крупных *технических нововведений*, которые в

значительной мере качественно изменили техническую основу производственного процесса. Быстрый рост применения электрической энергии с ориентацией на постройку огромных центральных станций, переход с гидростанций на термические станции при использовании угольных отбросов, увеличение мощности турбин и напряжения тока, новые методы разжижения угля, новые методы обработки металлов, изготовление химическим путем искусственного шелка и различных солей, опыты по производству искусственного хлопка, выделка бензина из угля, широкое применение дизель-моторов в водном транспорте, широкое применение автомобильного транспорта и т. д., и т. п.,—все это качественно изменяет техническую основу производственного процесса.

Основными узлами процесса рационализации являются Америка и Германия. В Соединенных Штатах, как мы видели выше, крупнейших успехов буржуазия достигла по линии стандартизации и нормализации производства. Точно так же и система конвейера празднует там свой триумф. В металлической промышленности, в химической, стекольной, сахарной, пищевой, табачной, угольной, на зерновых элеваторах, в торговле и т. д.,—всюду конвейер занял почетное место, произведя глубокую реорганизацию всего производственного процесса, а равно в значительной мере и процесса обращения (так называемый «непрерывный поток» или

«закрытые пути»). Равным образом за последние годы в С.-А. С. Ш. мы видим громадный рост трестов. На-ряду с постоянным возникновением менее мощных объединений (эти «менее мощные» объединения располагают капиталом в размере от 50 до 100 миллионов долларов), быстро увеличивают свои капиталы и гиганты современной американской промышленности и банков.

Та мнимая борьба, которую против создающихся монопольных объединений затевает иногда в избирательных интересах американское правительство, нисколько не препятствует действительному и беспрерывному росту процесса трестификации. Так, например, как сообщают «The New York Times» и «The Christian Science Monitor», готовится к осуществлению в ближайшее время план создания полуторамиллиардного железнодорожного синдиката «Nickel Plate», а также план слияния 100 ж.-д. линий в 10—12 крупных предприятий с капиталом свыше одного миллиарда долларов. Из существующих крупнейших монополистических объединений в Соединенных Штатах можно отметить [1]): National City Bank с капиталом свыше одного миллиарда долларов, Chase National Bank с таким же капиталом, Standart-Oil—New-York с капиталом в 660 млн. долл., железнодорожный трест Loree с капиталом

---

[1]) Данные взяты из „N.-Y. Times", „Daily Worker" „Locomotiv Engeeners Journal" и др.

в 600 млн. долл., хлебопекарный трест Ward с капиталом в 400 млн. долл. и другие.

Прямо-таки поразительной является новейшая трестификация промышленности в Германии. Примером германской трестификации может служить Объединенный стальной трест, о котором журнал «Wirtschaftsdienst» пишет, что это есть «монументальное построение, являющееся символическим выражением немецкой рационализации». Он имеет одних первоначальных акций на сумму в 800 миллионов имперских марок. Следовательно, здесь налицо крупнейший трест Европы, который объединяет ряд смешанных по производству отраслей. На-ряду с ним можно поставить красильный трест (A.-G. Farbeinindustrie), капитал которого исчисляется в 1 100 млн. марок.

Для того чтобы судить о том типе горизонтально-вертикального треста, который мы имеем в лице этих двух объединений, достаточно прочесть простой перечень видов производства, объединяемых красильным трестом. Здесь мы находим: производство красящих веществ, фармацевтических средств, фабрикацию фильм, производство искусственного шелка, производство электроматериалов, производство газов, добывание азота и производство удобрительных веществ, превращение угля в жидкое состояние и т. д. Далее, красильный трест имеет свои гипсовые ломки, каменноугольные предприятия, свое производство стали и т. д.

Применение системы конвейера, этого наиболее важного производственно-технического преобразования, как и других мероприятий «американского образца», в Германии точно так же играет крупнейшую роль.

Для иллюстрации экономического значения всех вышеприведенных преобразований в современном капитализме приведем следующие цифровые данные.

«Производственные индексы» в американской автомобильной промышленности составляют:

1914 г.	100
1920 „	133
1921 „	214
1922 „	264
1923 „	295
1925 „	310

Для американской железной и стальной промышленности соответствующий индекс 1925 г. составляет 150, для обувной—117, бумажной—134, прядильной—109,7, ткацкой—124 [1]).

В Германии в калиевом производстве с 1924 по 1925 г. из 224 шахт было закрыто 118, при сокращении рабочих с 23 тысяч до 9½ тысяч и при одновременном росте производительности шахт с 842 тысяч до 1 225 тысяч тонн. В угольной промышленности с 1913 г. по май 1926 г. производи-

[1]) См. „Labour Monthly Review“, июль и сентябрь 1926 г.

тельность одного рабочего выросла на 17 с лишним процентов, и в то же время около 200 тысяч рабочих за последние годы было вытолкнуто из производственного процесса. В производстве железа дневная производительность одного рабочего с августа 1925 по август 1926 г. увеличилась на 43,8%.

Характерно для подъема германской экономики в настоящее время то обстоятельство, что германская промышленная организация является инициатором и главнейшей руководящей силой при создании международных объединений. Недавно образовавшийся европейский стальной картель, например, имеет своей «головкой» германские организации.

Тенденция к интернациональному картелированию в последнее время очень сильно дает себя знать. После окончания войны, после длительного периода послевоенного хаоса создаются новые экономические группировки, образуются новые межгосударственные и экономические связи. Известно нашумевшее образование континентального стального картеля. Существует немецко-французский калийный синдикат, недавно образовались международный рельсовый и проволочный картели. Сообщают об образовании международного медного синдиката (Copper Exporters Incorporated), объединяющего 92% мирового производства меди. Готовится образование мощного средне-европейского

электрического треста, международного финансового треста и т. д.

Интересно, что эта волна интернационального картелирования начинает перекидываться и на Англию, как известно, во многом отставшую от Германии и других стран в отношении технической и организационной структуры промышленности. В настоящее время, например, в Англии готовится образование крупнейшего химического треста наподобие химических концернов в Германии и Америке. Предполагаемые размеры капитала этого треста не должны быть меньше капиталов германского химического треста. Факты ряда слияний в области угольного производства в Англии также налицо. Любопытно, что председатель одного из таких угольных объединений Major Leslie прямо говорит, что «необходимо следовать германскому примеру» (deutschem Vorbild nachfolgen) [1].

Все приведенные выше факты свидетельствуют бесспорно о больших, серьезных успехах, которые достигнуты уже на пути капиталистической рационализации. Эти успехи нужно признать. Было бы большой ошибкой, если бы мы это не сделали. Но они ни в какой степени не могут изменить того основного анализа современной стадии капиталистической стабилизации и существа переживаемого

---

[1]) Данные приведены по „Frankfurter Zeitung“ от 30 октября и 2 ноября 1926 г.

капитализмом кризиса, который был нами дан раньше. Ни одно из противоречий, трудностей, неравномерностей, диспропорций современного капитализма не упразднено происходящим процессом рационализации. И прежде всего остается неразрешенной центральная проблема для послевоенного капитализма—проблема рынков.

Главной трудностью при проведении капиталистической рационализации является для европейских стран противоречие между необходимостью массового производства, что связано с техническим прогрессом и фордизацией этого производства, и слабостью внутренних рынков, что еще более углубляется нажимом на рабочий класс. Стандартизация и нормализация производства прямо и непосредственно предполагают его массовый характер. Массовый характер предполагает соответствующую емкость рынка. Между тем, как мы видели выше, именно эта проблема труднее всего поддается разрешению. В таких условиях рационализация сама приобретает глубоко противоречивый характер. Для того чтобы приспособиться к непосредственно данному конкретному рынку, необходимо сокращать производство; для того чтобы уменьшить долю рабочего класса в совокупном национальном доходе, приходится еще более сокращать этот внутренний рынок, а с другой стороны, ряд мероприятий (стандартизация, нормализация, введение новых машин и т. д.) только в том случае окупа-

ются и, следовательно, являются экономически рациональными, если может быть реализована массовая продукция. Что картелирование и сокращение производства не дает еще выхода из кризиса, это чувствуют и буржуазные экономисты. «Ограничение производства,—пишет один из них, М. Бонн,—предпринимаемое картелированными предприятиями согласно установленной процентной нормы, равносильно нормированию, но не рационализации кризиса. Это приводит к использованию лишь в половинной доле производительности предприятий и к удорожанию себестоимости производства даже на хорошо поставленных заводах. Кризис этим самым приобретает нелепый характер... Таким образом картели капитализуют убытки бездоходных предприятий, взваливая это бремя на себя и на народное хозяйство»[1]).

Большая трудность, которую не в состоянии преодолеть капиталистическая рационализация, состоит и в той политике высоких цен, которую не могут не проводить картельные объединения. Но такая политика суживает внутренний рынок, и без того ограниченный. Мало того: она перекладывает тяжесть кризиса на плечи других отраслей производства, противостоящих картелю, так же, как и на плечи потребителя. Уже цитированный нами Бонн иронически называет такую рационализацию «ра-

---

1) M. J. Bonn, Rationalisierung als finanzielles Problem. „Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik", 1926, Bd. 56, 2. H.

ционализацией навыворот». Но беда в том, что иной рационализации в капиталистическом хозяйстве и не может быть. Особенно трудно положение Германии, где обнищание масс особенно велико, где, следовательно, внутренний рынок особенно узок, где решение проблемы внешних рынков особенно затруднительно и где, кроме всего прочего, в ближайшем же будущем придется по репарационным платежам безвозмездно отчуждать возрастающие суммы ценностей. Если в 1925/26 г. нужно будет платить 1 млрд. 220 млн. марок, то в 1926/27 г. нужно будет платить 1,5 млрд., в 1927/28 г.—1 750 млн., а в 1928/29 г.—2,5 млрд. марок. До сих пор покрытие репарационных платежей шло исключительно за счет американских кредитов, а отнюдь не за счет ценностей, производимых внутри страны. С очень яркой откровенностью это вынужден был недавно признать президент рейхсбанка Шахт, выступивший против дальнейшего притока заграничных кредитов на заседании des Enquettenausschusses, что произвело солидную сенсацию в печати: «Частные заграничные банки и банкиры засыпают нас деньгами, но иностранные правительства при посредстве г-на Жильберта отнимают это у нас. Заботу об остальном—о получении установленных процентов частным владельцем капитала—мы оставляем провидению»[1]. Опла-

---

[1]) „Frankfurter Zeitung", 22 октября 1926 г.

та все возрастающих сумм по репарациям, в соединении с крайним сужением внутреннего рынка и крайне затруднительным положением Германии на рынке мировом, может привести, и по всей вероятности приведет, к крайнему обострению основного противоречия между производительной способностью германского производственного аппарата и эффективным спросом со стороны внутреннего рынка, а следовательно, и к соответствующему обострению классовой борьбы.

Об упразднении или смягчении борьбы между капиталистическими или государственно-капиталистическими объединениями в результате международного картелирования не может быть и речи. Может на время измениться форма борьбы, переходя из открытой в скрытую. Но борьба, жестокая борьба сохраняется. Это, например, прекрасно понимает заместитель управляющего делами Союза германских железо- и сталепромышленников, Бухман, когда говорит о том, что борьба за квоты в европейском стальном картеле неизбежна. Ведь «в каждом производственном и контингентном картеле нормирование выработки—главная суть договоров в результате компромисса, которому предшествует борьба за долю общей выработки» [1]). Ведь Германия получила, например, по отношению к своей производственной способности меньшую квоту, не-

---

[1]) „Wirtschaftsdienst", 22 октября 1926 г.

жели Франция и Бельгия. Уже в августе германское производство перешагнуло положенную для него квоту и, следовательно, должно платить дополнительную сумму в картельную кассу. А с каким, мягко выражаясь, недружелюбием встретила, например, Англия заключение стального картеля! Все это доказывает полную несостоятельность иллюзий мирного объединения капиталистов всех стран на почве картелирования.

Наконец, величайшая трудность, с которой сталкивается капиталистическая рационализация (и это должно обнаружиться в ближайшем будущем), это— неизбежное сопротивление рабочего класса. Организационная и техническая рационализация капитализма нашего времени тем отличается от подобных процессов в прошлом капитализме, что она сопровождается хронической, не исчезающей, не поглощающейся колоссальной армией безработных, огромным наступлением на основные материальные завоевания рабочего класса, достигнутые им в рамках капитализма еще до войны. Одновременно процесс трестирования производства приводит ко все большему сплочению классовой мощи буржуазии, и следовательно, и к растущему сопротивлению рабочих. Грозную опасность в этом направлении видит известный руководитель немецкого журнала «Die Bank» Ландсбург, когда говорит: «...Мы ныне бессильны, хотя и понимаем, что отрицательные стороны рационализации ведут к общественному кан-

нибальству и порождают чудовищную опасность наступления сумерек культуры»... [1]).

Здесь следует остановиться на той разнице, которая существует между рационализацией в капиталистических государствах и рационализацией в СССР. Для каждого коммуниста должно быть ясно, что в СССР рационализация совершается в интересах рабочего класса в целом, в целях построения социализма, а не для буржуазии, не для укрепления капитализма. В этом огромная принципиальная и коренная разница между обеими «рационализациями». Однако не только с точки зрения классовой сущности, но и с других точек зрения между рационализацией производства в капиталистических странах и рационализацией производства в СССР существует глубокое различие. В СССР основным стимулом рационализации является покрытие потребностей масс, при чем рынок шире производительной способности. У нас размеры рынка больше, чем размеры производства, у них рынок меньше сравнительно с размерами производства. Поэтому у нас приспособление к рынку идет через расширение производства, а у них на данной стадии развития приспособление к рынку неизбежно должно итти через частичное сокращение производства. Поэтому получается и другая установка по отношению к рабочему классу и количеству занятых

---

1) „Die Bank", май — июнь 1926 г.

рабочих. Несмотря на то, что у нас происходит процесс рационализации, мы неизбежно должны будем в ближайшее время втягивать большее количество добавочных рабочих, а у них рационализация неизбежно превращается в такого рода рационализацию, которая имеет своим последствием рост безработицы в важнейших странах Европы, рост хронической безработицы, достигшей небывалых размеров, представляющей постоянное явление. Стоит только взять такие страны, как Англия, как Германия. Дальше, в связи с этим, у н а с, поскольку есть безработица, она есть в первую очередь результат «аграрного перенаселения». Безработные, это—преимущественно крестьяне, пришедшие из деревни. А у н и х безработные, это—пролетарии, которые выталкиваются из производства и часть которых превращается из работающих пролетариев в пауперов. По всем этим направлениям имеется громаднейшая разница, которая обусловливается в конечном счете и н о й с о ц и а л ь н о-к л а с с о в о й с т р у к т у р о й и п р и н ц и п и а л ь н о и н ы м н а п р а в л е н и е м в с е г о р а з в и т и я.

---

6. НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА

А. „НОВАЯ ФАЗА“ КАПИТАЛИЗМА И ВОПРОС ОБ „УЛЬТРА-ИМПЕРИАЛИЗМЕ“

Одним из принципиальных вопросов текущего момента является вопрос о том, переживает ли капитализм переход в некоторую принципиально новую фразу своего собственного развития, которая исключает целый ряд прежних постановок вопроса. Известным реальным основанием или, вернее, предлогом для построения особой теории «ультра-империализма» является ряд фактов, идущих по линии организации международных экономических картелей и других соглашений, по линии разного рода межгосударственных соглашений, что находит в данный момент свое завершение в деятельности так называемой Лиги наций. Среди социал-демократических кругов, кругов мелкой буржуазии и просто буржуазного пацифизма начинает вновь пышным цветом расцветать эта идеология. В социал-демократических кругах эту идеологию «марксистски» пытался еще в начале войны обосновать Карл Каутский, «убедительно» доказывавший капиталистам,

что свою экспансию и свои экономические домогательства последним гораздо выгоднее реализовать мирным путем, путем свободной торговли, а не насильственной империалистической политикой. Каутский выставлял в качестве перспективы примирение интересов борющихся капиталистических держав и образование таких универсальных соглашений между государствами, которые навсегда ликвидировали бы войны и представляли бы совершенно иной вид господства капиталистического режима. В настоящее время эту каутскианскую теорию точно так же «марксистски» обосновывает (в полном противоречии с выводами своего «Финансового капитала») Рудольф Гильфердинг. В № 1 своего журнала «Общество» г. Гильфердинг пишет [1]):

«Означает ли действительно капитализм войну, так что только в случае полного его (капитализма.—*Н. Б.*) преодоления мир был бы обеспечен? Нет ли возможности... создания новых политических форм мировой организации, которые ограничивают самостоятельность отдельных государств в интересах сверхгосударственной организации? Нет ли здесь для эволюционного развития гораздо больше простора, чем это считалось до сих пор? Тогда встает вопрос об интернационализме, не просто как о мировоззрении, еще меньше—как о реакции против национализма, а как практически-политическая задача».

---

1) См. Р. Гильфердинг „Die Gesellschaft“ № 1, „Probleme der Zeit“, стр. 15.

Эта алгебраическая постановка вопроса арифметически расшифровывается всей социал-демократической прессой. Так, например, социал-демократический президент рейхстага Пауль Лебе в хемницской газете «Голос Народа» пишет относительно «мобилизации» всех сил, стремящихся к тому, чтобы избежать войны. К этим «силам» он причисляет Лигу наций, «пан-европейское движение», «Союз европейского соглашения», «новые религиозные и гражданские мирные конференции». Наиболее «левые» австрийские социал-демократы стоят на точке зрения переделки Лиги наций, которая, изволите ли видеть, является лишь формой, могущей быть наполненной другим содержанием (см., например, венскую «Рабочую Газету» от 9/I 1926 г.).

Следует прежде всего остановиться на теоретическом разборе вопроса об ультра-империализме. Вероятно или невероятно общее соглашение капиталистических государств между собою? Если исходить из реального соотношения сил и если попрежнему считать, что капиталистический мир и отдельные капиталистические организации исходят не из гуманитарных соображений, а из интересов прибыли и движения этой прибыли, то совершенно неизбежен вывод относительно абсолютной невероятности такого универсального соглашения. Развитие капиталистического мира идет неравномерными шагами. Любая отдельная капиталистическая держава или некоторый их комплекс не пойдет ни на какие со-

глашения и не будет растворяться в единой организации, если у нее есть надежды на получение иными методами гораздо большей доли при общем дележе получаемой во всем мире прибавочной ценности или прибавочного труда. Стоит только посмотреть на экономическую и политическую карту мира, чтобы понять, насколько действительная жизнь далека от пацифистских утопий. Зачем Америке связывать себя, если она имеет огромные шансы на то, чтобы поколотить своих конкурентов, не будучи связанной никакими всеобщими соглашениями? Зачем Японии вступать во всеобщий государственный картель, если она надеется на крепость своих позиций на Востоке? Зачем Италии включаться в одну упряжку с другими, если она теперь надеется—отчасти самостоятельно, отчасти путем маневренной игры на противоречиях между другими державами—получить гораздо больше, чем в случае прочного соглашения? И т. д. и т. п. Вообще нужно заметить (и это известно из практики образования картелей, синдикатов, трестов и т. д.), что более или менее прочные соглашения образуются в двух главных случаях: либо тогда, когда есть равенство сил конкурентов и полная безнадежность победы одного из них над другим,—в таком случае издержки борьбы чрезвычайно велики, и вся обстановка напоминает анекдот о крысах, которые съели друг друга, оставив одни лишь хвосты; второй случай, это—когда выделяется какая-нибудь одна ве-

личина, имеющая такие неслыханные преимущества перед всеми остальными, что для этих последних (будут ли они бороться в одиночку, или даже сообща) борьба заранее представляется абсолютно безнадежной и потому бесцельной,—в таких случаях вероятны прочные соглашения и прекращение борьбы. Если мы посмотрим на теперешнее положение вещей во всем мире, то мы легко убедимся, что это положение отнюдь не способствует прекращению борьбы. Америка сейчас является гегемоном в мировом хозяйстве. Это верно. Но она вовсе не настолько сильна, чтобы поработить всех остальных, взятых вместе. Никакой безнадежности борьбы для этих остальных отнюдь не дано. Но если даже взять одну только Европу, то и здесь неравномерность развития и радикальные перегруппировки, которые находят себе место за последнее время, отнюдь не говорят о возможности общеевропейского государственного картеля. Характерно то, что даже пламенные сторонники «пан-европейского» движения выключают из «пан-Европы» Англию, с одной стороны, Советский Союз—с другой. Советский Союз выключается под предлогом, что центр тяжести его интересов лежит вне Европы, в Азии; в действительности он выключается, конечно, потому, что он представляет собою чужеродное тело в рамках капиталистического мира. Англия выключается под предлогом, что она опирается на огромное количество колоний; в действительности же—

потому, что существует резкое англо-французское расхождение. По этому поводу известный буржуазный экономист Гобсон истекает слезой в журнале «марксиста» Гильфердинга. А г. Макдональд в «Socialist Review» (октябрьский номер, стр. 7) пишет: «Новое сотрудничество между Францией и Германией мы приветствуем самым горячим и безоговорочным образом. Пусть оно принесет хорошие плоды. Но мы не должны потерять своего значения, и мы не должны позволять за нашей спиной третировать себя с презрением или во всяком случае с пренебрежением. Поражение за поражением в Китае (г-на Макдональда страшно печалят успехи китайской революции против английского империализма.—*Н. Б.*). Скоро мы ничего не будем представлять собой в Женеве,—вот наша судьба, которая преследует нас с тех пор, как у власти стоит теперешнее правительство. Это унизительно и опасно для нас и плохо для всего мира». «Конструктивный социалист» и воскресный проповедник Макдональд выбалтывает здесь действительный смысл всех рассуждений о европейском объединении, с одной стороны, и отражает в своих ламентациях действительное положение вещей—с другой. Это действительное положение заключается в том, что «мирное» объединение Европы проявляет тенденцию и м е т ь далеко не мирное острее и против Советского Союза (что само собой разумеется) и против А н г л и и. Но сделаем такое невероятное предположение, что

произошло объединение всей Западной Европы, включая Англию. Тогда налицо будут следующие главные соперники: Америка, Европа, Япония и Социалистический Советский Союз. Нетрудно понять, что даже такое положение вещей означало бы не прекращение борьбы и исчезновение военной опасности, а нечто совершенно противоположное, а именно: воспроизведение борьбы на ее высшей ступени, гораздо более чудовищный характер войн и колоссальное повышение их разрушительной силы. Поэтому прямо-таки отвратительной является нестерпимая болтовня относительно «ультра-империалистской» фазы развития, в которой, по Гильфердингу, якобы исчезает опасность войны и дается, вопреки Марксу, большой простор так называемому эволюционному развитию. Нужно быть совершенно слепым или шарлатаном, чтобы придавать пацифистское значение (без кавычек) нашумевшему выступлению полутора сотен банкиров и промышленников: речь идет здесь об американско-английской игре; речь идет здесь о прямой выгоде для наиболее сильных капиталистических групп, которые сами себя отгородили огромными таможенными стенами, о выгоде для них уничтожения таможенных рогаток в других странах. Именно такой смысл имеет это выступление.

Особенно нелепой является вся «ультра-империалистская» болтовня именно теперь, когда, как мы видели, обнаруживается крайняя неустойчивость и

текучесть межгосударственных группировок и когда главнейшее выражение «объединительной» тенденции, а именно Лига наций, находится в стадии своего разложения. Объективно ультра-империалистская пропаганда сводится к пропаганде против СССР, который не желает вступать в Лигу наций, и к пропаганде против восточных колониальных и полуколониальных народов, которые мешают эксплоататорским группировкам вытягивать из них «мирно» все соки. Социал-демократия, даже в лице своих наиболее «левых» австрийских представителей, натравливает на Советский Союз, на Китай и т. д. как на нарушителей складывающегося «всеобщего мира». В этом—и главным образом в этом—заключается смысл теории ультра-империализма в настоящее время. Будучи совершенно неправильной по существу, она с точки зрения своей служебной роли есть не что иное, как орудие в руках контрреволюции против революции пролетариата и колониальных стран.

Б. ВОПРОС О ГЕРМАНСКОМ ИМПЕРИАЛИЗМЕ

Хозяйственный рост Германии и связанная с ним перегруппировка европейских держав неизбежно должны были получить свое отражение в измененной оценке международной роли Германии. Еще

в 1915 г. тов. Ленин, анализируя возможные последствия войны, писал, что в том случае, если война закончится разгромом одной из европейских империалистских держав и если мир будет заключен на «наполеоновских» условиях,—в Европе создастся такая ситуация, когда в ней станет возможна национально-оборонительная война; другими словами: если окажется, что одна из империалистских держав будет начисто разгромлена и из субъекта империалистской эксплоатации станет ее объектом, то война со стороны этой униженной и порабощенной державы приобретет уже совершенно другой характер, чем прежняя война, которую эта держава вела как один из империалистских конкурентов. Такое положение вещей действительно создалось, и Версальский мир служил его выражением. Поэтому при занятии французскими войсками части Германии (рурская оккупация и т. д.) коммунистическая партия Германии считала при некоторых условиях возможной оборону против французского империализма. Если бы в то время Германия повела войну с Францией, эта вторая война уже не носила бы прежнего империалистского характера. Теперь положение резко изменилось. В течение последних лет германский капитализм до известной степени стабилизовался. Он организовал себя, достигнув высочайшей ступени прочных монополистских объединений. Он выступает руководящей силой при организации международных картелей. Он сменил свою восточ-

ную ориентацию на западную ориентацию. Он вошел в качестве составной части в руководящие органы Лиги наций. Он поговаривает теперь о приобретении на новой основе (на основе так называемых мандатов) части своих прежних колониальных владений. Он поговаривает и о том, чтобы обратно получить возможность организации своей вооруженной силы. Другими словами, его внутренняя империалистская консолидация вызывает уже начало роста ее внешне-политических атрибутов. Эта тенденция находит свой отклик и в социал-демократических кругах. В журнале Гильфердинга был помещен ряд статей, которые ставят вопрос об общих обязанностях (сколь это возвышенно!) европейцев по отношению к колониальным народам, долженствующим быть этими европейцами воспитанными. Всячески воспевается система колониальных мандатов. В старом ревизионистском журнале «Sozialistische Monatshefte» (октябрь 1926 г.) Макс Коген в статье, озаглавленной «За немецкое колониальное будущее», пишет: «Как раз для Германии, которая должна ввозить массу важнейших сырых материалов, имеет огромнейшее значение создать себе собственные, хотя сперва еще и незначительные, резервы сырья» (под этими резервами сырья разумеются поставляющие сырье колониальные владения.—*Н. Б.*). Эта тема дискутируется на все лады и в кругах промышленников, и в кругах финансистов, и, как мы видим, в кругах социал-демократии.

Все эти факты, взятые в совокупности, приводят к тому выводу, что развитие Германии радикально изменило ее международную позицию, и та оценка, которая была правильна ко времени рурской оккупации, никоим образом не может быть применима к теперешнему положению вещей. Главнейший практическо-политический вывод отсюда есть тот, что *в вопросе о защите «отечества» по отношению к германскому империализму вновь становится правильным положение о недопустимости защиты этого «отечества» рабочим классом.*

В. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СССР

Поворот германской политики и перегруппировка держав, связанное с ними заострение тенденций против Советского Союза нашли свое отражение и в мелкобуржуазных колеблющихся частях коммунистического движения, вызвав отход от коммунизма и отход от Советского Союза, этой главной организационной базы коммунизма, целого ряда мелкобуржуазных «вождей». Этот отход был прикрыт и поддержан оппозицией внутри ВКП, чрезвычайно способствовавшей дезорганизации рядов коммунистической партии Германии. Идеологически отход этот выразился в переходе на социал-демократические позиции, и притом на позиции правого крыла социал-демократии, в отношении к Советскому

Союзу. Усиление «антимосковских» настроений шло параллельно усилению «антимосковской» тенденции в руководящих кругах германской буржуазии. Приведем здесь букет соответствующих высказываний в порядке их возрастающего ренегатства.

Вот, например, как характеризует исключенный теперь из германской компартии Урбанс политику ВКП(б) и советского правительства:

«Большинство ВКП(б) идет по пути уступок богатому крестьянству, по пути увеличения его политических выборных прав, облегчения налогов для богатого крестьянства, отказа от борьбы против крестьянских союзов, которые представляют зародыш партий контр-революционных классов» (меморандум «ультра-левых»).

Господин Корш, союзник «ультра-левых» «слева», в принципиальной оценке политики ВКП(б) мало чем отличающийся от «ультра-левых»—Урбанса, Рут Фишер и др., идет дальше:

«Если в 1917 году и имелась неуклонно возвещаемая всеми революционными вождями пролетариата возможность, вопреки малочисленности пролетариата и колоссальному преобладанию живущего в докапиталистическом и капиталистическом хозяйстве крестьянства, без предварительного прохождения длинного и мучительного периода развития и всестороннего развертывания капитализма осуществить пролетарскую революцию и приступить к строительству социализма, то ныне, когда революционное движение международ-

ного пролетариата временно отброшено назад, все отчетливее и отчетливее сказывается радикально-буржуазный характер русской революции, оставшейся изолированной в окружении мирового капиталистического хозяйства.

Беспощадное отметание всех тормозящих капиталистическое развитие деревни помещичьих и феодальных рамок, национализация земли и крупной промышленности—ввиду обусловленной задержкой мировой революции невозможности строительства социализма — и реставрация капиталистического способа производства и товарообмена открывают широчайшие возможности не строительства социализма, а быстрого и основательного развития капитализма в СССР. Это развитие идет ускоренным темпом». («Kommunistische Politik» № 13—14. Декларация по русскому вопросу.)

Раз СССР идет по капиталистическому пути, то ясна перспектива и необходимость подготовки «второй» революции (т.-е. контр-революции).

«Ни в коей мере не было и не является задачей коммунистической партии в СССР добровольно отказаться от власти после временного захвата ее в свои руки или «красиво умереть», на том основании, что в России еще не стоит в порядке дня непосредственная организация и проведение «второй» революции. Перед нею как партией пролетариата в этот период стоит конкретная революционная задача. Она должна фиксировать сознание рабочего класса на разрешении исторической задачи пролетариата, на подготовке и осуществлении «второй революции». (Там же.)

Шварц, порвавший с Коршем, но не потому, что между ними выросли принципиальные разногласия, ставит прямо вопрос о борьбе против советского правительства:

«Решительная левая» решительно отрицает... нэп как союз советской буржуазии с советской бюрократией. Она зовет русских пролетариев города и деревни к объединению для того, чтобы совместно с международным пролетариатом повести жестокую революционную борьбу против складывающейся буржуазной диктатуры в России».

И наконец Кац, который променял членство в коммунистической партии на обеспеченное местечко. чиновника ганноверского магистрата, предоставленное ему социал-демократами, пишет («Mitteilungsblatt», № 23):

«Россия стала точно такой же капиталистической страной, как и остальные. Сталин—такой же представитель капиталистической буржуазной власти, как Пуанкаре, Гинденбург или Пилсудский. И точно так же, как в Европе должна вспыхнуть пролетарская революция против германской, французской и польской капиталистической власти, точно так же в России произойдет пролетарская революция против капиталистической власти, которая, отражая крестьянско-буржуазную классовую власть, ликвидировала завоевания героической пролетарской революции 1917 года.

Зарницы вспыхивают уже над Россией».

Интересно сличить с этим следующие основные положения Каутского.

Как известно, этот специалист по клевете на Советскую Россию в своей брошюре «Die Internationale und Sowjet-Russland» «доказывает», что большевистский «абсолютизм» ничем не отличается от абсолютизма Романовых или монархии Габсбургов и Гогенцоллернов. Вся разница между «ультра-левыми» писаками, хотя бы Кацем и Каутским, состоит лишь в том, что, если первый уподобляет советское правительство правительству Пуанкаре, Гинденбурга и Пилсудского, то второй пишет, будто советское правительство «является теперь сильнейшим препятствием к подъему пролетариата во всем мире—худшим, чем гнусный режим Хорти в Венгрии или Муссолини в Италии». В другом месте той же брошюры Каутский предвосхитил ультра-левые крики о перерождении. Он пишет, что «большевистский деспотизм отличается от других, с которыми мы до сих пор имели дело, тем, что новые деспоты были когда-то нашими товарищами»... Но ведь и «в Америке есть многочисленные миллионеры, которые в молодости принадлежали к самым бедным пролетариям. Их пролетарское происхождение никоим образом не мешает им позднее превращаться в циничных и самых бессердечных эксплоататоров пролетариата. То же самое мы видим у большевиков».

Как и для ультра-левых, для Каутского нет сомнения в том, что у нас не строится социализм, а развертывается капитализм. «Конечно, полной

правды, а именно той, что его режим не ведет к социализму, а уводит от него, он (большевизм. *Н. Б.*) не признает и до сих пор». Но на деле «большевики должны стремиться к тому, чтобы снова пустить в ход производство и транспорт, которые они парализовали. Они делят монополию на эксплоатацию русского народа (к чему сводится весь их «коммунизм») с частными капиталистами, именно иностранцами, которые хорошо за это платят и которые умеют рациональнее вести дело, чем большевистские хозяйственники».

Наконец, если ультра-левые призывают ко «второй» революции, к восстанию против советской власти, то и в этом конечном выводе они оказываются простыми подражателями Каутского. «Что же должны делать социалисты России?»—вопрошает Каутский. И отвечает: «Теперь и в собственно России исчезла опасность, что социалистическое восстание против большевизма (совсем «вторая революция» Корша! *Н. Б.*) окажет помощь реакции. И это по той простой причине, что все то, что могла принести с собой реакция, практикуется большевиками в такой мере, предела которой уже нельзя перешагнуть...». «Нам нечего поэтому бояться, что благодаря вооруженному восстанию в России будет оказана помощь реакции. Наоборот, все более растет вероятность того, что такое восстание, в случае удачи, увеличит в России свободу, не затронет ни одного из еще сохранившихся скромных

завоеваний революции, пробудит ряд таких завоеваний к новой жизни и в гигантской степени будет полезно народным массам и пролетариату». Как видно, и в вопросе об оценке советского правительства, и в клеветнических измышлениях о будто бы капиталистическом направлении развития нашего хозяйства, и в обвинениях в перерождении, и даже в лозунге «второй революции»—во всех существенных пунктах своей плоской «идеологии» ультра-левые попросту пересказывают своими словами Каутского, перепевают на свой особо визгливый мотив меньшевистские песни.

Вряд ли стоит серьезно опровергать всю эту контр-революционную пошлость. Мы хотели бы здесь остановиться в первую очередь на теории, которая лежит в подоснове всех этих рассуждений, а именно на теории «термидорианского» перерождения советской экономики и, следовательно, перерождения нашей партии и нашего государства.

Известно, что историческими аналогиями вообще нужно пользоваться с чрезвычайной осторожностью. С тем большей осторожностью нужно пользоваться ими, когда речь идет о непосредственных политических выводах из них. О «термидорианском» перерождении Советской России и нашей партии лидер русского меньшевизма Мартов писал еще в 1921 году, обращаясь к Ленину с лозунгом: «от своего экономического термидора шагайте к

политическому 18 брюмера!». Между тем нет ничего более безграмотного и антимарксистского, чем теория пресловутого «термидорианского» перерождения. Во-первых, термидорианский переворот во время французской революции вовсе не был мирным, как то представляют себе люди, столь усердно о нем болтающие. Термидорианский переворот был открытым актом вооруженной контр-революции, сопровождался массовыми казнями и знаменовал собою открытое выступление жирондистской буржуазии, поддержанной по глупости левыми якобинцами, против диктатуры Робеспьера. Политическая диктатура мелкой буржуазии, которую осуществляли Робеспьер и его группа, отнюдь не выражала собою крайнего крыла движения. Поставленная между молотом и наковальней, между крупной буржуазией и зародышевым движением пролетариата и городской бедноты, она должна была неминуемо пасть. Представлять себе этот фазис французской революции на мирный манер, это значит при трактовке событий французской революции спускаться до уровня обычного вульгарного эволюционизма. Во-вторых, еще более нелепой представляется аналогия с термидором, когда мы посмотрим на глубокие социально-экономические основания термидорианского переворота. Что представляла собою диктатура мелкой буржуазии с экономической точки зрения? Экономически она в наи-

более последовательном своем выражении стояла на точке зрения мелкого хозяйства и мелкого хозяйчика, на точке зрения борьбы против крупного производства. Следовательно, с экономической точки зрения она отнюдь не была носителем более высокого способа производства; наоборот, она отстаивала такой способ производства, который уже отходил в прошлое под победоносным шествием технически и экономически более прогрессивного крупнокапиталистического предприятия. С другой стороны, носителем крупного производства, т.-е. носителем более высокого хозяйственного принципа, был класс жирондистской буржуазии, политически ставшей уже контр-революционной. Пролетариат, находившийся в зародышевом состоянии, не осознавший себя еще как особый класс и не имевший еще абсолютно никакой материальной базы для самостоятельного классового выступления и для своей *классовой победы*, не мог в силу этого играть решающей самостоятельной роли. *Объективное противоречие между великой освободительной политической ролью мелкой буржуазии и якобинской диктатуры и ее экономической реакционностью привело к неизбежному краху диктатуры Робеспьера.* Именно поэтому победа термидорианцев была заложена с абсолютной неизбежностью в самом ходе французской революции. Этим вовсе не сказано, что якобинская диктатура была,

так сказать, исторически «излишней»: наоборот, объективная задача состояла в том, чтобы с наибольшей последовательностью снять с французского общества скорлупу феодальных отношений. Эту сторону дела не могла выполнить жирондистская буржуазия. Эту сторону дела блестяще выполнила террористическая диктатура мелкой буржуазии с ее, как выражался Маркс, «плебейскими методами» расправы с феодальным режимом. Поэтому она, эта диктатура, сыграла величайшую прогрессивную роль в истории европейского общества. Но она не могла выполнить других, строительных задач. Эта задача движения на рельсах крупного капитализма, который по отношению к феодальному способу производства и мелкому производству был высшей производственной ступенью, могла быть реализована лишь крупной буржуазией.

Если мы поставим теперь вопрос о положении дел в Советском Союзе, то без труда увидим, что здесь нет и не может быть абсолютно никакого сходства, а следовательно, и никакой аналогии с термидорианским переворотом во Франции. Во-первых, политический захват власти был произведен у нас под непосредственным руководством и гегемонией самого последовательно-революционного класса—пролетариата, организовавшего при поддержке крестьянства свою диктатуру. Никакого более «левого» класса, чем пролетариат, нет и быть не может. Пролетариат не занимает про-

межуточного положения между классами, он стоит на крайнем левом фланге так называемого общественного целого. Во-вторых, у пролетариата нет никакого противоречия между его политической ролью и его экономическо-организаторской ролью. Ни один класс и ни одна группировка современного общества не представляют хозяйственного принципа более высокого, чем хозяйственный принцип пролетариата. Он не только является носителем крупного производства, он является носителем этого крупного производства в его наивысшей форме, а именно в форме организованного и планового производства. Кроме того, он руководствуется в своей хозяйственной деятельности потребностями масс, а не их систематической экспроприацией. Его отношение к деревне определяется не разорением этой последней, а ее ростом, что в конечном счете дает основу для гораздо более решительного, смелого и быстрого хозяйственного подъема государственной промышленности. Вот почему диктатура рабочего класса имеет твердую экономическую основу. Вот почему она является и будет являться во все большей и большей степени диктатурой победоносной. Все недомыслие мелкобуржуазной критики Советского Союза и все комичные контр-революционные выпады против ВКП выглядят особенно жалко, если принять во внимание следующие обстоятельства: говорят, что наша диктатура превращается

или превратилась в «диктатуру кулака», в «диктатуру мелкого собственника», т.-е. в диктатуру мелкого капитализма; но почему же в таком случае все с большей и большей последовательностью у нас проводится принцип обобществленного планового государственного хозяйства? Каким образом, держа якобы курс на мелких собственников, она с наибольшей последовательностью проводит принцип, бьющий в лицо частной собственности, и каким образом она, эта мелкая собственность, проводит политику постепенного вытеснения самой себя? Все эти противоречия не могут быть объяснены с точки зрения мелкобуржуазной критики. Если посмотрим на предпосылки этой критики, то таковыми предпосылками являются утверждения о большей выгодности частного производства и частного капитала по сравнению с государственным хозяйством пролетариата. Именно поэтому вся меньшевистская братия уже в течение долгого ряда лет, вкупе и влюбе с либеральными эмигрантами и мелкой буржуазией, предрекала неизбежную победу в Советской России частного капитала, предрекала денационализацию промышленности, передачу государственных предприятий обратно в руки частных владельцев и на этой основе—перерождение политической надстройки или ее насильственное разрушение. Ничего подобного не случилось, и для того чтобы доказать при теперешних условиях, когда наша

государственная промышленность делает все бо́льшие и бо́льшие успехи, победу частнокапиталистического производства над государственным хозяйством пролетариата, нужно поставить на голову все марксистские представления. В таком случае нужно было бы доказать, что мелкое производство имеет преимущества перед крупным, что мелкая и средняя торговля имеет преимущества перед крупной, что мелкие участники сберегательных касс и т. д. могут победить крупный централизованный кредитный институт, и т. д. и т. п. Другими словами, нужно целиком отказаться от марксизма, нужно на иной базе возродить нелепое учение Бернштейна и К°, нужно опрокинуть все марксистские экономические представления, чтобы предрекать победу частника над централизованным хозяйством пролетарского государства.

В предыдущих главах мы изложили действительное положение вещей в области экономики Советского Союза и борьбы различных сил в пределах этой экономики. Мы видели, что рост социалистических элементов нашего хозяйства, который в то же самое время есть рост наиболее крупных, технически совершенных и экономически рациональных хозяйственных форм, не подлежит абсолютно никакому сомнению. По сравнению с этим фактом все трудности, имеющиеся у нас, наличие которых было бы глупо отрицать, отходят все же на второй план. Главные трудности лежат для СССР в

области внешних отношений: огромную—но отнюдь не непреодолимую — трудность представляет давление мирового капиталистического хозяйства; постоянные угрозы, которые особенно обострились за последнее время, и возможность выступлений против Советского Союза со стороны капиталистических держав и их блоков есть перманентная опасность для диктатуры рабочих. Революционизирующее значение строительной работы в СССР и его политическое влияние есть важнейший фактор в процессе международной революции. Нападение на Советский Союз и коршистская, с позволения сказать, критика есть одно из слагаемых общей контр-революционной тенденции, направленной против диктатуры рабочего класса. Все подобного рода попытки должны быть отметаемы со всей решительностью со стороны всех сторонников Коммунистического Интернационала.

Г. ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мы уже отмечали огромнейшее историческое значение революционной борьбы китайского народа против иностранного империализма. В свое время Ленин обращал внимание Коминтерна на гигантскую роль, которую суждено сыграть подымающимся народам Востока в деле освобождения мира от империалистического гнета. Его предвидения на этот счет исполнились целиком. Коминтерн обязан

поставить на одно из первых мест вопросы китайской революции не только в силу того гигантского значения, которое эта революция имеет, но и потому, что китайская компартия, партия китайского пролетариата, является одной из секций нашего Международного Общества. Вообще нужно заметить, что перед Коминтерном стоит задача широкой популяризации китайского движения, ознакомления с ним рабочих масс Западной Европы и задача тщательного изучения оригинальных экономических и политических условий в восточных странах. Без этого изучения нельзя определить политику в обстановке чрезвычайно сложной, где своеобразие хозяйственных и политических соотношений внутри страны сочетается с величайшим разнообразием перекрещивающихся, частью друг другу противоречащих влияний самых различных империалистических группировок со всей их военно-дипломатической игрой. Нам необходимо прежде всего остановиться на некоторых главных цифрах, которые помогут уяснить экономическую структуру Китая.

Данные, которыми мы располагаем, говорят о явном развитии капиталистических отношений в этой стране. Начнем с каменноугольной промышленности. В «The China Year-Book» за 1926 г. приводится следующая таблица:

Добыча каменного угля в Китае

1913 год	14 000 000 тонн
1914 „	15 000 000 „

1915 год	15 440 000	тонн
1916 „	15 584 000	„
1917 „	17 205 000	„
1918 „	18 033 000	„
1919 „	19 387 000	„
1920 „	20 381 000	„
1921 „	19 872 000	„
1922 „	19 954 000	„
1923 „	22 681 000	„
1924 „	23 711 000	„

Данные эти показывают в общем заметный рост каменноугольной промышленности. Для характеристики этой отрасли небезынтересно знать, что одни только кайландские рудники, принадлежащие англо-китайской компании, а по существу находящиеся в руках английского капитала, дают 22% общей добычи. Фушунские же рудники, принадлежащие японской компании, давали 15% общей добычи, а с апреля 1924 г. до марта 1925 г. дали 5 538 600 тонн (т.-е. 23,5% общей добычи), превзойдя по добыче кайландские рудники [1]).

Капитал, вложенный в эту отрасль производства, по национальности распределяется следующим образом: китайский—50 млн. долларов, английский—22 млн. долларов, японский—27½ млн. долларов и немецкий—250 тысяч долларов. Значит между китайцами и не-китайцами размер вло-

---

1) „The China Year-Book" за 1926/27 г., стр. 112.

женных капиталов делится почти пополам. Но лучшие рудники находятся в руках империалистов.

Значительно медленнее развивается добыча железной руды, хотя вывоз ее из Китая неуклонно растет, что видно из следующих цифр:

Вывоз из Китая железной руды [1])

1917	год	309 107	тонн
1918	"	378 500	"
1919	"	640 159	"
1920	"	682 660	"
1921	"	514 888	"
1922	"	671 220	"
1923	"	727 603	"
1924	"	846 833	"

Тут же отметим, что железорудные предприятия в Китае почти целиком принадлежат японскому капиталу или находятся в полной финансовой зависимости от него. Японский капитал, вложенный в эту отрасль промышленности, достигает 120 миллионов иен.

Более быстро идет развитие текстильной промышленности. К сожалению, мы располагаем чрезвычайно разноречивыми данными, на которые не можем безоговорочно ссылаться. Но все эти данные отмечают общую тенденцию роста.

---

[1]) „The China Year-Book“ за 1926/27 г., стр. 116.

Годы	Число фабрик	Количество веретен	Число станков
1891	2	65 000	2 100
1902	7	565 000	3 500
1916	42	1 154 000	7 000
1920	65	1 422 000	—
1923	190	3 182 579	18 000

По национальности владельцы этой крупной индустрии распределяются таким образом: в 1924 г. китайских текстильных фабрик было 61%, японских—34%, британских—5%. Тут же нужно оговориться, что в результате кризиса китайской текстильной промышленности в 1923 и 1924 гг. значительная часть предприятий перешла в руки японского капитала, во многих случаях при сохранении китайской вывески (фирмы). Это не позволяет нам сейчас точно учесть долю национального китайского капитала в этой промышленности.

В заключение нашего беглого обзора процесса индустриализации Китая остановимся на чрезвычайно показательных цифрах внешней торговли Китая [1]).

---

[1]) „The China Year-Book“ за 1926/27 г., стр. 879. Таблица дана в хейквантских таэлях, средний курс которых равен 1 р. 50 к. золотом (в 1913 г. — 73 американских цента, в 1923 г. — 80 американских центов, в 1924 г. — 81 американский цент). Для 1925 г. „The China Economic Monthly“ № 10 за 1926 г. (октябрь) дает очевидно неполные цифры для импорта— 947 864 944 х. т.; для экспорта — 776 352 937 х. т.

Годы	Импорт	Экспорт	Общий оборот
1915	454 475 719	418 861 164	873 336 883
1916	516 406 995	481 797 366	988 204 361
1917	549 518 774	462 931 630	1 012 450 404
1918	554 893 082	485 883 031	1 040 776 113
1919	646 997 681	630 809 411	1 277 807 092
1920	762 250 230	541 631 300	1 303 881 530
1921	906 122 439	601 225 531	1 507 377 976
1922	945 049 650	654 891 933	1 999 941 583
1923	923 402 887	752 917 416	1 676 320 303
1924	1 018 210 677	771 784 468	1 789 995 145

К этому нужно прибавить весьма характерные цифры, свидетельствующие об изменении роли отдельных стран в этой растущей внешней торговле Китая.

Участие разных стран в импорте Китая в %%

Годы	Великобритания	Соединенн. Штаты	Япония
1870	37,0	0,57	1,95
1880	26,9	1,47	4,3
1890	19,0	2,87	5,75
1900	20,5	7,5	12,6
1910	14,8	5,2	16,1
1913	16,5	—	22,5
1923	13,0	16,7	22,9

Эти данные, касающиеся промышленности, должны быть дополнены данными относительно распределения земельной собственности. Нет ничего более запутанного, чем сложные аграрные отноше-

ния в Китае. Между тем они составляют главную основу всей экономической «конституции» Китая. Крестьянство является подавляющим огромнейшим большинством населения, его вес в развитии китайской революции несомненно будет повышаться с каждым днем. Крестьянская проблема является, пожалуй, центральной проблемой всей китайской революции. Главнейшие относящиеся сюда данные представляются в следующем виде.

Если взять официальные данные министерства земледелия и торговли и, основываясь на материалах о крестьянском бюджете и средней доходности земли, произвести разбивку на четыре основные группы, мы получим следующую картину распределения земли:

Группа хозяйств	Размер землевладения	Количество семей		Всего земли	
		Абс. числа	В %%	Абс. числа	В %%
Парцеллярное	1—20 му	24 429 362	49,5	244 293 620	15,9
Мелкое	20—40 му	11 685 344	23,7	350 560 320	22,8
Среднее	40—75 му	7 735 226	15,6	386 763 200	25,4
Крупное	75 и выше му	5 509 621	11,2	550 962 100	35,9
Итого		49 359 553	100	532 579 240	100

Парцеллярные хозяйства, насчитывающие от 1 до 20 му (му, это — мера, которая примерно равняется одной шестнадцатой нашей десятины), составляют 49,5% всех семейств, т.-е. всех хо-

зяйств и владеют только 15% всей земли. Значит половина семейств-хозяйств суть карликовые, малюсенькие хозяйства, и целая половина крестьянского населения владеет только 15—16% годной для обработки земли. Половина имеет 16%. То, что считается у них мелким—от 20 до 40 му,—насчитывают 23% семейств и 22% земли в среднем. От 40 до 75 му имеют 15% семейств. Эта группа имеет 25% земли. А к крупным—75 му и выше—относятся 11% семейств, которые владеют 36% всей земли. Вот вам степень дифференциации крестьян.

Для дополнения картины нужно сказать, что хотя в общем, на круг, Китай является страной мелкого землевладения, но есть известная доля земли, которая находится в руках более крупных собственников. Это то, что можно назвать помещичьим землевладением в настоящем смысле этого слова. Есть крупные поместья остатков прежней феодально-помещичьей, чиновнической бюрократии, современных генералов, которые точно так же имеют довольно значительное количество земли. Считается, что существует около 30 000 помещиков, которые владеют земельной собственностью свыше 1 000 му каждый. Среди них есть немало крупных землевладельцев, обладающих поместьями, превышающими 10 000 му. Если мы говорим о таких мелких единицах измерения земли, как му, то, с другой стороны, нужно иметь в виду, что там

хозяйство чрезвычайно интенсивно, и благодаря этому меньшее количество земли имеет больший экономический вес. Еще со времени экономистов времен Великой французской революции китайское земледелие считается самым интенсивным. В некоторых провинциях есть исключительно крупные помещичьи имения, при чем нужно подчеркнуть, что как раз в провинции Гуандун крупное землевладение развито больше, чем в других провинциях Китая. 85 процентов всей земли по долинам рек Северной, Западной, Восточной и Хань принадлежит крупным землевладельцам. В провинции Хенань, уезд Чанте, 1/3 всего уезда принадлежит семейству Юан-Шикая. Не говоря о целом ряде таких крупных помещичьих семей, отметим только, что есть категории, у которых одной челяди, прислуги, обслуживающей данную помещичью фамилию, насчитывается до 1 000 и свыше человек.

Таким образом крестьянский вопрос здесь неизбежно сплетается с аграрным вопросом. Поэтому сказать, что вопрос о земле в Китае совершенно не стоит, что этот вопрос совершенно снят с очереди, что Китай—страна только мелкого землевладения,—так ставить вопрос никак нельзя.

Это подтверждается сведениями о количестве арендаторов и полуарендаторов в Китае. Официальная статистика министерства земледелия и торговли дает следующие цифры:

Группы	1917 год Число семейств	В %	1918 год Число семейств	В %
Собственники	24 587 585	50	23 381 200	53,2
Арендаторы	13 825 546	28	11 307 432	25,7
Полуарендаторы	10 494 722	22	9 246 843	21,1
Всего	48 907 853	100	45 935 475	100

Известно, что вся эта масса арендаторов и полуарендаторов придавлена кабальными условиями аренды, поглощающей в среднем 50% урожая, а нередко доходящей до 80%.

Второй вопрос, который связан с широчайшими слоями китайского населения, это—вопрос о налогах, налогах, которые в первую очередь падают на широкие массы трудящихся, т.-е. на крестьянство и на ремесленников. Китай представляет собой такую страну, которая действительно побила решительно все рекорды в смысле налогового обложения. Нередко там насчитывается более дюжины различного вида налогов, падающих на крестьян. Постоянные войны между милитаристами крайне обостряют положение: мы имеем такую обстановку, что в некоторых провинциях ухитрились собрать налог за несколько лет вперед. Некоторые американские писатели считают, что в результате последних кризисов—и политических, и экономических, и всяких других—сельское хозяйство разорено на очень значительный процент, примерно на 40%. Проверить это представляется делом совершенно невозможным, но одно ясно, и одно не

подлежит сомнению: в силу малоземелья крестьянства, в силу неслыханного налогового обложения, в силу исключительного гнета со стороны иностранцев, которые имеют в своих руках порты, имеют в своих руках таможни, имеют в своих руках наиболее важные налоги,—в силу этого идет громаднейший, чудовищный процесс обнищания, пауперизации крестьянства. Он настолько чудовищен, что существуют прямо миллионные армии деклассированных людей, которые, бродя по всей стране, организуют так называемые «бандитские шайки». В одном Пекине имеется прямо исключительно огромное количество этого рода деклассированных элементов, которые поставлены, несмотря на крайне низкое развитие своих потребностей, перед угрозой полного вымирания. Поэтому они нанимаются к любому милитаристу, составляют его войска, переходят от одного правительства к другому, не чувствуя никакой социальной скрепы. Этот процесс—симптом известного разложения всей экономики страны, выражающей громадное обнищание китайского крестьянства.

Наконец, нужно остановиться на классовом делении населения Китая. Тов. Попов-Татива, пользуясь японскими источниками, определяет общее количество промышленных рабочих в 4 850 000 человек[1]). По данным журнала «Китайский Рабо-

1) Н. М. Попов-Татива, „Китай", стр. 356.

чий» [1]), общее количество китайских индустриальных рабочих выражается числом в 1 909 000. В Китае свыше полумиллиона текстилей, около того же (468 264)—рабочих горнозаводской промышленности. Кроме того, не нужно упускать из виду рабочих чрезвычайно развитой в Китае кустарной промышленности. В 1 800 000 (в круглых цифрах) хозяйств кустарного типа числится свыше 8 000 000 рабочих. Излишне распространяться о положении всей этой массы пролетариев. Трудно представить себе более адские условия труда, нежели те, в какие поставлен китайский рабочий. Этим объясняется чрезвычайно быстрый процесс революционизирования китайского пролетариата.

После нашего беглого анализа экономического и социального положения Китая перейдем к рассмотрению основных перспектив китайской революции.

Главнейший вопрос, который должен быть поставлен на очередь, это—вопрос о возможных путях развития революции в Китае. На II конгрессе Коминтерна тов. Ленин выставил следующее положение относительно перспектив развития колониальных и полуколониальных стран:

«Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяй-

---

[1]) Журнал „Китайский Рабочий“, № 2 за 1924 г.

ства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются, и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса? Мы ответим на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и—через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[1].

Эта постановка вопроса, которую социал-демократия наверное будет обозначать как не-марксистскую, является тем не менее как раз революционно-марксистской постановкой вопроса. Маркс нигде и никогда не выставлял положения, что каждая «нация» обязательно должна пройти через решительно все стадии развития, которые проходили другие страны, независимо от

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 246.

конкретной исторической обстановки и независимо от того международного контекста, в рамки которого это развитие включено. Известно, что Маркс считал при определенных условиях возможным некапиталистическое развитие России. Вышло по-другому, но вышло по-другому потому, что налицо не было победоносной пролетарской диктатуры в европейских странах к тому моменту, когда Россия была на переломе от феодализма к капиталистическим производственным отношениям. Историческая возможность, о которой говорил Маркс, не оправдалась, но это отнюдь не означает, что для страны, только начавшей цикл капиталистического развития, невозможен иной тип развития—с преодолением капиталистических тенденций, если международная обстановка складывается не совсем обычно или, вернее, совсем необычно. В настоящее время эта совсем необычная обстановка имеется налицо: ослабление капитализма, подорванного мировой войной и рядом революций; наличие такого огромного организующего революционного центра, каким является СССР; непосредственная географическая близость этого последнего к Китаю при географической отдаленности Китая от основных центров хозяйственного и военно-политического могущества империалистических держав. Если ленинская постановка вопроса относительно того, что для колониальных и полуколониальных, в подавляющем большинстве своем *крестьянских* стран

возможно «миновать» капиталистический путь развития (речь идет, разумеется, о главной дороге и главной перспективе этого развития, а вовсе не о единой и сплошной, абсолютно без противоречий, тенденции этого развития),—то эта постановка вопроса в первую очередь должна касаться Китая. Ибо если она не может касаться Китая, то какой же страны может она касаться вообще? Нет ничего более вредного, как ставить крупнейшую проблему на поворотных пунктах истории, подходя к этой проблеме с ключом шаблона. Мы уже знаем по собственному опыту, во что обошлась бы пролетариату бывшей России эта шаблонная постановка вопроса (меньшевики), если бы она одержала победу. Главное, что должно нас всемерно предостерегать от этого шаблона, это именно два вышеуказанных обстоятельства: кризис капитализма, с одной стороны, и наличие пролетарской диктатуры СССР—с другой. С точки зрения внутреннего сочетания классовых сил в Китае положение представляется таким образом: слабая буржуазия; колоссальное крестьянство; большой слой ремесленников и мелких торговцев; рабочий класс численно не особенно значительный, но уже представляющий собою довольно сплоченную силу и играющий в высшей степени значительную политическую роль; антагонизм по отношению к иностранному капиталу настолько крупный, что значительная часть буржуазии идет

пока в едином блоке с широкими массами, что находит свое оригинальное политическое выражение в руководящей роли Гоминдана.

Исходя из всего этого переплета внутренних и внешних отношений, можно и должно поставить основную проблему о **двух возможных путях китайской революции**. Теперь уже не подлежит никакому сомнению, что феодальный режим обречен в Китае на слом. Его положение настолько пошатнулось, что внутренние силы, направленные против него, имеют такой гигантский перевес, что крах представляется неизбежным. Однако дальше возможны две в корне отличные перспективы развития: либо Китай пойдет по пути соглашения и союза с иностранной буржуазией, которая в случае неудачи возможных интервенций постарается взять под опеку развитие Китая путем своего хозяйственного влияния и блока с промышленной и торговой китайской буржуазией; либо Китай пойдет в союзе с пролетарской диктатурой и западно-европейским пролетариатом, который будет удерживать свою буржуазию от всех попыток давления на революцию в Китае. В первом случае, после слома феодальных отношений, после ликвидации хаоса гражданской войны и под влиянием иностранных кредитов и займов, объединенный Китай может ускоренным темпом начать «догонять» Европу на рельсах обычного капиталистического развития, при чем этот процесс

естественно будет сопровождаться дальнейшим разорением основных масс китайского населения— ремесленников и крестьян, которые будут постепенно экспроприироваться победоносным шествием крупного капитала. Огромный хозяйственный перевес, который будет в таком случае иметь иностранный капитализм, будет обеспечивать этому последнему обильную жатву, хотя и не в такой хищнической и примитивно варварской форме, в какой это имеется теперь. Второй путь развития, это—путь самостоятельного развития Китая при поддержке трудящихся всего мира. Нельзя опровергнуть возможности такого оригинального положения вещей, при котором мелкобуржуазное государство, находящееся под решающим влиянием рабочего класса и связанное со страной пролетарской диктатуры, имеет в своем распоряжении некоторые важные государственные фабрики и заводы, железные дороги и банковые институты, освобождает крестьянство от беспощадного налогового обложения и постепенно способствует благосостоянию страны, пока индустриализация Советского Союза и победоносные западно-европейские революции не оплодотворят всего хозяйства, решительно толкнув его развитие по социалистическому пути. Конечно, этот процесс не может быть гладким и проходить без всяких противоречий. Конечно, все время будут возрождаться капиталистические тенденции. Но, при условии ми-

нимального влияния иностранного капитализма, а равно и крайнего ослабления капитализма внутреннего (лишение его командных высот), такая перспектива отнюдь не может считаться исключенной.

Само собой разумеется, что линия компартии должна быть линией борьбы за этот путь развития. Но именно здесь приходится сталкиваться с колоссальными трудностями. Главной и первейшей задачей является победа над иностранным империализмом, победа, гарантией которой в свою очередь служит единый национально-революционный фронт. Этот единый национально-революционный фронт отнюдь не является подтверждением своеобразной идеологии гоминдановского центра, идеолог которого, Дай-Чи-Тао, создал своеобразную теорию бесклассовой революции и бесклассовой «диктатуры» революции, «где на место различных классовых сил выступают различные оттенки «сознательности». По этому учению, есть «сознательные» руководители, менее «сознательные» их помощники и еще менее «сознательные» массы, но нет классов. То, что верно в пределах одного класса, Дай-Чи-Тао распространяет на все общество, в котором классы исчезают вообще. Эта оригинальная теория, имеющая традиции в старой китайской философии и отчасти напоминающая учение европейской «органической школы» (так называемых позитивистов), на практике, однако,

склоняется к тому, что наиболее сознательным руководителем является отнюдь не пролетариат и его идеологи. Мы не можем здесь входить в подробный разбор этих построений. Ясно, однако, что коммунистическая партия не может иметь никаких иллюзий на предмет исчезновения классовой борьбы на очень значительный промежуток времени, на целую огромную историческую эпоху. Тактика единого национально - революционного фронта для компартии покоится на реальном учете классовых сил. Именно исходя из этого учета, компартия должна в настоящее время поддерживать этот единый национально-революционный фронт. Однако самая победа над иностранным империализмом может развиваться лишь в той степени, в какой будет вовлекаться в борьбу главный массив китайского общества, а именно крестьянство. Поэтому аграрные реформы в занятых революционными войсками областях, а равно организация крестьянства на других территориях, выставление и поддержка крестьянских требований должны быть главнейшей составной частью правильной революционной политики в Китае. Громадная трудность заключается в том, что слой мелких и средних помещиков и кулаков связан через кредитный институт с торговым капиталом, и потрясение аграрного строя немедленно отражается на колебаниях той части буржуазии, которая включена в единый национально-революцион-

ный фронт. С другой стороны, крестьянство, заплатившее в некоторых местах налоги и поборы за много лет вперед, крестьянство, хозяйство которого до крайности подорвано гражданской войной между различными милитаристскими кликами, крестьянство, выталкивающее миллионные армии пауперов, нищих и бродяг, не может быть вовлечено должным образом в орбиту революционной борьбы, не получая от революции никакого экономического облегчения.

Поэтому задачей компартии в настоящий момент на данном фазисе развития и при ориентации на ту перспективу, о которой мы говорили выше, является: поддерживая национально-революционный фронт, в то же время приступить к решению аграрно-крестьянской проблемы, вовлекая основную массу китайского народа в решительную борьбу против империалистских насильников.

Д. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Нам необходимо ответить еще на вопрос относительно нашего принципиального отношения к капиталистической рационализации. Социал-демократия исходит из соучастия рабочего класса в строительной работе при условии капиталистического режима. Если она считает возможным, желатель-

ным и даже необходимым свое участие в правительственной власти империалистских государств, если она является в настоящее время и в настоящих условиях пламенным сторонником так называемого «конструктивного социализма» (а на самом деле—«конструктивного капитализма»), если она свою историческую миссию на данном этапе развития видит в работе по строительству буржуазного государства,—то простая логика обязывает ее к тому, чтобы она активно помогала капиталистическому хозяйству по возможности быстро выйти из критического положения. Будучи в настоящее время оппозиционной партией и стремясь вновь и вновь обмануть рабочий класс, социал-демократия, конечно, не может не протестовать (по крайней мере—на словах) против некоторых особо больно бьющих по рабочему классу составных частей процесса рационализации. В общем и целом, однако, она подает свой голос самым решительным образом за рационализацию, она «принимает» ее как целое. Общая социал-демократическая постановка вопроса такова: нужно лечить больной хозяйственный организм; это лечение не может обойтись без жертв; рабочий класс, исходя из своих интересов, должен временно помириться с необходимостью приносить эти жертвы. При помощи жесткой концентрации предприятий, при помощи закрытия нерентабельных предприятий

(так называемая чистка), при помощи введения новой техники, при помощи организации труда, при помощи конвейера, хронометража, промышленных объединений и т. д.—можно будет вылезти из теперешнего незавидного положения. Это есть «кризис оздоровления», «кризис очищения», за которым неизбежно последует подъем. Этот подъем с лихвой окупит временные жертвы, на которые *должен* пойти рабочий класс, потому что он (этот подъем) будет означать увеличенную долю национального дохода, благодаря чему может увеличиться и заработная плата, и повыситься весь жизненный уровень рабочего класса.

Такого рода постановка вопроса была бы вполне правильной при одном условии: при наличии пролетарской диктатуры и при принадлежности рабочему классу основных средств производства. Только во имя строительства социализма можно было бы призывать рабочий класс к тому, чтобы он пошел на некоторые жертвы. Призывать рабочий класс на жертвы во имя подъема *капиталистического* хозяйства, это значит на деле служить агентурой буржуазии внутри рабочего класса. Революционно-марксистская постановка вопроса должна здесь быть такой: рабочий класс не может становиться на точку зрения помощи капиталистам в их стремлении починить и улучшить свое хозяйство, тем более в теперешний период. И раньше, и в довоенное время, не дело рабочего класса

было решать, нужно ли или не нужно вводить ту или другую машину, так или иначе организовать труд, и т. д. Рабочий класс и тогда вовсе не обязан был организовывать «производственных совещаний» на помощь капиталистическим эксплоататорам.

Задачей наиболее сознательных рабочих было мобилизовать массы, используя каждое проявление слабости капиталистического класса, мобилизовать все недовольство рабочего класса, обострять классовую борьбу с конечной целью ниспровержения всего капиталистического режима. Тем более нелепа, тем более контр-революционна точка зрения помощи капиталу в теперешний период, когда капиталистический режим стоит на закате своих дней, когда он переживает приступ тяжелой болезни и когда он по всему фронту ведет наступление против рабочего класса, «рационализируя» свое хозяйство при помощи растущей нищеты трудящихся масс, безработицы и нещадной эксплоатации пролетариата. Сознательные рабочие не могут быть против введения машин, технических улучшений и т. д., но не их делом является забота об этих улучшениях в рамках капиталистического общества. Единственно возможной постановкой вопроса для них является мобилизация пролетарских сил для борьбы со всеми теми последствиями и сторонами процесса рационализации, которые ударяют по ра-

бочему классу. Революционные рабочие не могут ставить вопрос: за или против машин, конвейера и т. д. Это—такая постановка, которая им абсолютно чужда. Они могут ставить вопрос только о беспощадной борьбе со всем тем, что ухудшает положение рабочего класса, понижает его жизненный уровень, дробит его силы, ослабляет его позиции. Задача рабочего класса не есть в условиях капиталистического режима «конструктивная» задача; его задача, это—задача обострения классовой борьбы и разрушения капиталистического общества. Этим исходным пунктом определяется и позиция революционного пролетариата по отношению к капиталистической рационализации: концентрировать все внимание масс на наиболее острых вопросах классовой борьбы: безработица, сокращение заработной платы, повышение эксплоатации, увеличение рабочего дня и пр. Эта боевая мобилизация классовых сил для отпора наступлению капитала, принимающему и формы рационализации производства, есть классовый ответ пролетариата.

---

7. НАСТУПЛЕНИЕ КАПИТАЛА И СДВИГИ В РАБОЧЕМ КЛАССЕ

В связи с наступлением капитала на рабочий класс и стабилизационной политикой буржуазии, а с другой стороны—в связи с фактом роста социалистических отношений в СССР среди широких масс западно-европейского рабочего класса в большинстве стран замечается перегруппировка сил и сдвиг налево, при чем этот сдвиг в зависимости от обстановки в каждой данной стране приобретает своеобразные формы.

В Англии он непосредственно связан с ходом борьбы английского пролетариата и с тем грандиозным отпором, который рабочий класс дает капиталистической буржуазии. Уже применение под давлением масс такого исключительного орудия борьбы, каким является всеобщая стачка, и необычайно упорная забастовка горняков, потрясшая до основания все хозяйство Англии, свидетельствуют о мощном сдвиге внутри английского пролетариата, бывшего не так давно еще самой консервативной силой внутри европейского рабочего движения. «Буржуазный пролетариат» Англии

(Энгельс), ручной, боготворивший цилиндр, ростбиф, короля и пресвятую церковь, веривший в парламент и английскую конституцию, становится передовым отрядом европейского рабочего класса. Обострение классовой борьбы освобождает рабочий класс из-под многолетнего вавилонского пленения его буржуазной идеологией. «Парламентская» Англия сбрасывает с себя маску бесклассовости, правительство открыто выступает в одной шеренге с шахтовладельцами, весь совокупный государственный аппарат репрессий и военной силы направляется своим острием против борющегося пролетариата. Вера в «нейтральность» и благожелательное попечительство государственной власти исчезает. Вместе с тем исчезает в головах рабочего класса и идеология гражданского мира и солидарности интересов между трудом и капиталом.

Ход классовой борьбы определяет собою дифференциацию внутри рабочих и их организаций. Предательское поведение вождей Генерального совета, жалкая и позорная роль так называемых «левых» его членов, колебания и перебежка на сторону классового врага,—все это вызывает глубочайший кризис внутри самого рабочего класса, усиливает его дифференциацию, главными тенденциями которой является тот факт, что вожди идут направо, а масса—налево. Не нужно думать, что этот процесс закончится в очень короткий срок. Складывавшаяся

в течение многих и многих десятилетий организационная скорлупа рабочего движения, и в первую очередь могучий аппарат тред-юнионов, обладает огромнейшей силой исторической инерции, и давление этого могущественнейшего аппарата чиновников будет сказываться еще в течение очень значительного периода. Не раз и не два будут пытаться буржуазия и ее правительство раскалывать рабочее движение и при помощи реакционной профсоюзной бюрократии, этих, как их называл Энгельс, «рабочих лейтенантов капиталистического класса», пытаться подкупать небольшую верхушечную прослойку рабочих, чтобы при их помощи держать в узде и повиновении пролетарские массы. Но тем не менее общее направление процесса все же будет неизбежно итти в сторону радикализации рабочего класса, высвобождения его из-под ига реформистских иллюзий.

Этот процесс находит свое выражение с организационной стороны в двух главных фактах: во-первых, в росте влияния так называемого «движения меньшинства» в профсоюзах; во-вторых, в численном росте и гораздо большем росте влияния британской коммунистической партии, которая из небольшой группы, не имевшей никакого влияния на политическую жизнь страны, стала в сравнительно короткий срок первоклассным политическим фактором английской общественной жизни. Образование и рост левой оппозиции внутри профсою-

зов и в первую очередь «движение меньшинства», появление и усиление всевозможных левых оппозиционных настроений среди масс рабочей партии, отказ ряда организаций рабочей партии от исключения коммунистов, чрезвычайно интенсивное «левение» масс горняцкого пролетариата, наиболее обстреливаемого со стороны буржуазии, наконец, сама героическая борьба горняков,—все это вместе взятое дает картину радикализации английского рабочего движения.

Иначе идет процесс полевения в других странах, в первую очередь в Германии. Причины своеобразных форм этого процесса мы анализировали в предыдущем изложении. *Можно сказать, что пролетарские массы идут в конечном счете к коммунизму, но окольными путями.* Они еще не способны в данный момент к решительному и энергичному отпору капиталистическому наступлению по всему фронту, но они видимым образом поворачивают налево и целым рядом окольных движений приближаются к грядущим крупным боям.

Рост профсоюзной оппозиции, рост левой оппозиции среди социал-демократических рабочих (которую отнюдь не следует отождествлять с искусным левым маневрированием социал-демократических вождей), раскол социал-демократической партии в Саксонии и исключение правых социал-демократов, левая социал-демократическая оппози-

ция в Гамбурге, Франкфурте, Бреславле, средней Германии и т. д.; возрастающая популярность таких добровольных широких массовых организаций, как «Союз красных фронтовиков» (организация, пользующаяся широчайшей популярностью среди трудящегося населения Германии), такие организации, как общие «комитеты действия» (Италия), распад католических общенациональных партий (разложение германской партии «центра» с выделением из нее католических рабочих, выступающих по многим вопросам вместе с коммунистами; революционное выступление итальянских католических рабочих, посылающих делегацию в Советский Союз вопреки прямому запрещению со стороны «святейшего римского отца» и «безгрешного наследника апостола Петра»); мобилизация коммунистической партией Германии 15 миллионов голосов против финансирования сиятельных монархических прохвостов со стороны республиканского правительства; общие рабочие конференции в Италии, выбираемые иногда по фабрикам и заводам; организаций безработных и конгресс трудящихся в Германии; различного рода комитеты единства, связанные с международной борьбой против наступления капитала и за единый фронт профсоюзов; бесчисленные рабочие делегации в СССР, избираемые по предприятиям, делегации рабочего юношества с широким участием социал-демократов, вопреки прямому запрещению со стороны социал-демокра-

тических инстанций, трогательно солидарных в этом вопросе со «святейшим римском отцом»,—все это служит выражением того поворота влево, который является крупнейшим фактом в жизни рабочего класса и ответом этого последнего на натиск капитала.

В некоторых отсталых аграрных странах (Болгария, Югославия, Польша) процесс полевения рабочего класса наталкивается на совершенно неслыханный террор и физическое истребление наиболее сознательных элементов коммунистического движения. Особые формы революционизирования рабочего класса мы наблюдаем в подымающихся колониальных и полуколониальных странах. Здесь речь идет не об освобождении из-под влияния реформистской и буржуазной идеологии. Здесь речь идет о приобщении широких масс рабочих впервые к политической сознательной жизни на базе быстро развертывающихся революционных событий. Рост сознания китайских рабочих, рост активности пролетариев Индонезии служит образцом этого быстрого развития, превращающего самые забитые части мирового рабочего класса в пионеров великих освободительных движений, играющих поистине всемирно-историческую роль.

Контр-тенденциями являются: во-первых, так называемая «американизация» рабочего движения; во-вторых, известная тенденция к укреплению социал-демократического влияния в

связи с переходом социал-демократических партий в «оппозицию»; в-третьих, фашизм.

Так называемая американизация рабочего движения выражает собою попытку буржуазии подкупить верхушки рабочего класса. Такие попытки делаются даже в Англии, где, как это само собой разумеется, база для этих попыток в настоящее время не особенно благоприятна. Эта «американская» тенденция проявляется: а) в создании компанейских союзов (примером таких союзов является союз фирмы Диккинсона и союз, организованный редакцией либеральной газеты «Manchecter Guardian»; для членов обоих этих союзов абсолютно запрещены забастовки и всякие нарушения производственного процесса); б) в создании лиг классового сотрудничества. К таким организациям принадлежит «Институт промышленного равновесия», во главе которого стоит председатель ассоциации британских торговых палат и крупнейший промышленник Вайль, с одной стороны, и «рабочие вожди» Пью, Крэмп, Сноуден — с другой. Второй такой организацией является «Лига промышленного мира в Британской империи», учредителем которой является Гавелок Вильсон. Это учреждение ставит своей задачей «добиться постоянного мира в промышленности на основах справедливости и взаимных симпатий и покровительства духу товарищества и сотрудничества между предпринимателями и служащими». Для

характеристики этого «духа» небезынтересно привести выдержку из речи г-на Томаса, произнесенной им на вечере, устроенном 25 сентября железнодорожными компаниями для железнодорожных рабочих. На этом трогательном вечере «вождь» рабочих Томас заявил: «Я не только принадлежу к числу тех вождей, которые ненавидят всякие разглагольствования о классовой борьбе, но я глубоко убежден, что не могу добиться лучших условий для железнодорожников, если мне не удастся вдолбить им в голову, что если они требуют наилучших условий от противной стороны, то они должны быть готовы с своей стороны также дать все, что только в их силах».

В Германии американские методы усиленно практикуются на новых заводах Форда в Берлине, а в более крупном масштабе они связаны с наступлением тяжелой промышленности против профсоюзов, хотя эти последние, как известно, являются совершенно ручными и способствуют предпринимателям в проведении капиталистической рационализации. В специальном номере «Wirtschaftsnachrichten aus Rhein und Ruhr» идет целая дискуссия по вопросу о «Werksgemeinschaften oder Gewerkschaften».

Равным образом, начинает культивироваться идея так называемых рабочих банков, которые постепенно начинают вводиться в такой стране, как Польша. Второй тенденцией, пара-

лизующей общий поток полевения, является в настоящий момент оппозиционное положение социал-демократических партий, которые «маневрируют» и пускают в оборот оппозиционные нотки, консервирующие настроения иллюзий и затушевывающие действительную роль социал-демократических партий. Наконец, третьей контр-тенденцией является фашистское движение, местами поддерживаемое социал-демократией («старая» саксонская социал-демократия в Германии, ППС в Польше, социал-демократическая партия в Болгарии и т. д.). Фашизм мешает радикализации рабочего движения и поскольку он является правящей партией (Италия, Польша, Болгария) и поскольку он стоит в оппозиции к существующим буржуазным правительствам. В первом случае он комбинирует метод невероятного террора против сознательного коммунистического авангарда с методом социальной демагогии. Во втором случае центр тяжести лежит именно в этой социальной демагогии, соединенной с резко выраженным национальным и антисемитским характером. Деклассированная часть рабочих, а иногда и отходящие от общего потока рабочего движения разочарованные элементы, своего рода отбросы рабочего движения попадаются на удочку и переходят более или менее сознательно на сторону фашизма.

Все эти контр-тенденции не могут, однако, остановить общего направления развития. Несмотря на

все стремления буржуазии опереться на привилегированнейшую часть рабочего класса, несмотря на сложные маневры контр-революционных сил внутри самого рабочего движения, **общий баланс складывается в сторону его радикализации и не может не складываться в эту сторону, ибо это есть неизбежное следствие общекапиталистического кризиса, социальная сторона которого еще более обостряется «стабилизационным» наступлением класса капиталистов.**

---

8. ГЛАВНЫЕ ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА В ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ

В настоящий момент одной из главных задач Коминтерна является поддержка важнейших очагов международного революционного движения — английских рабочих, китайской революции и СССР. Нужно констатировать, что в отношении английских горняков и китайской революции почти все компартии, за немногими исключениями, не развили достаточной энергии для поддержки этих фронтов международной революционной борьбы. Английская стачка углекопов являлась и является самым крупным событием европейского рабочего движения последнего времени и одним из самых крупных эпизодов борьбы рабочего класса со времени Октябрьской революции. Эта героическая борьба стояла и стоит в центре европейского рабочего движения и оказывает мощное воздействие, выходящее далеко за пределы Великобритании. Задачей Коминтерна и всех его секций является усиление солидарной поддержки английских углекопов.

Точно так же необходимо обратить серьезное внимание на пропаганду поддержки борющемуся китайскому народу. Борьба против интервенционистских планов империализма, решительные и смелые выступления против возмутительных насилий со стороны англичан, организация кампаний протеста против расстрела англичанами целых китайских городов, борьба против неравноправных договоров с Китаем, борьба за юридическое признание кантонского правительства, борьба за отозвание всех и всяческих иностранных войск из пределов китайской территории и т. д.—должны входить важнейшей составной частью в политику компартий.

Равным образом необходимо оказывать сопротивление всяческим попыткам военного и дипломатического окружения СССР; необходимы решительные протесты против тайных и явных договоров и конвенций, необходима борьба за юридическое признание СССР, необходима разъяснительная и разоблачительная пропаганда, касающаяся планов наступления на страну советской диктатуры. Поддержка борющихся английских пролетариев должна быть поставлена на первое место. На кампаниях солидарности проверяется настоящий интернационализм рабочих партий, их дееспособность и их способность мобилизовать массы вокруг своих лозунгов. Такие выступления являются известной проверкой

того, что́ может сделать партия в случае постановки гораздо более трудной и сложной задачи, а именно—задачи борьбы с войной.

Борьба с военной опасностью должна точно так же быть сугубо подчеркнута. Необходимо беспощадное разоблачение пацифистских «ультра-империалистских», «пан-европейских» и прочих утопий, которые буржуазия и социал-демократия сеют среди широких масс трудящихся с определенной целью усыпить их бдительность и пацифистской болтовней прикрыть действительную и деятельную подготовку к войне. Особенно необходимо разъяснение настоящей роли Лиги наций как органа империалистской буржуазии, имеющего своей целью в первую очередь борьбу против пролетарской революции и против революции колониальных и полуколониальных народов. Необходимо широкое разъяснение лживости и вздорности социал-демократической идеи о переделке и демократизации Лиги наций. Необходима пропаганда действительных сведений о росте милитаризма, о технических подготовках к войне, о применении химии, бактериологии и авиации и научной разработке истребительных методов ведения войны. Разоблачение военных договоров и тайных соглашений, разъяснение смысла буржуазной политики, направленной против основных очагов международной революции, выяснение тех перспектив, которые ожидают рабочий класс в случае войны,—все это ста-

новится одной из важнейших обязанностей коммунистических партий.

Борьба с *наступлением капитала* и последствиями капиталистической рационализации есть главная основа работы компартий в капиталистических странах. «Злоба дня» и непосредственные интересы рабочего класса самым ближайшим образом связаны именно с этим наступлением, оно непосредственно бьет по рабочему классу; рабочий день, заработная плата, безработица—вот три главных вопроса, которые стоят в центре этой борьбы.

Коммунисты обязаны занимать место в первых рядах борцов, выдвигая и формулируя требования рабочих в этой области и руководя борьбой, которой суждено в более или менее близком будущем принимать все более острый характер.

С точки зрения непосредственных интересов самых широких масс рабочего класса именно эти вопросы приобретают наибольшую актуальность. Именно отсюда должны исходить коммунисты, подводя самые широкие массы рабочих к своим принципиальным общеполитическим требованиям, формулирующим вопрос о характере власти. Ввиду того, что капиталистическая рационализация приводит к крайнему повышению интенсивности труда и к чрезвычайно быстрому росту эксплоатации,—коммунистические партии должны оборонять 8-часовой рабочий день и, в случае его потери, решительно бороться за его возвращение.

В процессе наступления на рабочий класс капиталисты спешно объединяют свои ряды. Вместе с ростом громадных хозяйственных объединений капитала, его картелей и трестов, вместе с чудовищной концентрацией производства усиливается и социальная мощь капиталистической буржуазии. Борьба с *трестифицированным* капиталом стоит сейчас в порядке дня. Поэтому *единый фронт* рабочего класса необходим в настоящее время больше, чем когда бы то ни было. Рабочий класс должен принять во внимание, что буржуазия имеет совершенно определенную стратегическую установку, пытаясь использовать относительное расхождение интересов и разногласия между рабочей аристократией и основной массой трудящихся, между работающей частью пролетариата и огромной армией безработных. Она хочет сделать своей опорой технически наиболее квалифицированные части рабочего класса, незначительные количественно, но чрезвычайно важные с точки зрения всего хода производственного процесса; она хочет держать под постоянной угрозой расчета и выталкивания с фабрики и завода работающую часть пролетариата. Таким образом, играя на различии в положении верхушек рабочего класса, его массы и огромной резервной армии промышленности, разделяя рабочий класс, буржуазия думает с наибольшим успехом для себя провести свой общий план капиталистической стабилизации и держать

работающую часть пролетариата в связанном состоянии.

Единый общерабочий фронт перед лицом объединенного трестовского капитала должен быть поэтому предпосылкой для всякой сколько бы то ни было успешной борьбы против капиталистического наступления. Проповедь этого единства в борьбе и для борьбы, проведение тактики такого единства на деле—главнейшая обязанность коммунистов. Эта задача не только не исключает, а, наоборот, предполагает беспощадную критику и разоблачение всякого реформистского предательства, капитулянтства, шатаний и перебежек на сторону классового врага. Только при такой беспощадной критике коммунистические партии выполнят свою роль на данном историческом этапе движения. Только соединение метода смычки с наиболее широкими массами пролетариата и метода систематического и решительного разоблачения всякой половинчатости и всякого реформизма может служить основой правильного проведения тактики единого фронта и способствовать завоеванию рабочих масс для целей революционной борьбы.

Различные формы полевения рабочего класса, которые в своем целом составляют основной процесс перегруппировки внутри широких рабочих масс, должны послужить базой, опорой для энергичной работы коммунистических партий. Ни одна

из этих форм не должна быть оставлена компартиями без внимания. Усиление работы в профсоюзах, общие совещания и конференции с левеющими социал-демократическими рабочими при беспощадной критике их вождей, общие «комитеты действия», общие забастовочные комитеты и т. д., и т. п.,—все должно быть использовано в целях осуществления лозунга, уже в течение многих лет являющегося основным лозунгом Коммунистического Интернационала, лозунга завоевания масс.

Наш предыдущий анализ показал, что наиболее вероятной перспективой в целом ряде стран, в связи с затруднениями, которые встречает на своем пути процесс капиталистической рационализации, является обострение классовой борьбы. Во Франции, в Германии, в Англии, в Италии, в Чехо-Словакии—всюду и везде вместе с дальнейшим наступлением капиталистического класса и усилением его нажима неизбежен рост социальных конфликтов между трудом и капиталом. Самая энергичная мобилизация масс, руководство этой массовой борьбой, работа во время каждой, хотя бы и самой мелкой, стачки, рост влияния коммунистов на эту борьбу, самая активная политика связи с массами и руководство ими—должно быть очередной задачей коммунистических партий.

Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в некоторых странах, и особенно в Германии, где

политическое значение компартии сугубо возросло, широкие беспартийные массы, а также массы левеющих социал-демократических рабочих, уже доверяют коммунистам, поскольку речь идет о широких политических кампаниях, но еще не доверяют им, поскольку речь идет о руководстве профессиональной работой и повседневной экономической борьбой, они считают, что коммунисты хорошие руководители в непосредственных политических столкновениях, но не способны на мелкую будничную работу и не знают стратегии и тактики экономических конфликтов. Это обстоятельство, а также то, что исходным пунктом обостряющейся классовой борьбы неизбежно будут являться экономические конфликты, перерастающие, в свою очередь, в конфликты общеклассовые, т.-е. политического характера, делает особенно важной, можно сказать, исключительно важной работу в профессиональных союзах как самых широких организациях пролетариата. Мы можем констатировать здесь, что коммунистические партии далеко не сделали всего того, что нужно сделать в области профессиональной работы.

Равным образом особенно остро ставится в настоящее время вопрос относительно кропотливой, упорной, систематической работы по объединению масс, исходя из насущнейших их требований и нужд. Проблема частичных требований, конкретных лозунгов, конкретных программ дей-

ствия приобретает первостепенное значение. Коммунистические партии очень часто оказываются наиболее слабыми именно в этой области. В то время как социал-демократия в совершенстве постигла искусство «мелких дел», оставаясь только на их почве, выставляя конкретные лозунги очень часто только для того, чтобы отвлечь внимание рабочих масс от постановки больших и коренных вопросов, и предавая рабочий класс в моменты обострения его борьбы,—коммунистические партии еще не овладели в достаточной мере тактикой увязки злободневных мелких требований, которые часто для широких масс играют вначале решающую роль, с основным лозунгом пролетарской борьбы, с лозунгом пролетарской диктатуры. В данную историческую полосу развития, когда почти перед каждым рабочим стоит проблема,—будет ли он завтра на предприятии, или он будет выброшен из него, будет ли сокращен его рабочий день, или он останется на прежнем уровне, будет ли он получать столько, сколько он получает, или же он будет лишен и части своего нищенского заработка; когда огромная масса безработных отсчитывает уже многие и многие месяцы полуголодного существования—в такое время вопрос о хлебе насущном для рабочих масс, в свою очередь, может служить исходным пунктом для развертывания и обострения борьбы. Научиться искусству связывать «злобу дня» и частичные требования с конечной целью ре-

волюционного пролетарского движения,—это и значит решить основную тактическую задачу, особенно остро стоящую в настоящий момент.

Точно так же необходимо научиться организационному закреплению раз достигнутых успехов. Одной из характерных черт в состоянии компартий является то, что при быстром иногда повышении их политического влияния количество членов партии остается стабильным или растет на сравнительно незначительный процент. После крупных и успешно проведенных политических кампаний достигнутые успехи не реализуются с организационной стороны. Так, например, во Франции коммунистическая партия после ее антивоенных кампаний, которые чрезвычайно подняли политический вес партии среди рабочего класса и даже среди довольно широких слоев крестьянства, не сумела закрепить эти успехи соответствующими организационными успехами. Или другой пример. Германская компартия провела вообще чрезвычайно успешно антимонархистскую кампанию в связи с вопросом о возмещении владетельным князьям. Она была инициатором народного голосования, она была руководящей силой всей кампании. Она повела за собой самые широкие слои трудящихся, на этой кампании она отколола от социал-демократии и подчинила своему влиянию значительное количество рабочих. Она заставила социал-демократию поплестись за собой. Но после конца кампании сразу

почти образовалось на время некоторое пустое место, а прекрасные результаты политической кампании, хорошо организованной и хорошо проведенной, отнюдь не получили соответствующего организационного использования. Этот недостаток партийной работы, который есть недостаток организационной активности партии и выражение слабости ее организационного аппарата, должен быть во что бы то ни стало преодолен. Повышение вербовочной силы партии и гораздо более интенсивная борьба за массовый характер партии точно так же относится к главным задачам Коммунистического Интернационала в текущий момент.

Разоблачение социал-демократии, борьба с фашизмом и белым террором стоят в порядке дня. Коммунистические партии должны обратить серьезное внимание на движение безработных, они должны стараться привлечь на свою сторону разоряемые и эксплоатируемые слои мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, парализуя все попытки фашизма вербовать своих сторонников из этой среды. Повышение налогов в связи с стабилизацией, высокие картельные цены, «ножницы» (Америка), быстрая экспроприация средних классов в связи с централизацией капитала и образованием гигантских монополий и т. д.—все это дает базу для успешной работы компартий среди мелкобуржуазных слоев. С другой стороны, компартии должны в гораздо большей степени отра-

жать все террористические атаки правящих фашистских клик, мобилизуя массы для отпора и проводя широчайшие кампании, в том числе и интернациональные кампании солидарности и поддержки тому отряду коммунистического движения, который попадает под наиболее ожесточенный удар фашистской реакции. Разоблачение социал-демократии и борьба с ней точно так же должны занимать одно из первых мест в ряду главнейших задач Коминтерна. Несмотря на вытеснение социал-демократии из правительственных коалиций и несмотря на «левые» маневры социал-демократических партий, эти партии в еще большей степени, чем ранее, стали прямой поддержкой буржуазного режима. Их позиция по коренным и основным вопросам текущего момента (вопрос о Лиге наций, об ультра-империализме, о колониях, о военной опасности, об отношении к СССР, о коалиции с буржуазией, о капиталистической рационализации и т. д. и т. п.) насквозь пропитана изменой рабочему классу. И с точки зрения повседневной борьбы пролетариата (например отношение социал-демократии к вопросу о рационализации, о стачке английских углекопов, об отношении к белому террору) и еще более с точки зрения перспективы движения, в первую очередь перспективы войны, социал-демократия является желтой организацией, которая должна быть разбита для того, чтобы рабочий класс в состоянии был победить. Разоблачение со-

циал-демократических взглядов и социал-демократических маневров, разоблачение всей предательской роли социал-демократической верхушки остается попрежнему крупнейшей задачей коммунистических партий. Одновременно компартии должны со всей внимательностью относиться к нуждам и запросам социал-демократических рабочих масс, неизбежно левеющих под напором стабилизационной практики капиталистической буржуазии.

Борясь с пропагандой социал-демократии, компартии должны противопоставить лозунгу Лиги наций—лозунг федерации социалистических республик, лозунгу пан-Европы—лозунг Социалистических Соединенных Штатов Европы, болтовне о новой фазе капитализма без войны—суровую правду о чудовищных войнах, подготовляемых буржуазией, программе коалиций с буржуазией—программу революции пролетариата; рабоче-крестьянских правительств; пролетарской диктатуры.

---

9. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И РАБОТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ

Экономические стачки и экономическая борьба вообще в теперешних условиях, когда существуют мощные предпринимательские объединения, шагающие в ногу с буржуазным государством, когда всякая крупная стачка имеет тенденцию захватывать целиком всю данную область промышленности,—перерастают в политическую борьбу, приобретают более или менее яркий политический характер. Быстрый рост трестов и других огромных промышленных, торговых и банковых объединений диктует рабочему классу и соответствующий тип его боевых организаций. Поэтому коммунисты должны самым решительным образом выдвигать лозунг реорганизации профессиональных союзов на производственной основе, должны бороться против всех и всяческих остатков цеховщины, против бесконечного дробления рабочих одной производственной отрасли на различные мелкие союзы, которые в данных условиях лишь разъединяют силы пролетариата; коммунисты

должны точно так же выдвигать лозунг создания боевых картелей профсоюзов и централизованного руководства, при одновременной энергичной работе по завоеванию союзов вообще. Равным образом необходимо обратить внимание на соответствующую организацию фабрично-заводских комитетов, на сплочение их по производственным отраслям и на образование организации фабрично-заводских комитетов такого типа, который соответствует боевым соглашениям между крупными союзами в целях наиболее солидарной, крепкой, сплоченной борьбы. Рабочие массы, поставленные в упор перед необходимостью контр-атаки против наступающего организованного с ног до головы капитала, легко поймут всю необходимость такого типа организации, и на этой почве следует давать бой реформистским профчиновникам, из боязни потери места отстаивающим иногда устаревший тип профсоюзов. На примере каждой частичной стачки коммунисты должны пропагандировать идею крупных производственных объединений, и на примере развертывающейся борьбы должны доказывать необходимость правильного политического руководства профсоюзным движением. Особенно остро эта задача стоит в Англии, где наряду с засильем консервативного профсоюзного чиновничества мы имеем значительные остатки старинной цеховщины.

Коммунисты в профсоюзах должны настойчиво

бороться не только за вхождение в союзы всех работающих рабочих, но они должны вести энергичную кампанию за прием в профсоюзные организации безработных пролетариев, за всемерную поддержку движения и требований безработных со стороны организованного пролетариата в целом. Это тем более необходимо, что буржуазия, как мы неоднократно указывали выше, хочет играть на расколе рабочего класса. Помогая всеми силами сплочению пролетариата в рамках этих наиболее широких классовых объединений, компартии должны разоблачать попытки реформистских профбюрократов и социал-демократических руководителей профсоюзного движения превращать профсоюзы в подсобные органы хозяйских союзов и империалистского государства. Если предпринимательские организации при поддержке так называемых социалистических партий, исходящих из идеологии «конструктивного социализма» (который, как вы видели выше, оказывается при ближайшем рассмотрении конструктивным капитализмом), всемерно стараются американизировать движение, частью ставя на место классовых объединений пролетариата общие объединения под гегемонией буржуазии или пытаясь подчинить своему влиянию существующие профессиональные организации, пользуясь для этого их вождями, то коммунистические партии должны разоблачать всякие такие попытки классового преда-

тельства и мобилизовать массы организованных в профсоюзы рабочих для защиты интересов наемных пролетариев против каждого проявления капиталистической атаки. Само собой разумеется, что главным содержанием работы коммунистов в профсоюзах в теперешний момент является сплочение сил рабочего класса и борьба против вредных для рабочего класса последствий так называемой капиталистической рационализации. В этой борьбе против последствий капиталистической рационализации коммунисты, работающие в профсоюзах, должны входить в каждую мелочь, отмечать каждое вредное последствие того или иного мероприятия со стороны хозяев, выдвигать свои требования, а в случае экономического конфликта, хотя бы даже маленького, быть на самых передовых постах, наиболее решительно, последовательно и смело отстаивая линию защиты пролетарских интересов. Коммунисты, разоблачая реформистских вождей профсоюзного движения, должны смело использовать полевение рабочих масс, организованных в профсоюзы, и всемерно помогать в соответствующей форме оформлению «левых крыльев» в профсоюзном движении. В этом отношении должен быть учтен и опыт «движения меньшинства» в Англии, которое сделало известные успехи и, идя нога в ногу с компартией, оправдало полностью энергичную работу коммунистов в профдвижении.

В связи с особенностями текущего периода развития и огромным значением на протяжении этого периода профессиональных организаций проблема единого международного профсоюзного фронта становится особенно жгучей и особенно настоятельной проблемой международного рабочего движения. В этом отношении особенно важен учет опыта так называемого англо-русского комитета. Использование международной связи между рабочим классом Англии и Советского Союза через англо-русский комитет; интернациональная демонстрация тактики единого фронта при одновременной резкой и беспощадной критике всего капитулянтства и предательства верхушки английского профсоюзного движения; политика использования всякой возможности связаться с массами, хотя бы и через верхушечные организации; политика систематического завоевания масс, хотя бы начиная с отдельных их отрядов (горняки и образование англо-русского комитета горняков и т. д.); политика пролетарской солидарности, материальной и моральной помощи, мобилизация всех сил ради поддержки горняков в их борьбе,—все это может служить примером правильного и революционного проведения тактики единого фронта в международном масштабе. Благодаря этой тактике борьба за единый международный фронт профессионального движения поднимается в настоящее время на некоторую более высокую ступень.

Интернациональному профсоюзному движению и организации Профинтерна было положено начало в дни, когда революционная ситуация в Европе достигла наиболее высокого пункта развития. Интересно вспомнить, что одним из основателей Профинтерна был известный итальянский реформист д'Аррагона, приезжавший тогда в Москву. Это было время, когда крах европейского капитализма казался неминуемым в самом близком будущем, и когда реформистские крысы тоже уже начали бежать с тонущего капиталистического корабля. Это было время, когда коммунизм делал за короткий период величайшие успехи и когда тяготение к нему было настолько велико, что целый ряд пацифистских, полупацифистских, полуреформистских и даже реформистских элементов стремился войти в Коммунистический Интернационал. Это было время, когда Коминтерн должен был ограждать себя забором 21 условия от излишних «симпатий» со стороны подобного рода элементов. Организованный тогда Красный Интернационал профессиональных союзов выступал непосредственно рука об руку с Коммунистическим Интернационалом. Стоит вспомнить и тот факт, что был общий орган, объединявший руководящие инстанции Коминтерна и Профинтерна.

Отлив волны международной революции, укрепление капиталистического режима, частичная стабилизация его сопровождались отливом от Ком-

интерна «симпатий» всех тех элементов, которые были более или менее случайно прибиты к нему революционной волной. Началось относительное «успокоение» европейского континента, а центр тяжести борьбы постепенно перемещался из Центральной Европы на Англию, где рабочий класс только-только по-настоящему начинал отходить от своих старых консервативных позиций, привычек и идеологии. Параллельно с укреплением капиталистического режима частично стабилизовался вновь и Амстердамский Интернационал. Профинтерн вынужден был от наступательной политики перейти к обороне. Новая волна левого движения в профсоюзах начала подыматься особенно заметно с того времени, когда обнаружилась тенденция сближения между английскими и советскими рабочими. Для английского пролетариата, который начал выступать впервые как один из передовых отрядов европейского рабочего движения, Профинтерн в значительной мере был организацией, слишком близко стоящей к Коминтерну и потому на той стадии развития не пользовавшейся еще необходимой популярностью среди масс. Наоборот, советские профсоюзы, связанные с советским государством, популярность которого была уже сравнительно широкой, из всех революционных рабочих организаций имели наибольший кредит среди организованных пролетариев Англии. По мере развертывания борьбы в связи с солидарными выступле-

ниями советских профсоюзов английские рабочие поднимались на более высокую ступеньку своего классового самосознания; неуклонно продвигались вперед рационализация и революционизирование английского рабочего движения, хотя весь процесс шел и идет в формах противоречивых и крайне болезненных. Перед коммунистами, работниками международного профсоюзного движения, стоит теперь задача постепенной интернационализации борьбы за единый международный фронт профессиональных союзов. Роль Профинтерна должна неизбежно приобретать все большее значение, при чем коммунисты профсоюзов Советской Республики должны, все энергичнее работая в рамках Профинтерна, способствовать оживлению работы этого последнего. Это вовсе не означает, что нужно хотя бы в какой бы то ни было степени изменить тактику работы в профсоюзах в смысле перехода на позицию раскола реакционных профсоюзов или выхода из них. Наоборот, не было бы ничего более вредного, чем такая тактика; она обрекла бы сторонников революционного профдвижения на изоляцию от масс и на создание маловесных и малодейственных сектантских профессиональных организаций (Шумахер). Работа в реакционных профсоюзах и работа по их завоеванию есть один из центральных пунктов приложения сил со стороны коммунистических организаций. Но в то же самое время следует всемерно поддержи-

вать авторитет Красного Интернационала профсоюзов, которому суждено сыграть крупную роль в международной борьбе за единство профдвижения и в борьбе против наступления капитала. Усиление работы внутри профорганизаций в отдельных странах является необходимейшим условием успеха революционного пролетарского движения. Но это не дает никакого основания для вхождения революционных союзов в Амстердамский Интернационал. Не может быть и речи о ликвидации Профинтерна. Наоборот, вся международная обстановка революционизирования рабочего класса, хотя и медленного, на-ряду с поистине предательской ролью Амстердамского Интернационала, которая особенно ярко проявилась на вопросе о всеобщей стачке и стачке английских горняков, выдвигает на первый план необходимость укрепления международного центра революционного профдвижения.

---

10. ГЛАВНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ, ОШИБКИ И ЗАДАЧИ ОТДЕЛЬНЫХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

ВКП б). Главнейшая секция Коминтерна—ВКП (б) за истекший отчетный год добилась весьма значительных успехов. Эти успехи идут по линии хозяйственного строительства, по линии укрепления пролетарской диктатуры и по линии консолидации самой партии. В области хозяйства, несмотря на всяческие пророчества относительно неизбежности роста и разрушения затруднений, срыва государственных планов со стороны развивающегося кулака и пр., партии удалось добиться решающих хозяйственных успехов на ряде основных участков экономического фронта: индустриализация страны делает дальнейшие успехи, и на текущий год на капитальное строительство и работу по электрификации будет затрачено уже свыше одного миллиарда рублей, не считая средств, идущих из местного бюджета; вытеснение частного капитала (падение его удельного веса) наблюдается и в области промышленности, и в области оптовой торговли, и в области торговли розничной. Повышение налогового обложе-

ния частного капитала, перегруппировка обложения крестьянства в сторону роста налогового нажима на верхушечные слои деревни, ряд других мероприятий, направленных против частного капитала (например, политика железнодорожных тарифов и стеснение в области перевозок частных торговых грузов) выражают собою наступление социалистических элементов, наступление пролетариата на частный капитал. Партии удалось вывести страну из сравнительно тяжелой хозяйственной полосы путем ряда решительно проведенных мероприятий (прекращение денежной эмиссии, сокращение кредитов промышленности, экономия накладных расходов и т. д.). С начала лета наметилось улучшение, которое, постепенно развиваясь, дало партии возможность к осени поднять зарплату наиболее низко оплачиваемых категорий рабочих, одновременно снизив общий индекс товарных цен и укрепив положение червонной валюты. Правильной политикой по отношению к крестьянству удалось закрепить союз пролетариата с крестьянством и тем самым укрепить пролетарскую диктатуру. На основе правильной политической линии, которая привела к положительным хозяйственным и общеполитическим результатам, партии удалось сравнительно легко одержать всестороннюю победу над внутрипартийной оппозицией и чрезвычайно сплотить партийные ряды. Важнейшей ошибкой, которую партийное руководство сделало,

в значительной мере по вине оппозиции, еще до VI расширенного пленума, был так называемый хозяйственный просчет осенью 1925 года, просчет, имевший тяжелые хозяйственные последствия. Вопреки мнению оппозиции, которая сваливала эту ошибку на наступление кулака, якобы оказавшегося в состоянии устроить хлебную забастовку, партия правильно оценила все значение этой ошибки,—извлекла из нее надлежащий урок и своей политикой преодолела эту ошибку, что с полной ясностью вытекает из хорошего хода хлебозаготовок в текущем хлебозаготовительном периоде.

Важнейшим событием в международном рабочем движении была и есть стачка английских горняков. Мы уже отмечали выше, что почти все партии Коминтерна (за исключением ВКП(б), английской компартии, итальянской компартии и некоторых других) оказались не в состоянии дать должного отпора предательской тактике социал-демократии и вождей реакционных профсоюзов, оказались не в состоянии развернуть необходимую кампанию помощи английским горнякам. Разумеется, в значительной мере это объяснялось громадными объективными трудностями, в первую очередь безработицей, неполной работой и т. д. Однако известная часть ответственности должна быть возложена на слабость партийного аппарата и на недостаточную мобилизационную способ-

ность наших партий. Наибольшую активность, если не говорить об английской партии, непосредственной участнице движения, развила стоящая у руля государственной власти ВКП (б), с одной стороны, и нелегальная, преследуемая, стоящая под террористическим топором Муссолини итальянская компартия. Активность ВКП (б), которую некоторые, с позволения сказать, «критики» считают чуть ли не кулацкой партией, в деле мобилизации масс на помощь английским горнякам общеизвестна. Итальянской компартии удалось, несмотря на свое нелегальное существование, добиться широкой кампании, собрать значительную сумму денег, соединить энергичную кампанию поддержки английских горняков с мобилизацией масс против кровавого режима Муссолини, проникнуть с этой кампанией не только в толщу городского пролетариата, но и в различные уголки итальянской деревни.

Опыт далеко не достаточной помощи английским горнякам со стороны большинства компартий должен быть учтен во что бы то ни стало.

В Англии компартия прекрасно выдержала экзамен во время всеобщей стачки и последующего хода событий. В значительной мере благодаря ее работе в профсоюзах, она из небольшой политической организации, не имевшей почти никакого значения в общественной жизни страны, превратилась в один из крупных факторов этой последней. В стачечных комитетах, в «комитетах действия», на левом

фланге профессионального рабочего движения, на левом фланге его политического движения она достигла ряда значительных успехов, помогла оформлению оппозиции в профсоюзах и организации «движения меньшинства» и добилась в этом движении своей руководящей роли. Выдвигая в общем и целом правильную тактическую линию, британская компартия увеличила число своих членов, в особенности во время последней битвы в районах, где горняки составляют главную массу промышленных рабочих. В еще более значительной степени британская компартия увеличила свое политическое влияние. Решительная позиция партии во время великих боев сделала ее в глазах рабочих руководителем всего смелого и честного в рабочем движении. Предательство со стороны профсоюзных лидеров и главнейших лидеров рабочей партии, капитулянтская политика так называемых «левых» (Персель и Ко), жалкие шатания независимой рабочей партии только оттеняли мужественную позицию численно незначительной, но относительно весьма активной британской компартии. Однако за это время все же британская компартия совершила ряд ошибок, отчасти уже исправленных партией, ошибок, которые должны быть отмечены, для того чтобы можно было их последствия легче преодолеть. Подосновой этих ошибок является недостаточно решительная позиция по отношению к так называемым «левым вождям» профсоюзного движения и некоторая не-

дооценка того великого политического процесса, который происходит хотя и не так быстро, как бы мы того желали, в недрах самого английского рабочего класса, поставленного вплотную перед фактом ожесточеннейшего наступления предпринимателей и правительства, с одной стороны, жалкого банкротства реформистских вождей—с другой. Конкретные ошибки британской компартии сводились к недостаточно решительной критике «левых», в особенности после всеобщей забастовки, к непониманию позиции русских профсоюзов (эту позицию английские товарищи считали слишком радикальной), к неправильной постановке вопроса о разоблачительной кампании по отношению к вождям Генсовета на исполкоме меньшинства, к недостаточно энергичной позиции на конгрессе тред-юнионов и т. д. Эти ошибки должны быть возможно скорее исправлены, и они будут исправлены, потому что в общем и целом партия выходит на широкую дорогу превращения в массовую революционную партию британского рабочего класса. Главной задачей, которая стоит перед английской компартией, является усиление работы по поддержке стачки горняков, по разъяснению массам роли правительства, по подведению этих масс к постановке коренных вопросов политической жизни при одновременном разоблачении реформистских вождей. Организационная работа партии,—это, в первую очередь, дальнейшее организационное оформление движения профсоюз-

ного меньшинства, закрепление и расширение успехов, достигнутых этим движением, энергичная вербовочная работа. Недостаточная оформленность движения меньшинства довольно ясно проявилась в ходе событий. Удельный вес этого движения был бы во много раз больше, и радикализация английского рабочего класса шла бы гораздо более быстро, если бы движение меньшинства, идущее в ногу с компартией, было организационно оформлено и имело твердый организационный костяк, «аппарат», который способствовал бы гораздо большей боеспособности этого авангарда профессионального рабочего движения.

Китайская компартия по своему значению выдвигается сейчас на первый план в связи с огромным размахом китайского национального революционного движения. Молодая китайская компартия безусловно добилась крупнейших успехов. Действуя в полной солидарности с левым крылом национально-революционного Гоминдана, китайская компартия заняла место признанного руководителя пролетариата, крестьянской бедноты и ремесленников. Главнейшая ошибка, которая была сделана китайской компартией, несмотря на правильную в общем и целом линию, находилась в плоскости недостаточно внимательного отношения партии к крестьянскому вопросу. Излишняя боязнь развязывания крестьянского движения и недостаточная настойчивость на необходимости проведения аграрных

реформ в областях, занятых Гоминданом,—таково основное направление ошибок. Задачей партии является, при сохранении единого национально-революционного фронта, решительный курс на организацию самых широких слоев трудящихся масс и, на-ряду с организацией пролетариата, курс на создание, поддержку, расширение и укрепление организаций революционного крестьянства [1]).

Французская компартия точно так же добилась ряда успехов. Она провела в свое время блестящую кампанию против войны в Марокко, мобилизовав вокруг этой кампании широкие слои рабочих и крестьян. Она принимала участие в руководстве целым рядом стачек во время последней стачечной волны. Она все же пыталась притти на помощь английским горнякам, проведя демонстративную стачку солидарности. Однако она сделала крупную ошибку как раз в наиболее критический момент политической жизни Франции,—мы говорим здесь о переходе власти в руки Пуанкаре. Прежде всего партия не дала себе достаточно ясного отчета в самом характере происшедшей передвижки классовых сил. Переход от инфляционной политики к дефляционной; переход от правительства «левого блока» через ряд промежуточных ступеней к откры-

---

1) Мы не останавливаемся дальше на этом вопросе, ибо он будет подробно обсужден как специальный пункт порядка дня VII расширенного пленума ИККИ.

тому господству крупной буржуазии, т.-е. к правительству тяжелой индустрии и банков; далее, то обстоятельство, что эта передвижка власти является политической предпосылкой для начала «стабилизационного» наступления крупного капитала на рабочий класс,—все это не было в достаточной мере правильно оценено французской компартией. Поэтому партия, обратив внимание на различные комбинации в парламенте, не обратила достаточного внимания на мобилизацию масс рабочего класса и мелкой буржуазии. Между тем этот критический период сопровождался большим брожением среди рабочих и мелкой буржуазии, брожением, которое не было использовано компартией, проявившей значительную пассивность. Следует отметить также недостаточную работу партии в профсоюзах, а равно недостаточную работу профсоюзов, руководимых нашей партией, среди неорганизованных масс рабочего класса. За последнее время отмечается рост партии. Главнейшей задачей партии является подготовка к неизбежно грядущим боям. Впервые против рабочего класса происходит мобилизация буржуазных сил в таких размерах, как это предполагается сейчас. Начало безработицы, рост дороговизны, повышение тона буржуазной печати по отношению к рабочим,—это только первые ласточки предстоящего обострения классовой борьбы. Укрепление позиции партии и революционных синдикатов в массах и укрепление их аппарата, (их мобили-

зационной способности, их внутренней крепости должно составить предмет особенного внимания со стороны нашей братской французской компартии.

В Германии следует отметить ряд достижений. Увеличилось влияние компартии в профсоюзах (например среди берлинских металлистов), хотя далеко не в достаточной степени. Увеличилось влияние партии среди левеющих социал-демократических рабочих. Гамбургская стачка, делегации в Советскую Россию, левые оппозиции, общие конференции и совещания, рост влияния союза красных фронтовиков и т. д.—суть выражение этого растущего влияния. Вырос авторитет партии и в движении безработных, ибо партии удалось исправить некоторые свои ошибки в этом вопросе и развить довольно энергичную деятельность по организации безработных пролетарских масс. Кампания, проведенная партией против возмещения владетельных княжеских домов, несомненно способствовала росту популярности партии в самых широких кругах рабочего класса и даже мелкой городской буржуазии. Последние выборы в Саксонии и общинные выборы в целом ряде мест, давшие в результате прирост коммунистических голосов, ясно указывают на этот рост общеполитического влияния партии, проводящей правильную политическую линию. Следует отметить также консолидацию партийных рядов и решительную борьбу с мелкобуржуазными укло-

нами. Партия в настоящее время стоит перед серьезнейшей задачей как вовне, так и внутри. Ее главной задачей вовне является подготовка к руководству предстоящими боями рабочего класса, которые вытекают из обостряющейся классовой борьбы. Необходимо огромное усиление работы в профсоюзах и энергичное продолжение тактики единого фронта и по профсоюзной линии, и по отношению к левеющей массе социал-демократических и беспартийных пролетариев. Необходимо усиление организационного аппарата партии, укрепление связи с провинцией, выдвижение новых кадровых слоев из рабочих и сплочение партийных рядов. Ближайший очередной партийный съезд будет иметь крупное значение в истории партии.

В Италии партия целиком выдержала экзамен в труднейших условиях борьбы. Она сохранила свою организацию, больше того—она сумела связаться с широкими массами рабочих и крестьян, подняла в высокой степени свой авторитет, преодолела в своей среде антиленинские сектантские уклоны, научилась успешно проводить тактику единого фронта, оказалась на высоте, поскольку речь идет о работе в профсоюзах в условиях разгрома профессионального движения, независимого от фашистов, и организации фашистских профсоюзов. Коминтерн должен призвать все свои секции на помощь и поддержку итальянской компартии, руководящие работники которой фактически поставлены вне за-

кона террористическим режимом фашистского диктатора.

В Польше ошибки, допущенные компартией, уже подверглись достаточно открытой критике и были осуждены самой партией. Эти ошибки сводились к в корне неправильной и оппортунистической тактике единого фронта во время переворота Пилсудского, когда наша партия, захлестнутая мелкобуржуазной войной, потеряла свое собственное лицо, очутилась в хвосте масс и в самые критические моменты не начала во-время поворачивать оружие против тенденций пилсудчиков, которым в конце концов при помощи Англии удалось реализовать фашистскую диктатуру в стране. Задачей партии является мобилизация масс в борьбе с фашистским режимом Пилсудского, энергичная работа в профсоюзах, использование полевения рабочих масс в связи с наступлением капитала, решительная и смелая защита интересов широких масс крестьянства и угнетенных национальностей.

Чехословацкой партии, которая вообще вполне успешно проводила тактику единого фронта и достигла уровня большой массовой революционной партии, несколько недостает нужной активности, особенно необходимой в настоящий момент, когда все более и более обостряется хозяйственный кризис в стране.

По отношению ко всем компартиям нужно сказать, что опыт их работы показал следующее: во-

первых, вообще они сумели приспособиться к условиям переживаемого периода, хотя и не в той степени, в какой это необходимо; во-вторых, опыт показал, что действительный рост влияния компартий идет подчас быстрее, чем обычно предполагают; в-третьих, партии идут навстречу грядущим боям в условиях, которые, создавая большие трудности, все же вообще благоприятны для успехов коммунистического движения.

---

11. БОРЬБА ЗА ЛЕНИНСКУЮ ЛИНИЮ И ПРОБЛЕМА РУКОВОДСТВА

Подводя итог некоторой критике Коминтерна за сравнительно долгий период, можно притти к следующим заключениям. Эта критика, поскольку она носила принципиальный характер, сводилась в первую очередь и главным образом к критике крестьянской политики ВКП, при чем эта критика подчас куталась в мантию «настоящего», «ортодоксального», «западно-европейского» (в противоположность «азиатско-большевистскому») «марксизма». Так критиковал Коминтерн Пауль Леви и вся его группа, вскоре после этого перешедшая вместе со своим шефом в лагерь социал-демократии. Критика направлялась по линии обвинения в слишком большом централизме, т.-е. по линии «режима» и по линии критики единого фронта «слева». Такую же критику наводил на коммунистические партии и бывший секретарь французской компартии Фроссар. Но характерно, что все «вожди», которые занимались подобной критикой, довольно быстро либо перешли в лагерь социал-демократии, либо чрезвычайно близки к тому. Леви стал социал-демокра-

том, Фроссар стал социал-демократом и сотрудником газеты Кайо, Хеглунд стал социал-демократом, издающим сочинения своего прежнего противника Брантинга, Транмель и его партия накануне объединения с социал-демократией и т. д. Таким образом, все эти «критики», очень часто направляющие свои критические стрелы «слева», завершили цикл своего развития и возвратились обратно в землю, откуда вышли.

В настоящее время Коминтерну приходится вести борьбу с небольшой сравнительно правой группировкой внутри Коминтерна и с так называемой «ультра-левой» фракцией, которая резче всего обнаружила себя в Германии. Несомненно, что деятельность фракционных группировок внутри Коминтерна чрезвычайно оживилась в связи с кавалерийским рейдом, произведенным на руководство ВКП вождями русской оппозиции. Вокруг выступления этой последней стали организовываться самые различные силы, тяготеющие в большей или меньшей степени к позиции, враждебной Коминтерну и даже Советской России.

Мы уже упомянули в предыдущем изложении о том, что так называемая «ультра-левая» оппозиция особенно резко проявила себя в Германии, где ее отход от коммунизма был отражением переориентации немецкой буржуазии с Востока на Запад.

Существо «идейных взглядов» этих людей было

изложено выше. Здесь нам приходится отметить лишь объективную связь между различными направлениями, группами и группками внутри общего оппозиционного блока. Группа Вебера поддерживает Урбанса, Урбанс идет вместе с Рут Фишер и Масловым. Рут Фишер и Маслов вступают в организационный блок с Коршем и Шварцем, хотя при случае непрочь отмежеваться и от идейной и от организационной связи с этими последними.

Так называемый русский вопрос, как мы видели, является главным пунктом, по которому идет бой. «Ультра-левая» оппозиция через ряд промежуточных ступенек и «идейных оттенков» по сути дела уже целиком возвратилась в социал-демократическое лоно и в лице своих наиболее последовательных «вождей» (Корш, Шварц) сделала все те практическо-политические выводы, которые давным-давно были сделаны Каутским в его знаменитой брошюре «Интернационал и Советская Россия». Таким образом «ультра-левые», «решительно левые» и прочие оппозиции стали играть роль самой правой социал-демократической контр-революции, прикрывая действительную убогость своего идейного багажа жалкими тряпками левой фразеологии.

Если на одном полюсе Коминтерна отложились «ультра-левые» группы, то на другом полюсе заметны и правые уклоны. Достаточно напомнить о некоторых небольших группах во французской ком-

партии, о группе Шефло в Норвегии, о статье в центральном органе компартии Чехо-Словакии «Руде Право», где защищалась позиция Отто Бауэра в вопросе о диктатуре пролетариата (статья была тотчас же дезавуирована ЦК партии); достаточно вспомнить о правых ошибках в польской компартии и т. д.

В связи с выступлением русской оппозиции была несомненно попытка организации международной фракции, направленной против линии Коминтерна и его основной секции, т.-е. ВКП. Эта фракция, однако, не могла быть организована прежде всего потому, что со стороны широких партийных масс ВКП оппозиция получила сокрушительный удар и вынуждена была капитулировать. Это событие не могло не дезорганизовать оппозиционные ряды внутри других партий, в первую очередь внутри германской компартии, где оппозиция представляла все же довольно заметную величину.

Фракционные методы борьбы, которые целиком разрывают с большевистскими организационными принципами, получили свое обоснование, и притом совершенно открытое, в заявлении Урбанса, предъявленном в ответ на ультиматум центрального комитета германской компартии. В этом ответе между прочим говорится, что нормы партийной дисциплины неприменимы к такой партии, как компартия Германии, потому что она не является якобы большевистской партией. Таким образом совершенно

ясно, что эти люди подготовляли партийный раскол как раз в таких условиях, когда партия стала выходить на дорогу широкой массовой работы.

Вместе с поражением русской оппозиции и исключением, как более злостных, вождей оппозиции из германской компартии, борьба за ленинскую организационную линию, борьба с фракционностью перешла в новую фазу своего развития. Основная «установка» оппозиционных лидеров, уже исключенных из партии, заключалась и заключается в том, чтобы дезорганизовать партию, фактически аннулировать партийные решения и повторными нарушениями партийной дисциплины сделать невозможным руководство партией со стороны ЦК. Лозунг большевизации партии, предложенный в свое время тов. Зиновьевым, должен быть проводим внутри наших компартий с особой строгостью.

В своем известном заявлении, подписанном крупнейшими оппозиционными вождями в ВКП, оппозиция, сохраняя свою принципиальную линию по другим вопросам, признает, что теория свободы фракций и группировок противоречит ленинизму, а следовательно большевизму. Таким образом лозунг дальнейшей большевизации партий на настоящей ступени развития этих партий должен заключаться и в том, что антиленинская свобода фракций внутри Коминтерна должна быть ликвидирована. При обеспечении для каждого члена партии, не

связанного особой дисциплиной ее руководящих органов, выражать и защищать свое особое мнение, Коминтерн и его отдельные секции не могут в настоящее время позволить себе роскошь существования фракции, да еще связанной с исключенными из партии, фракции, являющейся фактическим зародышем второй партии. В особенности это применимо к такого рода группам, которые разделяют контр-революционные взгляды Корша, Шварца и т. д. — взгляды, абсолютно несовместимые с принадлежностью к Коминтерну. Социал-демократам и контр-революционерам не может быть места в недрах революционного товарищества рабочих.

Постоянной задачей Коминтерна является преодоление всяческих и всевозможных отклонений от правильной ленинской линии. Это положение остается, разумеется, верным и теперь. Коминтерн вел и будет вести борьбу как против «правых», так и против так называемых «ультра-левых», которые очень часто сходятся в своих основных идейно-политических построениях. «Ультра-левые» уклоны в западно-европейских партиях являются продуктом непонимания особой складывающейся теперь объективной обстановки, которая требует от компартий гораздо большего приспособления к повседневным нуждам рабочего класса, исходя из которых нужно вести эти массы к постановке революционных целей и к революционной борьбе. Точно

так же якобы левые оппозиционные круги в ВКП выражают и отражают непонимание специфических потребностей строительного периода пролетарской диктатуры и сбиваются на повторение лозунгов, взятых напрокат из такой полосы в развитии революции, которая отошла уже в прошлое.

Непонимание потребностей новой обстановки не находится, однако, в противоречии с тем положением, что самые эти уклоны являются продуктом этой обстановки. Если оппозиция в ВКП своим напором на партию отражала давление на партию со стороны слоев недовольных режимом пролетарской диктатуры вообще, то германская оппозиция вообще отражает колебания мелкобуржуазных слоев среди рабочего класса, а наиболее «решительные» ее выразители, скатившиеся до проповеди восстания капитализма в стране пролетарской диктатуры, являются уже непосредственными проводниками наиболее злостных, «антимосковских» буржуазных тенденций. Конечно, между господином Коршем и оппозицией в ВКП дистанция огромного размера, и ставить их на одну доску было бы и неверно и несправедливо в равной мере, но такова уже механика борьбы, что наскок русской оппозиции немедленно сплотил вокруг нее целый хор «решительно» антикоммунистических элементов.

В настоящее время можно уже констатировать, что приступ оппозиционной лихорадки идет быст-

ро на убыль. Главные силы оппозиции разбиты, ее подсобные силы дезорганизованы. Идейная борьба и идейное разъяснение ошибок оппозиционных товарищей и всего ренегатства исключенных сделает свое дело, сплотит ряды компартий вокруг Коминтерна.

Борьба за массы, с одной стороны, и борьба за правильную ленинскую политику внутри партии— с другой, способствует отбору выдержанных и закаленных руководителей и подлинных большевистских вождей коммунистических партий. Проведение внутрипартийной демократии при недопущении фракционных группировок, неустанная работа над повышением политического уровня массы членов партии, над повышением теоретического уровня ее кадрового состава—должны обеспечить правильный рост все новых и новых партийных кадров и поднятие их партийной квалификации. Усложняющиеся потребности руководства растущего Коминтерна в свою очередь требуют подбора руководителей этого последнего и притом такого подбора, который обеспечил бы коллективное международное руководство. Одной из важнейших задач этого международного руководства является, между прочим, систематический контроль над проведением уже принятых решений, которые во многих отношениях дают исчерпывающие указания отдельным компартиям, но нередко остаются на бумаге. Живая связь между руководством Коминтерна и отдель-

ными его секциями, абсолютная твердость и единство руководства со стороны Коминтерна, но без мелочной опеки и при максимальной инициативе со стороны отдельных секций Коминтерна,—таков тот путь, по которому должны развиваться коммунистические партии и Коммунистический Интернационал.

Подводя общие итоги, мы можем сказать, что Коминтерн сделал несколько шагов вперед, несмотря на то, что главный враг, буржуазия, продолжает наступать на рабочий класс. Этого врага поддерживают по всей линии Амстердамский и II Интернационалы. Эти организации штрейкбрехерствуют по отношению к стачке английских углекопов, но они с «энтузиазмом» обслуживают и воспевают Лигу наций и «новую эру» капиталистических отношений. Они поддерживают буржуазные правительства, они поддерживают капиталистическую рационализацию, они поддерживают травлю Советского Союза, они поддерживают травлю национальных восточных революций, они хлопочут о колониальных мандатах. В это же самое время отряды Коминтерна сражаются против империалистских интервенций в Китае, гибнут под ударами фашистского ножа, ведут героическую борьбу на Балканах, бьются против кровавого режима Муссолини, сидят в тюрьмах и застенках маршала Пилсудского, строят социализм в России, ободряют, поддерживают и ведут в бой английских горняков, отдают последний грош их женам и детям,

на всех фронтах борьбы с капиталом стоят в первых боевых шеренгах, подставляя свою грудь под пули врагов. Ближайшее будущее может приблизить ряд коммунистических партий к крупным боям.

Необходимо уже теперь вести самую энергичную подготовку, мобилизовать массы, глубже спуститься в рабочие кварталы, неустанно сплачивать армии труда.

Английские горняки, преданные профсоюзными вождями, покинутые ими, продолжают вести свою героическую борьбу, потрясая весь хозяйственный организм великой Британской империи. На крайнем Востоке подымающиеся миллионные массы впервые выходят на широкую историческую арену, образуя мощный активный тыл пролетарской революции.

Главная крепость и организующая сила международного коммунизма — Советский Союз — с каждым годом вырастает и укрепляет победоносную диктатуру рабочих. И если капитализму удается на довольно многих участках фронта классовой борьбы укреплять свои позиции; если ему частично удается вылезти из хаоса и разрухи военного времени; если он оказывается в состоянии перестроить свои ряды и сплотить свои силы,—то, с другой стороны, уже в ближайшем будущем против него выстраивается целая стена крупнейших затруднений. Это создает базу для успешной работы

коммунистических партий. Завоевание широчайших масс западно-европейского пролетариата и образование великого мирового союза между рабочими Европы, победоносной диктатурой пролетариата в стране Советов и победоносной китайской революцией станет оплотом и гарантией окончательной победы коммунизма.

II.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА

ДОКЛАД НА VII РАСШИРЕННОМ ПЛЕНУМЕ ИККИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА

Товарищи! Обширный доклад, содержащий в себе анализ текущего положения—с цифрами и различными датами—все это имеется в печатном виде—в моем печатном докладе. А потому я считаю совершенно излишним повторять развитые мною в этом докладе мысли. Полагаю, что товарищи с этим письменным докладом уже ознакомились, и предлагаю после моего доклада развернуть прения на основе не только моего устного доклада, но, главным образом, на основе печатного доклада. Теперешняя моя задача—выделить лишь некоторые существенные вопросы.

В моем печатном докладе я охарактеризовал текущее положение как положение промежуточное между двумя валами революции. Я считал бы полезным развернуть здесь с этой трибуны маленькую, а если хотите, и большую полемику с нашими противниками, особенно с социал-демократами.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ПЕРЕЖИВАЕМОЙ ЭПОХИ

Как расценивает текущее положение социал-демократия, которая как-никак представляет собой «рабочую» партию, хотя в кавычках?

По мнению социал-демократии, мы живем в нормальную эпоху капиталистического развития. Состояние капитализма—почти нормальное, а то и вовсе нормальное. По мнению социал-демократии, новое в этом развитии, это—новая организационная форма капитализма, как в национальных, так и в международных рамках: в целом ряде стран конкуренция уступает место организованному капиталу; создаются очень сильные организации и в мировом хозяйственном масштабе. Политическим выражением всех этих процессов, по мнению социал-демократии, служат такие факторы, как Лига наций, пан-европейское движение, различные конвенции и договоры межгосударственного характера и пр. Все эти факторы столь важны, столь крупны, имеют столь необычайно крупное значение при анализе текущего положения, что якобы в корне изменяют положение вещей. Социал-демократия дерзает утверждать, что общепризнанные марксистские положения, например знаменитое всеобъемлющее, всем известное положение о неизбежности войн в эпоху капитализма, уже устарели, не соответствуют действительности. Итак, говорят социал-демократы, мы переживаем новую фазу капиталистического развития. Не на небесах, а на земле у нас сейчас мир. Так называемые идеи мира и пр. теперь претворяются в жизнь, и как раз Лига Наций является орудием этого благородного движения в пользу мира. Это совершенно

отчетливо высказал Гильфердинг да и другие теоретики социал-демократы.

Можно ли утверждать что-либо подобное с точки зрения реальности? На наш взгляд подобного рода утверждения при сопоставлении их с действительностью комичны: с точки зрения действительности вся эта теория—сплошной пуф. Действительно, разве можно говорить сейчас даже о положении, аналогичном довоенному? Разве можно утверждать, что капитализм переживает «нормальную» эпоху и развивается в «нормальных» условиях? По-моему, можно утверждать как раз обратное: достаточно одного факта существования СССР, чтобы утверждать, что капитализм живет в ненормальных условиях. Факт существования наших пролетарских республик уже сам по себе служит выражением необычного состояния, необычной обстановки, в которой развивается сейчас капитализм.

Мы имеем перед собой столь крупные события, как восточно-азиатская революция, началом которой мы считаем великую революцию в Китае. Разве это выражение «нормального» развития? Разве это пустяк? Разве это незначительный факт? Разумеется, нет. Факт этот столь крупный, исторический удельный вес его столь велик, что уже по этому одному текущее положение нельзя считать нормальным. Закат Англии, противоречия внутри капиталистического строя, это—тоже факты не пу-

стячные, это—факты крупнейшего значения, и недооценивать их нельзя.

Если расценивать эти события под углом зрения противоречий капитализма и внешних событий, разыгрывающихся между различными государствами, спрашивается, можно ли утверждать, что противоречия ослабели? Отнюдь, нет. Кто это доказал? Кто хотя бы попытался это доказать? Мы утверждаем, что противоречия после войны выросли, увеличились и расширенно воспроизведены на более высокой ступени. Крупнейший, существеннейший факт—диктатура пролетариата в бывшей России и китайская революция, два эти факта громко свидетельствуют об отсутствии прежней основы для капиталистического строя. И действительно, мы сейчас наблюдаем попытки спасти капитализм при помощи чрезвычайных, резко заостренных методов эксплоатации в странах, где непосредственной революционной ситуации нет и где кривая капиталистического развития порою ползет даже вверх.

Таким образом отсутствие комплекса условий, составлявших в былое время основу для капитализма, сказалось в заостренной борьбе с рабочим классом, так как только путем такого заострения буржуазия надеется спасти капиталистический строй.

ЗА ИЛИ ПРОТИВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ?

Теперь перед рабочими партиями стоит вплотную вполне принципиальный вопрос: за капиталистическую стабилизацию или против капиталистической стабилизации? Этот вопрос служит своего рода водоразделом внутри рабочего класса. Социал-демократия за стабилизацию, мы—против.

Этой основной принципиальной линией определяется целый ряд других тактических положений. Так, например, социал-демократия—против СССР. Почему? Да потому, что существование СССР есть фактор, объективно направленный против капиталистической стабилизации. СССР—разрушительный момент в рамках мирового капиталистического хозяйства и всей системы капиталистических государств.

Разумеется, капитализм в процессе товарообмена может наживаться на СССР, но это имеет второстепенное значение: все торговые договоры, признания СССР и пр., все это—явления второстепенного порядка. Не это принципиально важно, не это определяет мировую историческую линию. Буржуазия это прекрасно понимает.

В общем и целом социал-демократия против восточно-азиатской революции. Даже об относительно столь лево ориентирующейся социал-демократии, как австрийская, даже о партии

Отто Бауэра, можно сказать, что она враждебно или полувраждебно-нейтрально относится к восточно-азиатской революции. Почему? Потому, что восточно-азиатская революция—крупный фактор разрушительного характера, очень значительный фактор, мешающий капиталистической стабилизации

Социал-демократия против всех так называемых «волнений» в Западной Европе, «волнений» каких бы то ни было видов. Она относится в значительной степени враждебно к английской стачке. Она, разумеется, была против всеобщей стачки в Англии и особенно против ее дальнейшего развития, так как это равносильно «нарушению нормального порядка».

Против всех разрушающих или тормозящих капиталистическую стабилизацию элементов, будь то восточно-азиатская революция, будь то СССР, будь то крупная политическая или экономическая стачка в Европе,—против всего этого социал-демократия ведет борьбу в той или иной ее форме. Наоборот, чуть ли не всякий фактор, способствующий, помогающий капиталистической стабилизации, пользуется поддержкой со стороны социал-демократии. Почему? Социал-демократия всех стран поддерживает, например, такую разбойничью организацию, как Лига наций, потому, что Лига наций в ее глазах является наилучшим способом ликвидации противоречий внутри капитализма, лучшим средством двинуть вперед стабилизацию капитализма,

хотя бы на некоторое время, по крайней мере на ближайшее будущее. В силу этого Лига наций является орудием мира, которое надлежит поддерживать. Социал-демократия считает Лигу наций по существу орудием стабилизации и потому орудием мира. В силу этих же соображений социал-демократия и за пан-европейское движение, за «правильное распределение» колоний, и пр., и пр.

Выводы, к которым мы должны здесь притти, приблизительно таковы:

Предательство социал-демократии в нашу эпоху, в наши дни, в последние недели и месяцы, гораздо крупнее ее измены в августе 1914 г. Это не осознано еще вполне отчетливо даже в наших собственных рядах. Можно утверждать, что пролетариат в целом этого тоже еще не осознал. Наша задача, в первую голову, разъяснить этот факт пролетариату.

Почему предательство социал-демократии в наши дни значительнее, чем в августе 1914 г.? Очень просто. В августе 1914 г. социал-демократия стояла на точке зрения защиты национального капитализма. И только. Положение тогда было исключительным, социал-демократы говорили, что враг разоряет «наши» очаги. Мы хотя и интернационалисты,—оправдывались они,—однако интернационализм отнюдь не противоречит так называемым «национальным моментам». И т. д.

Вся эта история нам хорошо известна.

Теперь же социал-демократия отстаивает капитализм не только в национальном масштабе, как во время войны. В наши дни она принципиально защищает капитализм как мировую хозяйственную систему. (Аплодисменты.) С первого взгляда это неясно, это тем опаснее, и тем больше мы должны прилагать усилий к разоблачению этой проклятой идеологии. Без энергичной работы в этом направлении мы не одержим победы ни в коем случае.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ „МИР"—ШИРМА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ НОВЫХ ВОЙН

Социал-демократия увязывает вопрос о капиталистической стабилизации с проблемой мира. Проблема эта стоит очень серьезно именно теперь. Приглядимся к настроениям рядового пролетария, к психологии пролетарской массы. Какова эта психология? Масса эта пережила великую войну. Положение теперь, через 7 лет после заключения мира, сравнительно улучшилось, и эта масса говорит: «Пожалуйста, оставьте нас в покое. Мы—против войны, мы—против нарушения мира,—вот все, чего мы хотим». Эта психология широких народных масс весьма понятна. Это—своего рода реакция против воинственных настроений времен войны, и социал-демократия ее удачно использует в своих целях. Как она это делает? Приблизительно так: кто нарушитель мира? Глядите на Лигу на-

ций,—она есть орудие мира; а вот проклятые «русские»—бродило в этой системе мира; или—гляньте-ка на Восток, там революция: «русские»,—т.-е. СССР,—«натравливают» восточно-азиатские народы на цивилизованные государства. Мы, — т.-е. социал-демократия,—стараемся, чтобы пан-европейское движение, пацифистские круги, Лига наций служили делу мира, мы изо всех сил стараемся осуществить мир. А СССР нам мешает. А восточно-азиатские народы нам мешают в этой работе. Коммунистам хочется «раздуть повсюду пожар»,—выражаясь словами Каутского. Вначале думали «ограбить» Запад—не удалось, теперь пытаются «поджечь» и «ограбить» Восток. Вот где, в сущности, враги мира. Вот где помеха, которую надо преодолеть.

Так говорит социал-демократия. Такова ее ядовитая «идеология».

Наши партии должны разбить эту идеологию, сорвать такую постановку проблемы мира, увязанную с так называемой ультра-империалистической болтовней, с пан-европейским движением и пр. Разоблачите социал-демократический «мир»! Это—ширма для подготовки еще более ужасных, еще более грандиозных войн, каких не видывала история. Доказывать это положение излишне.

Но прощупать до дна эту постановку вопроса, действовать в этом направлении среди пролетариа-

та—этого мы, на мой взгляд, в надлежащей степени **не сумели**. Итак, еще раз: социал-демократический «мир»—ширма для новых чудовищных войн.

С другой стороны, наше **революционное** движение, наши восстания, наши стачки, наша работа по строительству СССР,—да и сам по себе СССР,—служат наилучшей **гарантией подлинного мира**. Это популярное положение, это почти банальное положение мы должны основательно уяснить всему пролетариату. Мы должны сказать,—и это будет вполне соответствовать действительности: коммунистические партии, это—партии мятежа, партии восстания, а Коминтерн, это—мировая организация пролетариата, ведущая к восстанию. (**Аплодисменты.**) Но **именно** потому, что Коминтерн—партия мирового мятежа, **именно** потому, что Коминтерн—мировая партия вооруженного восстания,—он является твердой, как скала, гарантией **подлинного мира всего мира**. Так должен ставить эту проблему Коминтерн сейчас, и особенно сейчас.

ЧЕТЫРЕ ОСНОВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА. ОТНОШЕНИЕ К НИМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Мысль о необходимости разбить ультра-империалистическую и лже-пацифистскую идеологию тесно связана с общей оценкой теперешнего положения. Одной из главнейших идей в отпечатанных тезисах и в моем отпечатанном докладе является мысль,

что общая постановка проблемы капиталистической стабилизации недостаточна ни в теоретическом, ни в практическом отношении. В особенности для нашей практической работы недостаточно одной общей оценки положения для всех стран, при огромном разнообразии отношений и условий, в которых приходится бороться нашим организациям.

В своем письменном докладе я попытался набросать подразделение стран на различные группы. Думаю, что сегодня можно остановиться на четырех крупных подразделениях. Истории угодно было установить сходство в наименованиях: Союз Американских Штатов и Союз Социалистических Советских Республик,—вот два «Союза», и в то же время два противоположных полюса существующего мирового положения; далее идут Восток и Европа.

Как понимать очень и очень благосклонное отношение социал-демократии к Америке, как расценивать его с точки зрения всей мировой ситуации? Америка представляет собой тот полюс мировой истории, где точно в фокусе собрались крупнейшие силы капитализма. С точки зрения широкой исторической перспективы, это—главный враг социализма. Как же понимать похвалы, расточаемые социал-демократией Америке? Это—яркое выражение контрреволюционной роли социал-демократии, потому что это—вексель,

залог грядущей поддержки крупнейшего из существующих врагов рабочего класса. Весь этот восхищающийся тон, все эти гимны, воспеваемые социал-демократией Америке,—все это надо понимать именно так, и главным образом так.

В корне противоположно отношение социал-демократии к другому «Союзу»—к Союзу ССР; стоит только вспомнить помехи, которые она чинит нам, стоит только вспомнить ту травлю, которую она ведет по отношению к нам, и ту оценку нашей работы по социалистическому строительству, которую она дает. В этом опять-таки сказывается явно контрреволюционная роль социал-демократии. В мировой истории сейчас имеются два противоположных полюса: Америка и СССР,—полюс революционный и полюс контрреволюционный. Отношение социал-демократии к Америке и к СССР под углом зрения крупных проблем совершенно ясно: она за Америку и против СССР, за капитализм, против социализма, за капиталистическую контрреволюцию, против пролетарской революции.

Нынешняя пропаганда социал-демократии против восточно-азиатских революций—третье крупное проявление контрреволюционной роли социал-демократии. В целом ряде статей, тезисов и пр. социал-демократия говорит: мы за «освобождение» всех народов, в том числе, разумеется, и китайского народа, но мы против «хаоса»

в Китае, мы против «ненависти» к иностранцам и других подобных вещей.

«Правильное распределение» колониальных мандатов тоже очень занимает всю социал-демократическую прессу, и в особенности орган господина Гильфердинга «Гезельшафт». И это тоже служит признаком контрреволюционной роли социал-демократии. Далее, сюда же присоединяется положительное отношение к стабилизации, положительная роль социал-демократии в деле спасения капиталистической системы. Во всех важнейших пунктах, где обнаруживаются слабые места капиталистической системы, социал-демократия играет прямую контрреволюционную роль, борясь против Советской России, против китайской революции, против волнений в Западной Европе и за ее «американизацию». Здесь яснее всего обнаруживается контрреволюционная роль социал-демократии.

ЗАДАЧИ НАШИХ СЕКЦИЙ. ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ „РУССКИЙ ВОПРОС"

Что касается работы наших партий, то с этой широкой точки зрения само собой понятно, что задачи наших партий и Коммунистического Интернационала должны видоизменяться в различных странах. В СССР перед нами стоит одна задача, в Америке—другая. В Западной Европе и в Китае перед нами стоят тоже совершенно особые, спе-

цифические задачи. И эта разница основана не на том, что эти задачи принципиально отличны, а как раз наоборот. Чтобы осуществить нашу общую задачу—пролетарскую революцию, мы должны ставить вопрос каждый раз по-иному, в зависимости от особенностей обстановки.

Остановимся прежде всего на работе коммунистов Советского Союза. Здесь, в СССР, наша главная задача—созидательная работа, строительство социализма. Социал-демократия это отрицает. Но и в наших рядах, в различных оппозиционных группах нашей партии и заграничных партий можно натолкнуться на некоторый скептицизм по отношению к социалистическому строительству. И, я думаю, необходимо сказать, что этот скептицизм имеет социал-демократическое происхождение.

Что касается теоретической стороны вопроса, то я не буду подробно ее излагать, так как она обстоятельно будет освещена в докладе тов. Сталина. Я хотел бы сказать только несколько слов о том, откуда берется этот скептицизм. Отчего оппозиционные товарищи говорят чуть ли не о невозможности социалистического строительства, о непреодолимых трудностях и о тому подобных вещах? Почему у них нехватает веры в победоносные перспективы социалистического строительства в Советской России? Почему это неверие находит некоторый отклик в западно-европейских партиях, даже среди некоторых слоев пролетариата? Если по-

ставить этот вопрос теоретически, то очень легко понять, где корни этих скептических настроений. Скептики говорят, что Россия была отсталой страной. В ней можно было завоевать власть, но другое дело—строить социализм. Еще Энгельс де сказал, что можно предвидеть такой случай, когда рабочая партия слишком преждевременно получит в свои руки кормило правления. Эта возможность не исключена. И, по мнению социал-демократов и скептически настроенных товарищей внутри коммунистического движения, именно этот случай имеет место у нас в СССР. Большевики слишком рано завоевали власть—прежде чем назрели объективные предпосылки для подлинного строительства социализма. Это выражается, говорят социал-демократы, прежде всего в том, что большевики вынуждены все снова и снова отступать. Во всяком случае, если бы немедленно вспыхнула мировая революция, то положение было бы другим. Тогда мировая революция спасла бы революцию русскую. Но мировая революция не приходит, и большевики делают одну уступку за другой. Сам нэп был, по мнению всех социал-демократов (и увы—не только социал-демократов), показателем недостаточности объективных сил революции в России. Нэп был, так сказать, грехопадением—и, как полагается по законам природы, в результате этого грехопадения появились дети. И вот теперь создалась целая греховная семья: происходит «пере-

рождение» соввласти и партии, создается «термидорианская линия», делаются недопустимые уступки крестьянству, Сталин входит в роль «крестьянского короля», образуются «ликвидаторские течения» внутри Коминтерна и т. д., и т. п.—социал-демократы и их прихвостни выдумывают всевозможные благоглупости, которые мы в последнее время слышим с разных сторон.

Конечно, социал-демократия находит некоторое утешение в том, что и внутри наших партий были такие настроения. Я говорю: «были», так как надеюсь, что после настоящего пленума эти настроения будут ликвидированы. В этом смысле мы самые горячие «ликвидаторы». (Шумные аплодисменты.)

Товарищи, все эти теоретические положения могут быть подтверждены с самых различных точек зрения.

Прежде всего, за них говорят фактические данные о ходе развития СССР. Я не буду приводить цифр, так как вы найдете их в моей брошюре и в других статьях и книгах.

Важной косвенной оценкой является тот отклик, который встретила наша оппозиция в буржуазном и социал-демократическом лагере. Это—чрезвычайно важный показатель, который необходимо принять в расчет. Какой же отклик нашли оппозиция и ультра-левые? Я полагаю—очень плохой.

Их осыпали похвалами буржуазия, полубуржуазия, эсеры и меньшевики. Это—факт, факт неоспоримый.

Далее вопрос о союзниках оппозиции. Случайно ли, что в германской партии Рут Фишер находится в том же парламентском списке, что и господин Корш? Отнюдь нет, как и то, что Рут Фишер, Маслов, Урбанс идеологически движутся по направлению к Коршу.

Случайно ли идеология ультра-левой оппозиции в так называемом «русском вопросе» в ряде пунктов соприкасается с такими вульгарными, подлыми контрреволюционными произведениями, как брошюра Каутского? Это вовсе не случайно.

Случайно ли, что так называемые «антимосковские течения» связаны с ориентацией германской буржуазии на Запад? Нет, это не случайность, это оборотная сторона того же вопроса.

С точки зрения нашей внутренней работы в СССР, наша главная задача—до конца бороться против буржуазных элементов нашего хозяйства, бороться со всей силой веры и уверенности, что мы в состоянии преодолеть внутреннюю буржуазию в экономической области. Если кое-кто подходит к этой области скептически, то это—скептицизм социал-демократии. Наша задача в СССР—строительство социализма—может быть осуществлена только при том условии, что мы действительно будем верить в дело, которое мы делаем.

МЫ ДОЛЖНЫ БОРОТЬСЯ ЗА ПОБЕДУ РЕВОЛЮЦИИ И НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭВОЛЮЦИЮ В КИТАЕ

Иная задача у нас в Китае. На прежних конгрессах и заседаниях Исполкома мы обсуждали китайский и восточный вопросы. Но я хотел бы подчеркнуть, как я подчеркивал в тезисах и в письменном докладе, что наша ближайшая перспектива и наша ближайшая задача в Китае—побить империалистического врага. Это—главная задача настоящего момента, это та задана, которая создает предпосылки для дальнейшего строительства. Но мы отнюдь не такие уж грубые эмпирики, чтобы видеть только ближайшие задачи, хотя бы это и были главные задачи настоящего момента. Мы хотим смотреть несколько дальше. Мы должны подчеркнуть, что Коминтерн считает возможным некапиталистическое развитие в Китае, и что эта перспектива собственно и является той перспективой, за которую мы должны бороться в качестве коммунистической партии. Разумеется, это звучит совсем не по-социал-демократически; социал-демократы попытаются нас осмеять, как они пробовали осмеять Октябрьскую революцию и наше социалистическое строительство. Они попытаются нас высмеять и по поводу китайского вопроса. Но мы посмотрим, что скажет будущее. Пока в Китае развитие идет таким путем, что первая половина

нащей задачи—борьба против империалистов—р а з р е ш а е т с я (не разрешилась еще) довольно успешно. Кантонская армия наступает, а народная армия Фына стоит так, что ее взоры направлены на Пекин. При этом в Китае совершается объединение страны под гегемонией революционных сил. Если оно совершится, то это, разумеется, немедленно отразится на всей мировой обстановке. Но что дальше? Каковы наши дальнейшие задачи? Я полагаю, здесь Коминтерн может сказать, что самая о б щ а я перспектива, самая ш и р о к а я перспектива, самая в е л и ч а й ш а я перспектива—осуществить союз между Китаем, СССР и западным пролетариатом, чтобы таким образом сделать возможным некапиталистическое развитие Китая. Это—достаточно большая задача, и, я бы сказал, смелая задача, стоящая перед Коммунистическим Интернационалом, перед коммунистическими партиями. Но мы сознаем наши собственные силы, и мы попытаемся эту задачу решить. Мы эту задачу себе ставим, мы будем бороться за ее разрешение и мы уверены, что мы ее разрешить сумеем.

ЗАПАДНЫЕ КОМПАРТИИ В БОРЬБЕ ЗА МАССЫ

В Америке наша партия довольно мала. Американский капитализм—оплот всей капиталистической системы, самый мощный капитализм в мире. Наши задачи в этой стране пока еще очень скромны. Мы находимся лишь на пути к завоеванию

масс. Лишь эту скромную задачу мы можем поставить себе в данный момент для того, чтобы создать дальнейшие опорные пункты для грядущей борьбы в этой стране.

Иначе обстоит дело в Западной Европе. Лозунг «ближе к массам» и «завоевание масс» остается и впредь в центре нашего внимания. С этой задачей завоевания масс, с задачей борьбы за организацию и руководство классовыми боями этих масс мы являемся осложняющим моментом в развитии капитализма. Даже проблема стабилизации с этой точки зрения представляет собой не что иное, как объект классовой борьбы. Конечно, стабилизация есть объективный процесс капиталистического развития. Но весь процесс его в целом, это—такой процесс, который, на-ряду с целым рядом факторов, включает в себя и такой фактор, как рабочий класс, его способность к мобилизации, к обороне и к нападению. Равнодействующая определяется различными факторами, и отпор рабочего класса будет «осложняющим моментом» в процессе капиталистической стабилизации. Единственная партия, являющаяся этим моментом отпора и борьбы,—коммунистическая партия, и единственная мировая организация, играющая эту роль,—Коммунистический Интернационал.

Здесь несколько слов о западно-европейских вопросах.

Проблема завоевания масс—основная проблема в данный момент. Говорить о борьбе против стабилизации, не имея в руках массовых организаций,—пустой звук. Мы много об этом писали, мы принимали много резолюций, центральные комитеты наших партий и весь Коминтерн осознали всю важность этой проблемы. Но одно—принять решение, и другое—провести его в жизнь. Если мы, например, возьмем такую проблему, как завоевание профсоюзов, то мы должны сказать, что эта задача, всеми нами признанная одной из важнейших задач, осуществлена пока в очень незначительной степени. Профсоюзы являются преимущественно экономическими организациями, хотя, конечно, чисто экономических «нейтральных» организаций не существует. Профсоюзы—важнейшие массовые организации пролетариата. Если наступление капитала в Западной Европе отливается в особую форму, в значительной мере в форму экономического давления, то роль этих массовых организаций еще более возрастает. Но как обстоит дело с работой наших партий в профсоюзах? Каково здесь положение?

Ответ с точки зрения развития коммунистических партий не особенно удовлетворителен. Мы можем перечислить партию за партией, и почти о каждой из них можно сказать, что ее работа в профсоюзах недостаточна.

Если рассмотреть настроения внутри пролета-

риата, то мы можем выдвинуть следующее положение: политическое влияние наших партий растет, широкие массы верят в наши партии, когда речь идет о политических вопросах. Возьмем, например, германскую партию. В кампании против возмещения владетельным домам она играла руководящую роль даже в такой мере, что под влиянием нашей партии даже социал-демократия вынуждена была сделать кое-какие шаги по нашему пути. Но как ведут себя рабочие в случае обычных мелких стачек? Здесь мы видим нечто совсем другое, доверия к коммунистам здесь несравненно меньше.

Что касается темпа развития, то наилучшие успехи достигнуты в английской партии. Правда, английская партия еще и сейчас относительно мала по сравнению с другими партиями. Но темп достигнутых успехов бесспорно хорош. И это имеет место именно потому, что английская партия больше, чем все другие, работала в профсоюзах. Это—одна из величайших заслуг английской партии. Я не говорю здесь об ее ошибках, о них мы поговорим в другом месте. Но этот факт сохраняет свое значение как большая заслуга нашей английской партии.

Все ли нами сделано в профсоюзах и в различных массовых организациях? Вполне ли мы ликвидировали сектантский дух? Расширена ли нами проблема, связанная с левыми социал-демократи-

ческими рабочими? Нет. Порою мы не имеем достаточного доступа к массам и не в состоянии найти к ним настоящий, правильный путь. Эта проблема и задача—работа в массовых организациях, в первую очередь в профсоюзах—по-моему, есть основная проблема, стоящая перед нашими западными партиями. Это необходимо подчеркивать *еще и еще раз*. Быть может, утомительно все снова и снова об этом говорить, все снова это слушать. *Но мы не сможем ни на шаг подвинуться вперед, если мы не бросим всех сил на этот важнейший фронт.*

С этим связан вопрос о самокритике внутри наших партий. Мы уже отметили здесь, что некоторые товарищи так понимают дело, как будто мы здесь занимаемся вопросами «престижа». В письменном докладе многие из товарищей старались отыскать в первую очередь то, что написано о той партии, от которой они делегированы. Это интересует в первую очередь, и при этом эти характеристики оцениваются не с той точки зрения, верны ли они или нет, а с той точки зрения—подвергается ли критике партия данных товарищей вообще. Я думаю, что это, мягко выражаясь, не совсем правильный подход. Чего нам нехватает? Это—*самокритики* внутри наших партий, это—уменья правильно подвести итоги своей работы, увязав практические выводы повседневной борьбы с движением основных колонн мировой революции к победе.

Мы можем говорить прекрасные слова о том, что мы стоим за коммунизм, за китайскую революцию, за мировую революцию, мы можем всячески подчеркивать эти лозунги, и все же мы, скажем в Германии или во Франции, не поможем китайской революции, если мы не будем вести достаточной работы в профсоюзах, среди самых широких рабочих масс. Так связаны все звенья этой цепи. Эта связь очень сложна, но она является непреложным фактом.

ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Как думают некоторые товарищи, наша оценка положения сводится к тому, что сейчас в Центральной Европе для работы компартий нет хорошей перспективы. Это неверно. Я утверждаю, что революция теперь идет по трем главным направлениям: в Китае, Англии и Советской России. Это соответствует фактам. Но это отнюдь не означает, что в Центральной Европе положение для нас неблагоприятно. Несмотря на стабилизацию, положение для наших партий в Центральной Европе гораздо благоприятнее, чем несколько времени назад. Почему?

У нас было три этапа, которые чередовались приблизительно так:

Первый этап был периодом бури и натиска. Коммунисты шли на штурм. Это было время непосред-

ственной революционной ситуации. Социал-демократия играла прямую реакционную роль и с оружием в руках «протестовала» против коммунистических партий, против спартаковцев и т. д.

Начиная с первых шагов стабилизации капитализма, мы имеем новую фазу. Произошла некоторая передвижка сил. Передвижка эта состояла в том, что коммунисты несколько отступили, а социал-демократия пережила некоторый ренессанс, несколько выросла и укрепилась. Это было связано со стабилизацией капитализма.

Теперь, я думаю, у нас новая фаза—фаза, когда процесс стабилизации капитализма все в более яркой форме выявляет свои внутренние противоречия. Отношения между классами обостряются. Это создает для наших партий благоприятное положение. Разве, например, положение в Германии, лежащей в центре Европы, для нас сейчас не благоприятно? Оно благоприятно и с каждым днем становится все более благоприятным. Капитализм наступает. Рабочий класс с каждым днем все больше и больше будет убеждаться в необходимости активной и решительной борьбы.

Сдвиг рабочего класса влево является ярким выражением этого процесса. Первым показателем этого сдвига, началом активного сопротивления рабочих давлению буржуазии была в Германии гамбургская стачка. Конечно, это только первый

шаг. Активизация рабочего класса будет подвигаться вперед, по мере обострения противоречий капиталистической стабилизации. Социал-демократия будет все более и более превращаться в выразительницу все уменьшающихся по количеству и значению слоев рабочей аристократии. Разумеется, обострение классовых противоречий и перегруппировки в рабочем классе являются длительными процессами. Но эти процессы уже и сейчас создают благоприятную почву для развития наших партий.

Я здесь сказал, что стабилизация есть не только объективный процесс, но и объект классовой борьбы. Это положение прежде всего подтверждается английской стачкой, которая—я должен это подчеркнуть—не была достаточно поддержана нашими коммунистическими партиями. Это мы должны признать, чтобы извлечь отсюда некоторые уроки. Английская стачка была и сейчас является гигантской борьбой. По мере развития процесса стабилизации, в Центральной Европе тоже предстоят подобные бои, ибо трудности, стоящие теперь перед капитализмом в Центральной Европе, велики и столкновения с пролетариатом неизбежны. Поэтому задача наших партий—мобилизовать пролетариат и подготовить его к предстоящим боям. Какими методами это можно сделать? Прежде всего путем усерднейшей, упорной работы внутри профсоюзов. Как теперь надо практически поддержи-

вать китайскую революцию или хотя бы СССР? Чем может поддержать авангард революционного пролетариата Запада отряды мировой революции, которые стоят в непосредственном бою? Разумеется, нужно мобилизовать все силы на материальную и моральную поддержку борцов. Но длительно, «всерьез и надолго» этого можно достигнуть именно выполнением той весьма «скромной» задачи, которая выражается в хорошей работе среди масс и в массовых организациях. Только от степени нашего влияния з д е с ь мы можем рассчитывать на мобилизацию широких слоев трудящихся. То же самое скажет вам и каждый китайский рабочий. Если у вас нет достаточно денег, чтобы поддержать английских или китайских рабочих,—работайте хорошо внутри профсоюзов и различных массовых организаций,—этим вы осуществите главную задачу, стоящую теперь в Центральной Европе. И тогда у нас получится такая картина: в Китае идет непосредственная революция, в «России» идет непосредственная революция. (Ибо наша строительная работа не есть дополнение к революции, это—сама революция.) В Англии—первые симптомы величайших потрясений. И о т в а с в Западной Европе будет зависеть, произойдут ли у вас такие потрясения. Это зависит от вашей скромной работы в массах, ибо величайшие события свершаются не как выстрел из пистолета,—они п о д г о т о в л я ю т с я. Мы, в нашей партии, в свое время говорили

об организации революции. Неверно представление старой социал-демократии о том, что революция есть естественно-необходимый процесс и поэтому никто «не в праве» подготовлять эту революцию. Нет, мы должны организовать революцию путем работы в массах и прежде всего путем работы внутри профсоюзов. Укрепление наших партий, завоевание масс под знамя революции—вот что такое организация революции.

Если вы выполните эту задачу, то и в Центральной Европе скоро возникнет «непосредственно-революционная ситуация». Но если вы этой задачи не выполните, западно-европейский пролетариат даже в тягчайшие для капитализма времена не будет в состоянии завоевать политическую власть,—как это было в Италии и как это несколько раз было в Германии.

Но если эта «скромная» задача будет выполнена, то в нашей борьбе, в непосредственной революционной борьбе будет осуществлен величайший союз, когда-либо существовавший в мире: союз восточно-азиатских народов с диктатурой пролетариата в Советском Союзе и с борющимся западно-европейским пролетариатом. Если мы этот союз осуществим, то мы достигнем нашей цели и разрешим нашу основную задачу: коммунизм будет праздновать свою решающую мировую победу. (Шумные аплодисменты.)

III.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

— Товарищи! Дискуссия показала, что в общем и целом у нас под ногами твердая почва. Целый ряд товарищей вносил здесь различного рода добавления, однако в основных принципиальных вопросах прения обнаружили полное идейное единство. Многие из предлагаемых добавлений совершенно правильны и приемлемы. Но если включить все эти добавления в тезисы, последние значительно увеличатся в объеме. Этот вопрос, в первую очередь, надлежит решить политической комиссии; затем она доложит свои соображения пленуму. Я не в состоянии проанализировать здесь все вносимые дополнения; в своем заключительном слове я постараюсь критически осветить только некоторые **основные моменты** дискуссии.

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АМЕРИКОЙ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ ВНУТРИ ЕВРОПЫ

Прежде всего, о международном положении и общей оценке его. Здесь я в первую очередь буду возражать тов. Трэну, хотя ему уже возражали другие.

Первым делом я остановлюсь на артиллерийской подготовке тов. Трэна. Он утверждает, что в проекте тезисов обойден молчанием один из основных вопросов, по мнению тов. Трэна, даже самый основной вопрос, а именно вопрос об отношении между Европой и Америкой. В своей речи он заявлял, что об Америке у меня «почти не упоминается». В моем анализе де «не отводится места чудовищному и самому мощному на земном шаре империализму».

Разумеется, если бы это было так, то мои тезисы никуда бы не годились. Однако в данном случае я должен попросить тов. Трэна о том же, о чем он просил нас—цитировать меня, и притом не искажая. В вводной части моих тезисов вы найдете два положения: первое из них гласит, что экономическая гегемония в мировом хозяйстве принадлежит Соединенным Штатам. Разве это пустяк? Разве это означает, что я говорю об Америке «sous silence».

Я не считаю, что это так. Если тов. Трэн так это воспринимает,—значит у него способность к восприятию совершенно своеобразная.

Затем в моих тезисах имеется второй абзац о «совершенно исключительной» роли американского капитала. Неужели констатирование этого факта тоже ни о чем не говорит? Конечно, это не так.

Еще третье замечание более или менее фор-

мального характера. Тов. Трэн выступал после моего устного доклада. Я в своем докладе говорил о наличии «двух полюсов» в мировом положении: один из этих полюсов—Америка, другой—СССР. Я говорил о двух «союзах» («Unionen»). Это слыхали все товарищи. А после всего этого тов. Трэн решается утверждать, что я вопрос об Америке почти обошел молчанием. Он говорит об этих двух полюсах, точно он впервые эти «полюсы» открыл. Это,—выражаясь мягко,—«не соответствует действительности».

Теперь по существу вопроса—о конкретном содержании речи тов. Трэна. Тов. Трэн полон—как бы это выразиться—«интеллектуального порыва» (èlan). (Возглас с места: «èlan vital!»).

И вот он весьма «порывисто» преувеличивает реальные жизненные тенденции: он любит слово «чудовищный» и тому подобные энергичные выражения. Мне пришлось внимательно перечесть все речи, и потому я могу его процитировать. Вот некоторые из основных его положений:

«Объективно имеется огромная основа для построения капиталистической европейской солидарности в противовес Соединенным Штатам».

В связи с этим тов. Трэн утверждает, что противоречия внутри Западной Европы отступают на задний план перед лицом основного противоречия между Америкой и Европой. В известной степени тов. Трэн прав, выдвигая это проти-

воречие на первый план. Здесь, как и в любой ошибке, есть свое зерно истины. В чем же заключается, в сущности говоря, ошибка тов. Трэна? Надо в этом хорошенько разобраться, чтобы обеспечить себя от повторения тов. Трэном на ближайшем расширенном пленуме того, что он твердит нам уже целые полгода.

Я усматриваю две основных ошибки в анализе тов. Трэна. Одна из них состоит в том, что намечающуюся тенденцию Трэн возводит в совершившийся уже факт; другая его ошибка—в отождествлении понятия «крупное противоречие» с понятием «острое противоречие». Когда речь идет о противоречиях между империалистическими державами, то эти понятия надо различать, и я покажу вам это на двух примерах.

Возьмем оккупацию Рура французским империализмом. Разве основным—в смысле объема—не было и тогда противоречие между Америкой и Европой? Разумеется, было. Однако Америка не воевала с Европой, и, обратно, Европа не воевала с Америкой. Что же касается франко-германского противоречия, то оно привело к оккупации Рура. Противоречие между Францией и Германией носило более острый характер, крупнее же было противоречие между Америкой и Европой. Объем и острота—не одно и то же. А вот и еще один пример, способствующий уяснению моей мысли. Возьмем для примера величайшее в мире противо-

речие—между капиталистическими государствами и СССР. Что крупнее: внутреннее противоречие между капиталистическими странами или противоречие между капиталистическими странами и СССР? В конечном счете, в последней инстанции, то или иное разрешение именно *этого последнего противоречия* обеспечит победу капитализма или социализма. Оккупация Рура была продолжением или возобновлением войны против Германии; а с СССР ни Франция, ни другие европейские государства в ту пору войны не вели. Таким образом, глубина и объем противоречия, это—одно, а степень остроты его есть нечто совершенно иное. Два эти понятия не покрывают друг друга. Крупица же истины в анализе, данном тов. Трэном, заключается в понимании им того факта, что противоречие между Америкой и Европой в мировом масштабе, в рамках мирового хозяйства, приняло подлинно гигантские размеры. Но он спутывает *этот* вопрос с другим; ибо он смешивает *объем* противоречия со степенью его *остроты*, он два эти понятия отождествляет, и в этом коренная ошибка всего его анализа. Я повторяю: Рур *был* оккупирован, а войны против СССР или войны между Европой и Америкой *не* возникало... И вот я вас спрашиваю: разве в ближайшее время не может создаться такая ситуация, когда вспыхнет, скажем, война между Италией и Францией или между Францией и Англией?

Так надо ставить вопрос. Тов. Трэн ставит вопрос совершенно иначе. По его мнению, такая перспектива исключается. Противоречие между Америкой и пан-Европой заслоняет в его глазах все иное, в этом свете для него все кошки кажутся серыми, других оттенков он не замечает. Но политик-практик так ставить вопроса не может. В данном случае теоретическая ошибка переходит в практическую, порождая очень крупную политическую ошибку. Ибо в настоящее время налицо очень острое противоречие как раз между европейскими государствами. Всем нам известно, что как раз теперь в Италии господствует весьма воинственное настроение. Во Франции даже некоторые комячейки выносят резолюции в пользу войны с правительством Муссолини. Это, конечно, равносильно поддержке французского правительства. Это, конечно, должно быть решительно осуждено, но, бесспорно, это—отклик воинственных настроений, имеющихся в так называемом «общественном мнении». Разве этот вопрос не достиг известной остроты?

Тов. Трэн—член французской партии, а французская партия вместе с итальянской выпустила специальное воззвание, заостренное против опасности франко-итальянской войны. Почему же эти партии, да и другие европейские партии не выпустили воззвания против войны между Америкой и пан-Европой? Почему тов. Трэн не пред-

ложил тотчас же воззвания против якобы непосредственно грозящей нам войны между Америкой и пан-Европой? Не потому ли, между прочим, что до сих пор и пан-Европы-то не существует? Пан-Европа существует лишь пока что в воображении тов. Трэна, войны между ней и Америкой тоже еще нет. Воевать ведь очень трудно, если нет налицо одного из двух объектов войны. Тов. Трэн усматривает наиболее острую угрозу в противоречии между Америкой и Европой. Я, разумеется, отнюдь не хочу сказать, что в случае возникновения войны между Америкой и Европой эта война не будет гораздо «хуже», крупнее и гибельнее возможной войны между, скажем, Италией и Францией (приводим этот случай лишь как пример). Но это вопрос иной, вопрос об объеме, о глубине всех последствий возможных в будущем войн, а не вопрос об актуальных, ближайших военных перспективах и опасностях.

Вывод из вышесказанного таков: по-моему, в ближайшем будущем возможна война между европейскими государствами, и лишь позднее может вспыхнуть война между Европой и Америкой. Перспектива внутриевропейской войны ближе перспективы войны между Европой и Америкой. (Возглас с места: «Перспектива внутриевропейской войны!»).

Повторяю еще раз: перспектива войны между европейскими державами или между европейскими

державами и СССР ближе, чем перспектива войны всей Европы с Америкой или Америки со всей Европой.

О „ПАН-ЕВРОПЕ“ И „УЛЬТРА-ИМПЕРИАЛИЗМЕ“.

Такова общая постановка вопроса. Теперь я перейду к вопросу о пан-Европе, как таковой. Возможна ли пан-Европа, т. е. объединение империалистических держав Европы в союз того или иного типа, вообще? На мой взгляд, в известном смысле возможна,—я еще коснусь этого ниже. Но наша задача состоит отнюдь не в общей постановке вопроса, а в анализе конкретной ситуации. Для нас вопрос стоит так: возможно ли в ближайшем будущем такое объединение европейских капиталистических держав, или же оно невозможно? Вопрос этот надо ставить совершенно конкретно, и на него, в такой постановке, мы должны дать отрицательный ответ. Тов. Трэн ссылается на цитату из Ленина. Этот обычай вообще у нас в ходу. Ни в пан-Европе, ни в Америке не сыскать человека, который бы не ссылался на какую-нибудь цитату из Ленина. Но ведь всякому, кто читал статью Ленина о Соединенных Штатах Европы, ясно, о чем там идет речь. Ленин говорит о возможности объединения европейских империалистов в качестве временной комбинации, в первую голову хотя бы комбинации, направленной против социалистической революции.

Спрашивается: в случае войны с СССР возможно ли такое объединение европейских капиталистических держав? На мой взгляд—возможно. Аналогичные явления бывали и раньше. Взять хотя бы так называемую европейскую экспедицию в Китай, экспедицию во главе с вильгельмовскими генералами. Этот поход предпринимали сообща европейские «цивилизаторы» против китайских «варваров-боксеров». Возможно ли в ближайшем будущем дружное выступление «цивилизованных» правительств против большевистских «Атилл»? Возможно. Но вопрос не только в этом. Тов. Трэн ставит вопрос не в плоскость временных объединений против СССР, он ставит во всем объеме проблему пан-европейского объединения, т.-е. образования всеевропейской коалиции государств и их хозяйственного объединения, что проповедуется пророками пан-европейской «идеи». На мой взгляд, в теперешних условиях такая коалиция невозможна. «Вообще говоря», она «чисто экономически» возможна. В случае войны между различными европейскими империалистическими державами в этой войне будут свои победители. Весьма возможно, что эти победители кое-какие государства проглотят, что установится ярко выраженная гегемония держав-победительниц. Если допустить ряд войн и централизацию держав через них и ряд соглашений, то дело в конце концов пришло бы к «пан-Европе». Но все это было бы возможно при отсутствии такой

«предпосылочки», как революционный рабочий класс, его восстания и т. д. Весь процесс был бы аналогичен тому процессу, который происходит при реорганизации промышленности, когда крупные организации проглатывают более мелкие. Но такая постановка вопроса, в особенности в наше время, после первой империалистической войны, была бы в корне ошибочной. Еще две-три войны, и капиталистические державы наверняка не смогут существовать. Поэтому реально пан-европейская перспектива невозможна. Ибо гораздо раньше, чем пан-Европу, мы получили бы победу пролетариата. Война потребовала бы страшных жертв от пролетариата, а политический уровень его в наши дни уже не совсем тот, что в 1914 году. Это одна из серьезных причин того, почему буржуазия нелегко идет на войну. Ведь после первой империалистической войны у нас уже имеется СССР. После второй империалистической войны возникло бы еще нечто большее. Но противоречия между капиталистическими державами столь глубоки, что войны все-таки будут.

Тов. Трэн подобрал очень много материала. Он приводит нам и газетные статьи руководящих политиков, и мнения банкиров, государственных мужей, создающих «общественное мнение» интеллигентов и пр. Но почему же он не проанализировал совершенно конкретных «планов», которые в настоящее время усиленно выдвигаются

вперед? Взять хотя бы планы венского пан-европейского конгресса. Почему выдвигает он такой план, где из пан-Европы исключена Англия? Почему Италия—противник Лиги наций? Почему Лига наций так ослабела? Почему распадается «Большая Антанта»? И т. д., и т. д. Это следовало бы подчеркнуть. Тов. Трэн заявляет, что у европейских капиталистов имеется сильная организующая идея, которая неуклонно развивается. Никто не станет отрицать наличия соответствующей тенденции. Но существует и нечто другое: существует контр-тенденция, противоречия, которых тов. Трэн не хочет видеть. Тов. Трэн согласен с нами, что стабилизация относительна, но он придает совершенно иной характер и этой стабилизации, раз он упускает из виду противоречия. Что служило самым «ярким» проявлением этой «организующей», «конструктивной» и т. п. идеи? Лига наций. Поэтому столько трубила об этом социал-демократия всех стран. На Лигу наций возлагали надежды. Но ведь именно теперь эти надежды теряют свой, хотя бы и относительный, базис. Следовало проанализировать этот факт или нет? По моему, следовало.

Тов. Трэн полемизировал против моего вывода об особой неустойчивости современных междугосударственных группировок. Тов. Трэн считает это трюизмом, который излишне доказывать (хотя этот «трюизм» в корне противоречит концепции самого тов. Трэна).

Но возьмем хотя бы самый последний факт: соглашение между Германией и Францией в Туари. Теперь уже всюду в прессе трубят о том, что дело обстоит совсем не так гладко. Я в своих тезисах указываю, что франко-германское объединение, это—та ось, вокруг которой происходит крупная перегруппировка сил, но добавляю, что такие объединения носят довольно относительный характер. В самое последнее время факты доказали правильность нашего анализа, констатировавшего непрочность этих перегруппировок. Почему же упускает все это из виду тов. Трэн?

Кстати, еще одно замечание. Тов. Трэн, полемизируя со мною по вопросу о взаимоотношениях между Европой и Америкой, заявляет: фордизм, это—не только рационализация, но и высокая зарплата и другие хорошие вещи. Но это сильно преувеличено. Факты говорят иное. В Америке вот уже целых два года как зарплата не повышается, а это именно были годы повышенной американской рационализации. Все трубят о политике высокой зарплаты в Америке. Но высокий уровень американской зарплаты есть результат всего предшествующего исторического развития. В Америке феодализма почти не было; развитие Америки в корне отличалось от развития других стран. Соотношение предложения и спроса рабочей силы на рынке труда там складывалось по-другому, чем в Европе. Высокая зарплата продиктована именно

этим, необходимостью, а отнюдь не добродетелью американского капитализма. Это раз. И во-вторых, разве при анализе подобных вещей можно обходить молчанием интенсивность труда в Америке, по сравнению с Европой несравненно большую? Разве можно умалчивать о том, что рабочие в Америке изнашиваются гораздо скорее, чем у нас в Европе? При этом «полном» «использовании» рабочей силы там отнюдь не проводится политика повышения зарплаты и понижения цен. Все разглагольствования сторонников американизации, имеющие целью внушить рабочему, что дело обстоит прекрасно в Америке, умалчивают об этих обстоятельствах. И тов. Трэн тоже обходит это полным молчанием.

«Пан-европейская» проблема стоит в связи с вопросом об ультра-империализме. Этот вопрос надо поставить в такую плоскость: возможно ли образование мирового треста всех капиталистических государств или нет? Я еще раз повторяю здесь то, что я уже отчасти говорил о пан-Европе. «Вообще говоря», если отвлечься от такого фактора, как пролетариат, то образование такого треста в конце концов было бы возможно. Часть государств поглотит другие. Америка, пожалуй, одержит победу над некоторыми другими государствами, иные государства заключат между собой союзы и пр. Если заглянуть вперед на 100 лет, сбросив при этом со счетов такой фактор, как пролетариат,

то это в конце концов совершится. Такая централизация капитала в рамках мирового хозяйства станет фактом.

Но такая «общая» постановка вопроса грешит «только» одним: в ней не отводится места рабочему классу и пролетарской революции. Эта концепция страдает «только» этим недостатком.

Процесс развития чрезвычайно противоречив: он сулит целый ряд гигантских кризисов. В этих условиях, будучи марксистом, никак нельзя сбрасывать со счетов такой фактор, как пролетариат. Объективно говоря, даже европейская война привела бы к крупным пролетарским революциям, изменила бы все мировое положение, и в результате ее диктатура пролетариата имелась бы не только в СССР. Поэтому никакой ультраимпериализм невозможен, хотя бы и через сто лет. Поэтому организацию мирового хозяйства может привести с собой только диктатура пролетариата, только она одна. Тов. Трэн не замечает ни этого, ни других противоречий. Он не видит, что Европа чревата внутренними войнами, для него противоречие между Европой и Америкой закрыло все остальное. Я отнюдь не противник более подробного освещения вопроса об Америке, хотя бы и в тезисах. Но в таком случае мы должны будем несколько подробнее остановиться и на внутриевропейских противоречиях и включить

в тезисы и другие добавления, например добавление тов. Коларова о противоречиях на Балканах, или развить тему о противоречиях на Средиземном море и т. д.

Этим я ограничусь в своей полемике против тов. Трэна. Должен добавить, что вообще речь тов. Трэна произвела на меня хорошее впечатление: он над всеми этими проблемами задумывается, хотя и разрешает их неправильно. Но в наши дни и это— добродетель.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА.

Теперь перехожу к характеристике нынешнего кризиса. В чем основное различие оценки нынешнего кризиса капитализма между нами и социал-демократией? Различие это, на мой взгляд, в том, что социал-демократия склонна изображать этот кризис как *нормальный* «кризис перепроизводства». Мы же подчеркиваем, что сильнейшую роль в этих кризисах и потрясениях играют гибельные последствия войны и послевоенного периода. В этом—основное наше различие. Разве это значит отрицать факт роста производственного аппарата? По-моему, нет. Отрицать расширение производственного аппарата было бы ошибкой. Это—*факт*. В нашей среде имеются различные оттенки касательно количественной оценки роста производственного ап-

парата. По-моему, нельзя считать социал-демократами или каутскианцами товарищей только потому, что они несколько переоценивают положение. Это не годится. В деле оценки роста производственного аппарата могут иметь место различные оттенки. Я уже упоминал об этом в моем письменном докладе. Теперь я хотел бы обратить внимание товарищей на следующую проблему.

Мы говорим о производственном аппарате. Но что такое «производственный аппарат»? Быть может, некоторым товарищам этот вопрос кажется смешным, но угол зрения, под которым мы рассматриваем производственный аппарат, имеет большое значение. О производственном аппарате можно говорить с точки зрения *ценностных* оценок,— конкретно, с точки зрения денежной; можно брать баланс различных предприятий, смотреть графу, исчисляющую амортизацию, смотреть графу, говорящую о новых капитальных вложениях, и на основании этого делать вывод о производственном аппарате. Здесь будет итти речь о *ценности* производственного аппарата.

Совершенно иное дело—оценка производственного аппарата с точки зрения *вещей*, с точки зрения *количества* машин, веретен и пр.

И наконец, *третья* постановка вопроса заключается в подходе к производственному аппарату с точки зрения его *производственной мощности*.

Эти подходы не тождественны. Надо иметь в виду эти различия, так как некоторые отождествляют повышение индекса производственной мощности аппарата с усиленным накоплением, т.-е. с увеличением суммы наличных ценностей. Это—неправильно. Неправильно также было бы смешивать количество машин, различных орудий и других вещей с производственной мощностью. При наличии крупных технических изменений количество машин и орудий может даже уменьшаться, а производственная мощность значительно возрастать.

При этом противоречие между производственной мощностью и данной покупательной силой может значительно увеличиться. Таким образом, вопрос о производственном аппарате разрешается совсем не так легко, как это кажется с первого взгляда. Я думаю, что эта сложность вносит путаницу в постановку вопроса потому, что оперирует только понятием «производственный аппарат». Вопрос о том, под каким углом зрения мы оцениваем этот аппарат, обходится молчанием.

Между тем при объяснении кризисов надо иметь в виду, что крупную роль в росте противоречия между производством и платежеспособным спросом играют разного рода технические усовершенствования, так как аппарат в смысле его количественного объема и стоимости может

расти не так быстро, как его производственная мощность.

Отметить это необходимо.

Второе мое замечание касается спора, имевшего здесь место. Говоря о производственном аппарате и производительных силах, тов. Ломинадзе ставил вопрос так: машины, которые «не работают», не могут расцениваться как производительные силы, и пр. Зерно правды в этом есть, но половина правды равносильна неправде. Марксом дан анализ таких случаев. Чем оперирует тов. Ломинадзе в своей постановке вопроса? Он приравнивает один случай, когда машин вообще нет, и другой,—когда они есть, но не работают. Всякому понятно, что это—различного рода вещи. Никто не может сказать, что все равно—иметь ли у себя на руках машину, хотя бы и не работающую, или вообще не иметь никакой. Ведь в последнем случае я должен машину изготовить или купить, а для этого мне нужны деньги. В другом же случае мне денег не нужно. Этой маленькой разницы не следует забывать. При этом спрашивается: как при своей постановке вопроса тов. Ломинадзе формулировал бы главную проблему, проблему противоречия между производительными силами и потребительской способностью? На его взгляд тут нет никакого противоречия. Поскольку машины стоят, а не работают, никакого противоречия между неработающими машинами и покупательной способностью нет.

А поскольку он вообще всякую неработающую машину считает как бы несуществующей, постольку он одним махом ставит на-смарку нашу главнейшую постановку вопроса. Если послушать его, то выходит, что такой ситуации, когда между производительной мощностью и покупательной способностью населения создалось бы противоречие, вообще не может быть. Вот «последствия рационализации» у тов. Ломинадзе!

На мой взгляд, в его концепции имеется крупица, частица истины: «работающая» машина не одно и то же, что машина бездействующая. Но строить на основании этого такие выводы, как тов. Ломинадзе, значит впадать в своего рода «уклон», «левый», «центральный» или «правый»,—я уж не знаю.

Я считаю правильным положение, гласящее, что капитализм в наши дни уже не играет прогрессивной роли, и когда в той или иной нашей комиссии пленума кто-либо из южно-американских товарищей пробует говорить о прогрессивной роли капитализма в какой-нибудь колониальной области, я этого мнения не разделяю. Я считаю, что в наши дни не следует говорить о прогрессивной роли капитализма как системы, потому что центр тяжести сейчас в борьбе между капитализмом и социализмом. У нас уже имеется социалистическое государство. Создается совершенно новое положение, при котором коммунисты или коммунистические организации борются против капиталистов и

капитализма за влияние на еще не втянутые в орбиту капитализма или слабо втянутые области. Возьмите, например, Китай и постановку вопроса о перспективах его развития. В такой обстановке говорить о прогрессивной роли капитализма вообще, и тем более в колониальных областях, недопустимо. Сейчас уже существует соперничество между социалистическим и капиталистическим способом производства. Раньше существовало соперничество между феодализмом и капиталистическим способом производства. Теперь соперничают, главным образом, социалистическое и капиталистическое производство. Однако совершенно неправильно утверждение, будто капитализм неспособен ни на какие технические улучшения. Нелепо утверждать, что техническое улучшение машин невозможно, потому что они обслуживают загнивающий капитализм. Подобное утверждение абсурдно. Надо различать между мировой исторической ролью капитализма и оценкой некоторых технических моментов. Конечно, капитализм еще может проводить технические улучшения. В этом вопросе ошибку делает и тов. Троцкий, говоря, что если капитализм в общем и целом загнивает, то он *абсолютно* не в состоянии развивать производительные силы. Так нельзя ставить вопроса. Но техническое усовершенствование машин и методов организации производства еще не дает права говорить о прогрессивной роли капитализма.

О СТАБИЛИЗАЦИИ И ОБ ОШИБКАХ ТОВ. РИЗЕ.

Перехожу теперь к вопросу о стабилизации. Здесь я в первую очередь должен констатировать— и все товарищи согласны со мною,—что при нынешних условиях, на теперешнем этапе нашей работы, при постановке вопроса о стабилизации его надо расчленять и дифференцировать. Конечно, на основе этого расчленения необходимо затем делать и общие заключительные выводы.

Еще пару слов о выступлении тов. Биттеля и тов. Ризе. Полагаю, ни тот, ни другой не будут сердиться на то, что я ставлю их рядом: это я делаю только из желания сберечь время, а вовсе не в силу «родства» их позиций. Такого «родства», конечно, нет.

Тов. Биттель заявлял, что кое-какие из приведенных мною цифровых данных неправильны, в частности данные о мировой торговле. Отсюда он делает определенные выводы. Что касается цифровых данных, то должен заметить, что они вообще довольно неточны. Тов. Варга может вам это подтвердить. Трудности здесь возникают хотя бы из того, что приходится приводить многообразные валюты к одному знаменателю, что исключительно сложно.

Данные, почерпнутые из различных источников, расходятся друг с другом. Берешь один источник— одни цифры, берешь другой—другие. Это дало основание тов. Биттелю утверждать, что цифровые данные, приведенные нами, ошибочны. Но допу-

стим, что приводимые мною цифровые данные неправильны в той мере, в какой это отмечает тов. Биттель. Я иду на эту уступку, но все же полагаю, что это отнюдь не служит опровержением моих тезисов; цифры могут быть преуменьшены, но бесспорно одно: кривая развития за последние годы идет вверх. Вы это можете констатировать, ознакомившись с любым источником. А это играет решающую роль. В деле количественной оценки этих цифровых данных мы можем ошибаться, некоторые ошибки весьма вероятны, но восходящее движение кривой оспаривать не приходится, а это как раз имеет решающее значение.

Теперь по поводу замечаний тов. Ризе. Он хочет «соблюсти принципы», и «принципиальность» его доходит до того, что он начисто отрицает стабилизацию. Он думает, что стабилизацию «выдумали» правые уклонисты, что ее измыслили правые в Германии. Допустим, что это так. Но тогда с какой же стати побрел Бриан к Штреземану, если стабилизация есть сплошное измышление? Неужто кабинет Французской республики есть инстанция, подчиненная хотя бы «правым» коммунистам? Я этого не думаю. «Они» не настолько сильны, чтобы диктовать свою волю капиталистическим державам. Откуда взялись такие факты, как стальной картель и пр.? При вашей постановке вопроса вы не можете всего этого объяснить. У вас все остается по-старому, а между тем все меняется. Перегруппи-

ровка различных государств имеет материальную подоплеку. Нельзя оспаривать, что Германия в настоящее время играет среди европейских государств, в так наз. «концерте европейских держав», более значительную роль, чем это было прежде. Разве можно это отрицать? Поскольку же это факт,— а это, несомненно, факт,—надо выяснить, какая под ним имеется экономическая основа. Если бы экономическая основа оставалась прежней, откуда же в таком случае столь крупные перегруппировки среди государств? Разве можно все это просто отрицать: технические перемены, трестирование производства, стабилизацию валюты и пр. и пр.? Не будь всего этого, мы бы в Германии имели непосредственно-революционную ситуацию. Между тем в Германии, к сожалению, такой ситуации нет. Мы бы энергично и громогласно ее приветствовали, но, к сожалению, эта ситуация существует пока примерно в той же мере, как и пан-Европа тов. Трэна. Бывший «товарищ» Маслов говорит, что революционная перспектива для Германии исключена на целые десятилетия. Мы его взгляда не разделяем, но удивительно, что близкий к группе Маслова тов. Ризе ни единым словом не обмолвился об этих взглядах. Быть может, исключенный из партии за свое некоммунистическое «мудрствование» и свою «практику» «вождь» действительно изрек великую истину, сказав, что революция исключена на целые десятилетия? Мы хотим слышать

из уст тов. Ризе, разделяет ли он эту перспективу или нет. Если он ее не разделяет, надо было об этом сказать. При постановке этих вопросов нельзя молчать. Когда о них ничего не говорят, то получается все, что угодно, но отнюдь не принципиальная дискуссия.

В своей речи на партконференции я указывал, что мировая революция шествует тремя колоннами: в Советском Союзе в одной обстановке, в обстановке победившей диктатуры пролетариата, в Китае и в Англии. Это отнюдь не значит, что Центральная Европа не чревата революцией. Она ею чревата, чревата ею и Германия, и это неразрывно связано с ростом противоречий на фоне относительной стабилизации.

Таковы основные черты современного положения, и ими объясняются как крупные изменения на международной арене, так и во внутреннем соотношении классовых сил и, в частности, в рядах самого пролетариата. При постановке же вопроса тов. Ризе все эти основные моменты не находят себе ровно никакого объяснения.

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ.

Теперь перехожу к другой проблеме, к проблеме рационализации. Прежде всего я заявляю: «нейтральной» рационализации не су-

ществует. Рационализация—конкретный процесс в совершенно определенных условиях: либо в условиях капиталистической системы, либо в условиях системы социалистической, либо какой-нибудь смешанной системы. Но рационализация *вне условий* рационализации, как нечто нейтральное, не существует вообще, точно так же, как, например, технические усовершенствования (я говорю пока только об этой стороне вопроса) всегда производятся в той или иной социальной среде, а не в безвоздушном пространстве. Никогда машины не применялись вне всяких условий: их применяют либо в капиталистических, либо в социалистических условиях. Машина—техническая основа *социальной организации*, а без людей машина функционировать не может, она может лишь праздно стоять, как мертвая вещь. Если, например, тов. Ризе забросит какую-нибудь машину на луну, то она будет там лежать не как машина, а как любое другое физическое тело. Машина функционирует только тогда, когда она включена в какую-нибудь социальную организацию.

Теперь, прежде всего, о различных технических усовершенствованиях. Об этом я должен поговорить несколько подробнее. Тов. Шиллер привел цитату из Маркса о том, что надо различать между машиной при капиталистических условиях и машиной при социалистических условиях. Разумеется, Маркс был совершенно прав, и поскольку тов. Шил-

лер повторял сказанное Марксом, он тоже был совершенно прав. Но говорили ли коммунисты или большевики когда-нибудь о том, что они отрицательно относятся к введению машин? Нет. Никогда они ничего подобного не писали. А писали ли они, что стоят за капиталистические технические усовершенствования? Опять-таки никогда. Были такие течения, но они носили буржуазный характер, они из прогрессивной роли капитализма выводили политику поддержки капиталистов, политику заботы о капиталистическом «прогрессе». Это была не революционная, а как раз напротив—буржуазная точка зрения. Мы не можем стоять за введение машин в условиях капитализма, как не можем быть и против. В речи тов. Жакмотта есть некоторая лазейка для возможного вывода о необходимости поддерживать введение машин и т. п., хотя он говорил о прошлых стадиях капитализма. Но в условиях капитализма мы никоим образом не могли и раньше, не можем и теперь этого делать. Мы никогда не должны занимать положительной позиции в этом вопросе. Это—забота капиталистов, а не рабочих. Хозяйство капитализма было «лучше» феодальной системы. Но это не довод за то, чтобы становиться защитником капитализма. Русские народники говорили нам, марксистам, что мы неизбежно должны играть такую роль. Мы же, напротив, всегда говорили, что различные усо-

вершенствования, прогрессивные хозяйственные формы и т. п.,—все это не наша забота, нас, пролетарских революционеров, это не касается. Наша задача заключается в том, чтобы организовать, сплотить рабочий класс для свержения всего капиталистического порядка. Такова была наша позиция и в прежние времена. И в прежние годы мы стояли на точке зрения необходимости переворота, и этой основной цели подчиняли все другие. Поэтому наша линия вполне ясна: развитие капитализма есть дело капиталистов. Наша задача—организация пролетариата и использование всех трудностей, которые перед капиталистами стоят, в целях борьбы с ними. Так мы ставим вопрос. Нам могут возразить, что так было во времена старого капитализма, в то время как теперь—эпоха упадка капитализма. В ответ на это могу сослаться на Ленина. Он писал в 1916 году, что мы не можем бороться против машины. Аргумент «от упадка» капитализма поэтому в данной связи неуместен. Могут сказать, что в наше время введение машин имеет особенно острые последствия, которых не было прежде.

Но это не соответствует истине. В эпоху раннего капитализма, когда машины только вводились, они совершенно разоряли большие слои населения. Гауптмановские ткачи—литературная иллюстрация к этому процессу. Если бы мы в нашей пропа-

ганде защищали такой тезис, что теперь мы имеем более острые последствия, то это было бы прикрашиванием всей истории капитализма.

С другой стороны, конечно, есть большая разница между *теперешним* процессом рационализации и прежним положением вещей. Но разница здесь не в том, что имеется что-либо принципиально новое: почти все составные части процесса были и прежде: введение новых машин, конвейерная система, тэйлоризм, интенсификация труда,—все это было, и ничего *принципиально* нового теперь не вводится. Ново то, что все эти методы применяются при *особых условиях*, при особом положении *самого капитализма*, при особых условиях *классовой борьбы*. *Новое*, это—социальная среда, конкретное положение капитализма и классов. И то обстоятельство, что теперь речь идет о непосредственной борьбе против капитализма, что налицо огромная масса безработных, что идет наступление капитала, прикрываемое лозунгом рационализации,—все это также представляет собою нечто новое, вытекающее из специфического положения капитализма, из действтиельно существующей, конкретной борьбы социальных сил. В таких условиях необходимо ставить вопрос следующим образом: *как формулировать наши задачи и наши лозунги, чтобы вернее привлечь к нам массы?* Это — *решающее*, все остальное — абсолютно

второстепенно. Главная наша линия—завоевание масс, и эта общая директива сохраняет свою силу и в отношении различных частичных лозунгов. С этой точки зрения следует, прежде всего, оценивать данный вопрос.

В общем и целом можно отметить две стороны единого процесса рационализации (я подчеркиваю—единого процесса рационализации):

1) техническая и организационная сторона, имеющая и экономические последствия;

2) социальная сторона.

Это две стороны одного и того же процесса.

Техническая и технико-организационная сторона выражается в применении тех или иных изобретений, машин, аппаратов, в новых методах (я не говорю о том, хороши ли они или нет) организации труда, в новых отношениях между рабочими и вообще между людьми, участвующими в производственном процессе. Все это составляет техническую и технико-организационную сторону.

Но есть и социальная сторона, которая на деле, в жизни, сливается в один комплекс с технико-организационной стороной. Социальная сторона заключается в повышении интенсивности труда, в увеличении доли прибавочной стоимости (т.-е. в усилении эксплоатации рабочего класса), в увольнениях рабочих, в изменившейся пропорции между числом работающих и безработных и тому подобных вещах.

То обстоятельство, что все это—стороны единого процесса, не дает нам права не делать различия между машинами и живыми людьми, между технико-организационной и социальной стороной рационализации.

Я ставлю вопрос так: в чем центр тяжести в этом вопросе для коммунистической партии, для этой основной революционной силы капиталистического общества? По-моему, центр тяжести заключается в социальной стороне процесса. Тов. Фиала сказал в своей речи, что моя постановка вопроса была бы правильна для социалистического государства. Как раз наоборот. В социалистическом советском государстве центр тяжести заключается в технико-организационной стороне. Мы боремся за рационализацию в техническом смысле, мы вводим различные усовершенствования и таким образом поднимаем положение рабочего класса. У нас в основном нет противоречия между технической стороной рационализации и положением рабочего класса. У нас рационализация для рабочих, а не для прибыли капиталистов, для повышения жизненного уровня масс. В капиталистических государствах центр тяжести для коммунистических партий заключается в социальной стороне вопроса. Тов. Фиала был совершенно неправ, он поставил вопрос на голову, а я хотел бы поставить его на ноги. Если все согласны с тем, что центр тя-

жести в капиталистических странах заключается в *социальной* стороне вопроса, то я поставил бы дальнейший вопрос: *не должен ли этот основной факт найти свое выражение в формулировке соответствующих лозунгов?* Конечно, *должен*. Если мы видим центр тяжести в социальной, а не технико-организационной стороне вопроса, то это обстоятельство должно в той или иной форме отразиться и в наших *лозунгах*.

Теперь перехожу к стратегии социал-демократии. Какова социал-демократическая точка зрения, какова цель социал-демократии? Взгляды социал-демократов сводятся к следующему: они стоят и за стабилизацию капитализма, они целиком стоят *за* капиталистическую рационализацию, за превращение органов рабочего движения в *подсобные органы всего капиталистического хозяйственного аппарата* (под лозунгом «хозяйственной демократии»). Такова стратегия социал-демократии, такова ее точка зрения в этом вопросе. На чем *спекулирует* социал-демократия? Ее расчеты отнюдь не глупы: она говорит: у нас не варвары,—русские рабочие, а социал-демократические рабочие, технически квалифицированные, понимающие толк в технике, привыкшие ценить новые машины, хорошие инструменты и т. д. Центр тяжести у социал-демократии с ее лозунгом общего признания рационализации за-

ключается в том, чтобы использовать рабочую силу пролетариата как подсобную силу рационализации, подчеркнув и выпятив в этой последней ее технико-организационную сторону. Это означает: в фабзавкомах, профсоюзах и т. д. они так ставят вопрос, что в центре внимания рабочих оказываются технические нововведения, лучшая организация и т. д. Таким путем можно прекрасно дурачить людей. Это и делается: рабочим рассказывают, что вы, мол, теперь еще должны мириться с временными увольнениями, но через несколько времени вы опять получите работу, и т. д.

Для нас было бы опасно, если бы мы в фабзавкомах и аналогичных органах вели дискуссию в *этой*, технико-организационной, плоскости, в то время как социал-демократия под лозунгом «хозяйственной демократии» будет использовать именно эту техническую сторону. Мы должны остерегаться, чтобы *не попасть* в эту ловушку. Мы должны снова и снова подчеркивать другую, *социальную*, сторону вопроса. Если хотя бы двое рабочих *ради барышей капиталистов* из предприятия уволены, то мы должны протестовать; если интенсивность труда повышается без соответствующего повышения зарплаты, то мы должны заявить, что относимся к этому отрицательно; если положение рабочего ухудшается, мы должны против этого бороться. Словом, мы должны сосредоточивать все наше внимание на социальной сто-

роне вопроса, но не на технических вопросах. Последнее было бы очень благоприятно не для нас, а для социал-демократии, добивающейся «хозяйственной демократии» внутри капиталистической системы, т.-е. заботящейся о своей роли оплота капиталистического порядка. Так я ставил вопрос. Я могу только признать, что формулировка «борьба против последствий рационализации» могла бы быть неправильно истолкована, именно в том смысле, что налицо есть два процесса: с одной стороны, рационализация «сама по себе», а с другой стороны, через определенный промежуток времени,—ее социальные последствия. Я особо обсуждал этот вопрос с германскими руководящими товарищами, и мы вносим общее предложение, состоящее из следующих пяти пунктов, которые должны для нас играть роль лозунгов:

1) Против капиталистической стабилизации!

2) Против всякого ухудшения в положении рабочего класса благодаря рационализационному обману!

3) За поднятие уровня жизни рабочего класса!

4) За социалистическую организацию хозяйства!

5) Не капиталистическая, а социалистическая рационализация!

Здесь ясно, что последний лозунг носит пропагандистский характер, и он прямо вытекает из лозунга социалистической хозяйственной организации.

В нашей формулировке: «против всякого ухудшения положения рабочего класса благодаря рационализационному обману», мы компрометируем словом «обман» весь процесс в целом, избегая, однако, тех трудностей, о которых я говорил выше. Этой формулировкой мы говорим, что центр тяжести для коммунистических партий заключается в социальной стороне вопроса. Я полагаю поэтому, что данная формулировка вполне приемлема; это лучшая из всех найденных нами формулировок. Этим данный вопрос исчерпывается.

Теперь разрешите мне сказать пару слов о некоторых других вопросах.

О ТАКТИКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМПАРТИИ.

Китайский вопрос, вопрос о китайской партии и об английской партии мы будем рассматривать отдельно в связи с соответствующими пунктами порядка дня. Но я хотел бы уже и сейчас сделать несколько замечаний относительно тактики некоторых партий. К этому меня вынуждают речи наших французских товарищей. Тов. Семар сказал, что он будет оспаривать некоторые «неверные замечания» в моем докладе. Главный оспариваемый пункт следующий: в тезисах черным по белому написано, что в критической ситуации партией не все было сделано, партия несколько проглядела эту ситуацию. Тов. Семар по этому поводу возражал мне

в нескольких направлениях, и я хотел бы на этом остановиться.

Во-первых, тов. Семар ссылается на тезисы, в которых сказано, что рабочий класс не сумел мобилизоваться. По этому поводу тов. Семар говорит, что само это словосочетание абсурдно, ибо рабочий класс вообще не может мобилизоваться. Субъектом мобилизации является-де партия, она должна мобилизовать рабочий класс. По-моему, это — придирка.

Для разъяснения этого пункта возьмем хотя бы вопрос о завоевании власти. Мы говорим: пролетариат завоевал власть (разумеется, под руководством партии, ибо без партии нельзя, по правилу, завоевать власти). Аргументация тов. Семара, однако, направлена и против этой формулы. Ибо как можно завоевать власть, не мобилизуя сил рабочего класса? Ничего греховного, следовательно, в тезисах не было. Теперь к существу вопроса. Здесь я могу сказать нашему другу Семару, что я сказал не более и не менее того, что признал сам Семар. И действительно, дело обстоит так, что тов. Семар, с одной стороны, против меня полемизировал, а с другой стороны, лишь другими словами, сказал то же, что было сказано мной. Например, он говорит:

«Наша партия в этот момент (речь идет о наиболее критическом моменте. *Н. Б.*), в эти 48 часов, между двух кризисов... находилась в некоторой не-

решительности. Я не говорю, что она была захвачена врасплох, но она недостаточно быстро проанализировала ситуацию и не дала тотчас же соответствующих лозунгов».

Разве это не признание моей точки зрения? Тов. Семар сам говорит, что они немножко «проглядели» положение, что они не сделали своевременно необходимого анализа и поэтому не выдвинули соответствующих лозунгов. Чего же еще? Лишь об этом я и говорил.

Точно так же есть и другие места, где тов. Семар говорит то же самое. Я цитирую, например, следующее место:

«Без сомнения, в силу известной слабости кадрового состава нашей партии в некоторых больших округах Франции и в силу некоторой слабости нашего руководящего аппарата мы медленно мобилизовали рабочие массы... Но это—недостаток нашей партии, который мы можем исправить лишь улучшая наши кадры...»

Все это верно. Но ведь и упреки тезисов шли по адресу именно партии, а не по какому-либо другому адресу.

Поэтому я совершенно удовлетворен тем, что тов. Семар здесь говорил; я не сказал ничего иного, кроме того, что признано самим тов. Семаром, хотя он и полемизировал против моих замечаний.

Каково было положение в тот момент, о котором идет речь? В стране было общее возбуждение.

Верно ли это? Несомненно верно. Партия проглядела эту ситуацию и в определенный момент не сделала того, что было необходимо сделать. Это была ошибка. Мы говорим о ней не потому, что имеем особую охоту открывать ошибки, а потому, что из этих ошибок нужно извлечь кое-какие уроки, на них нужно учиться.

Вот предо мною воззвание ЦК французской компартии, из которого видно, как оценивалось положение и как приходилось ЦК оправдываться.

В этом воззвании говорится:

«Ветер паники повеял над страной».

Таково начало. А дальше? А дальше идет:

«Трудящиеся массы... были ошеломлены; они остались в нерешительности, они оказались бездеятельными, они предоставили улицу в распоряжение фашистским буйствам...»

Я спрашиваю вас: разве не следовало именно здесь говорить о партии, а не о рабочем классе? Ведь это называется сваливать с больной головы на здоровую. Рабочие были на улице, рабочие волновались. Нельзя себе представить такого положения, когда мелкая буржуазия находится в состоянии величайшего брожения, а рабочий класс стоит и ждет. Я думаю, что воззвание написано неправильно. Подобная постановка вопроса есть ослабление пролетариата, а не призыв к мобилизации пролетарских сил.

Товарищи, этот маленький штрих подтверждает сказанное самим тов. Семаром. Ошибки нужно открыто признать и открыто их формулировать.

О ГЕРМАНСКИХ УЛЬТРА-ЛЕВЫХ И ВЫСТУПЛЕНИИ ТОВ. РИЗЕ.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов о тов. Ризе, я его оставил на конец, в качестве некоторого деликатеса.

Серьезно говоря, я не могу понять, почему тов. Ризе спрятал в карман свою собственную программу и не показал ее нам. Каждому сидящему в этом зале известно, что у вас определенные взгляды по вопросу о стабилизации, высказанные хотя бы Масловым. Далее у вас совершенно точная оценка так называемого «русского вопроса», из которого вы довольно продолжительное время пытались сделать «козырь» в ваших руках. Затем у вас имеется общая оценка коммунистической партии Германии. Я, например, возьму ответ на ультиматум Центрального Комитета, где германская партия рассматривается как н е-большевистская партия и где вы высказываете свои взгляды по вопросу о методах внутрипартийной борьбы, о чем вы, правда, кое-что говорили и сейчас, но не особенно ясно и подробно. Ведь «русский вопрос» играл большую роль во внутрипартийной борьбе в КПГ, как и вопрос об оценке самой КПГ. А вы говорили о пустяках и совершенно

замалчивали эти важнейшие вопросы, как какую-нибудь секретную болезнь. Разве это принципиальная постановка вопроса? Ведь мы вас не собираемся казнить, мы будем скромны, мы хотели бы только знать, какую вы защищаете сейчас точку зрения. Это было бы полезно и для нас и для вас.

После того, как вся дискуссия во всей германской партии строилась на русском вопросе, нельзя говорить, как это делает тов. Ризе, что мы, мол, «не знаем», как было дело в России, как здесь шла дискуссия. Никто этому не поверит. Мы готовы честно обсуждать здесь каждый уклон, и каждый нюанс любого уклона, и каждый серьезный вопрос, как бы он ни был остро поставлен. Быть может, вы вернетесь в Германию и скажете, что вот, мол, мне не позволили говорить. Но мы хотим, чтобы вы говорили, мы даже просим вас это сделать. А вы касаетесь только разных мелочей. Вы можете возразить нам, что мы хотим обсуждать русский вопрос после. Но мы этот вопрос затронули в нашем докладе, выдвинули его в дискуссионных речах и тезисах. Каждая коммунистическая партия в своей политике должна исходить из оценки общей деятельности Коминтерна. Для каждого ясно, что недооценка Советского Союза знаменует собою переход на совершенно иные позиции. Ведь важнейшие вещи зависят от этой оценки. Если мы, например, видим подготовку войны против Советского Союза,

если такая подготовка действительно происходит и при этом вы на нашу страну смотрите как на капиталистическую страну, или почти капиталистическую страну; если при этом вы нашу диктатуру оцениваете не как диктатуру пролетариата, а как диктатуру кулаков или полукулаков,— то вы ни в коем случае не можете нас защищать, ибо вы тогда вынуждены,—если вы хотите быть честными по отношению к самим себе,—высказаться против поддержки СССР. Корш был последователен и сказал: если коммунистическая партия Германии будет защищать в войне Советский Союз, то это аналогично защите германской социал-демократией милого империалистического отечества в 1914 г. Это у Корша последовательно, это можно понять.

В таких вопросах нельзя молчать: можно ошибаться, но молчать нельзя. Здесь совершенно исключается «нейтральная» позиция, так как каждый вопрос международной политики, между прочим и германской международной политики, этим всецело определяется.

Почему вы говорите о новой ориентации Германии на Запад, считаете это принципиальным поворотом? Это абсолютно не нужно: если на Востоке— капиталистическая страна и на Западе—капиталистическая страна, значит, никакого принципиального поворота нет и общая ситуация не изменилась. Это один из основных вопросов, имею-

щий всеобщее значение для Коминтерна. Если ВКП—кулацкая или полукулацкая партия, то нельзя позволить, чтобы эта партия руководила Коммунистическим Интернационалом. В этом случае следует взорвать Интернационал и открыто сказать: «Мы за взрыв Интернационала, так как этот Интернационал развращен влиянием коммунистической партии Советского Союза». Это было бы последовательно. Если предпосылки об окулачивании и перерождении верны, то и эти выводы превосходны, верны на все сто процентов. Можно ли замалчивать такие вопросы, можно ли вместо них говорить о Тюрингии и о плакатах по вопросу о сдельных ставках, а эти важнейшие вещи обойти молчанием? Верно это или нет? Это верно. Мне, например, сегодня дали последний номер «Прусской Газеты», где я нашел статью о конференции сторонников Каца. На этой конференции говорили уже социалисты-революционеры! Они говорили, что Советская Россия не лучше, чем капиталистические государства, что она стала капиталистическим государством. На этой конференции были социалисты-революционеры, а через некоторое время будут, вероятно, и меньшевики. Что это означает? Ясно ведь, что эти люди по-разному приходят к одинаковым выводам. Конечно, эти люди не представляют собой силы, это—лишь жалкие запутавшиеся одиночки, объективно играющие роль контр-революционных агентов. Они будут рас-

сказывать сказки о наших тюрьмах, о нашем ГПУ и т. д.,—старая привычка у всех контр-революционных партий. Этим они зарабатывают свой жалкий хлеб, получаемый от буржуазии. Их путь ясен.

Но вот мы берем Урбанса и других. В ответе на ультиматум ЦК КПГ они сказали: «Да, фракции— очень плохая вещь для большевистской партии, но внутри небольшевистской партии это хорошо». Продумайте эти слова до конца, и вы получите линию сознательно проводимого раскола коммунистической партии Германии, партии, которая, по мнению ультра-левых, «не является» большевистской. Ведь мы стремимся к единству профсоюзов, но ни в коем случае не пойдем на объединение с небольшевистской партией. Мы можем сидеть и работать в реакционных профсоюзах, но состоять в политической, быть может, социал-демократической, небольшевистской партии в Европе,—этого мы делать не можем. У нас есть лишь одно исключение — Англия, где рабочая партия имеет совершенно специфическую структуру. Она является промежуточным звеном между партией и профсоюзом. Но ни в одной социал-демократической партии мы состоять не можем. Поэтому, если вы так оцениваете германскую партию, то вы, если у вас есть хоть капля логики, сами должны выйти из партии. Всех этих вопросов тов. Ризе не поставил. Это очень досадно и очень печально.

Было бы гораздо целесообразнее, если бы он разъяснил сомнения, живущие в душе так называемых ультра-левых рабочих. Мы были за приглашение ультра-левых товарищей, чтобы добиться ясности. Мы готовы даже говорить о каждом отдельном вопросе, вызывающем у них сомнение. Но здесь говорилось о каких угодно вещах, но только не о главных и не о решающих вопросах.

Несколько слов об организационных методах германской партии. Тов. Ризе говорит: исключают и исключают без конца,—это не по-большевистски. Тов. Ризе нам мимоходом рассказал, что Гиван, пропагандирующий необходимость «революционного» восстания в СССР, был исключен, несмотря на то, что он имел право защищать свои взгляды в партии. Да, но почему же тогда не позвать Каутского в нашу партию? Ведь нет никакой разницы между Каутским и Гиваном в этом важнейшем—мировом—вопросе! Будет ли у нас подлинно большевистская партия, если мы будем коллекционировать в ней всякую дрянь? Конечно, всеобщая и широчайшая «свобода» была бы в такой партии очень велика, но чтобы это была большевистская партия, это уже извините! Это будет какая угодно партия, только не большевистская. По-моему—я говорю это совершенно открыто—в настоящее время пребывание в нашей партии «коршистов» невозможно. Ибо мы—подлинно рево-

люционная партия, и контр-революционеров мы выгоняем вон. (*Аплодисменты.*)

Всегда системой худших врагов рабочего класса были попытки прикрываться лозунгом «свободы мнений». Уже много лет назад я был на партсъезде германской с.-д. партии в Хемнице,—там была и тов. Клара Цеткин,—где исключили Гильдебранда (*обращаясь к Трэну*), написавшего первую книгу о взаимоотношениях между Европой и Америкой. (*Смех.*) Гильдебранд оправдывал колониальную политику. Его за это исключили. И вся ревизионистская свора *выла*: что же это за «свобода мнений»? Свобода мнений—да, но свобода мнений в *определенных рамках*. Иначе партия не была бы партией, а каким-то сборным пунктом всевозможных взглядов. Свобода мнений означает свободу мнений в *рамках* партии, которая является организацией *единомышленников*. Все, что стоит вне этих рамок, к партии не относится. Уклоны, не затрогивающие основных принципов партии, есть нечто другое, чем расхождение в *основных вопросах* идеологии. Таких «товарищей» мы будем подавлять всеми организационными средствами.

Вопить о бедном исключенном Гиване—абсолютно неуместно. Партия была бы жалкой партией, если бы она оставила Гивана в своей среде.

Таковы мои замечания к речи тов. Ризе.

Я кончаю.

Что касается значения нашей дискуссии, то дискуссия не стояла на плохом уровне. Были затронуты многие вопросы довольно важного характера.

Задача, которая стоит перед нашим пленумом по первому пункту порядка дня, заключается в том, чтобы занять конкретную позицию в вопросе о процессе капиталистической стабилизации. На прежних пленумах мы говорили об этом в общих чертах, теперь мы конкретизируем наши общие положения, нам нужен теперь дифференцированный анализ мировой ситуации. Что касается наших главных задач, то мы также дифференцировали их, прежде всего выделив страны с острой революционной ситуацией. Для стран Западной Европы задача заключается в том, чтобы опять-таки конкретизировать общие лозунги, принятые нами прежде, например лозунг единого фронта и т. д. Мы сейчас расшифровываем эти общие лозунги. Я думаю также, что мы должны здесь конкретизировать и вопрос о большевизации партий. Большевизация и укрепление партии— наша главная задача. Поэтому прежде всего мы должны заявить, что мы не можем теперь терпеть никаких фракций в коммунистических партиях. (Аплодисменты.)

Фракции, существовавшие раньше в различных компартиях, были выражением слабости этих коммунистических партий, а не выражением их особых добродетелей или широты их взглядов. Теперь наши партии выросли, окрепли, и это тоже должно найти свое отражение в организационном вопросе. Ответ наш на этот вопрос должен сводиться к тому, что мы теперь никаких фракций внутри наших партий не потерпим. Время, когда мы могли разрешать фракции, миновало. Нам нужны крепкие, способные к маневрированию партии, сильные общностью своих основных взглядов, достаточно сплоченные для того, чтобы завоевать массы. Мы говорили о том, что ситуация в общем для нашей партии благоприятна. Самый депрессивный момент уже позади. Мы идем вперед во многих отношениях. Мы имеем довольно хорошую ситуацию в мировом масштабе, мы имеем китайскую революцию, мы имеем нашу строительную работу в Советской России и английскую стачку. Если бы она даже закончилась поражением,—это не исключается, а благодаря поведению вождей весьма вероятно,—то она все же означает гигантский процесс сдвига в рабочем классе Англии. Этот сдвиг неизбежно должен привести к дальнейшим боям, к революционизированию этой части рабочего класса Европы, части, которая прежде была наиболее консервативной.

В Центральной Европе мы будем иметь все более

обостряющееся положение, уже сейчас выражающееся в полевении рабочего класса. Это полевение рабочего класса есть симптом наших будущих побед. И с этой точки зрения, с точки зрения усиления революционных сил, нам нужно полное единство внутри наших партий и такое же единство в рамках Коминтерна.

Поэтому наш лозунг: Долой попытки раскола! Да здравствует подлинно единый Коммунистический Интернационал, ведущий к мировой революции весь рабочий класс! (Бурные аплодисменты.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕЗИСЫ

ПРИНЯТЫЕ VII РАСШИРЕННЫМ ПЛЕНУМОМ ИККИ ПО ДОКЛАДУ Н. И. БУХАРИНА

О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ И ЗАДАЧАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

I. ЭКОНОМИКА МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА.

1. Развитие международных отношений за последнее время подтверждает оценку, данную предыдущим расширенным пленумом ИККИ. Несомненен—вопреки некоторым заявлениям оппозиционных лидеров (Зиновьева, Троцкого и др.)—факт капиталистической стабилизации (рост мирового производства, рост международного товарооборота, упорядочение валюты и т. д.). Несомненен, с другой стороны, частичный и непрочный характер этой стабилизации, что находит свое выражение в лихорадочной смене конъюнктуры, в крайней неравномерности развития, в огромном противоречии между производительной способностью производственного аппарата и фактическим размером производства, в совершенно исключительной по своей величине хронической безработице. К особо важным факторам, пробивающим брешь в процессе капиталистической стабилизации, следует причислить: рост социализма в

СССР, упадок английского капитализма, неслыханное обострение классовой борьбы в Англии и великую национальную революцию в Китае.

2. Для определения тактики коммунистических партий в настоящее время нельзя уже ставить вопрос о капиталистической стабилизации в его общей постановке. Необходимо различать примерно 6 групп стран с резко выраженными особыми чертами развития: 1) Соединенные Штаты, как страну еще могучего и развивающегося капитализма, сюда же относится Япония и отчасти английские доминионы, где капиталистическое развитие—хотя и в замедленном темпе—идет по восходящей линии; 2) СССР, как страну растущего социалистического строительства; 3) Англию, как страну продолжающегося и резко выраженного упадка капитализма; 4) Германию и Францию, как европейские страны, где стабилизация капитализма делает—хотя и в разных формах—в настоящее время наибольшие успехи; 5) хронически гниющие, частью аграризующиеся страны (Австрия, Польша, в известной степени Чехо-Словакия и балканские страны), в части которых, однако, отнюдь не решены объективные задачи аграрной революции (фактический саботаж так называемых «земельных реформ»); наконец, 6) колониальные и полуколониальные страны, в части которых идет прямая гражданская война (Китай, Индонезия) и где поэтому ни о какой стабилизации не может быть и речи.

3. Несмотря на относительную стабилизацию, капитализм переживает своеобразный кризис, который отнюдь не является «нормальным» кризисом капиталистического перепроизводства. Если таковыми являлись довоенные кризисы, если непосредственно послевоенный кризис был для Европы голодным кризисом (кризисом недопроизводства и недопотребления одновременно), то теперешний кризис перепроизводства, в основе которого лежит как наблюдающийся в некоторых странах даже в значительной степени рост производительной способности производственного аппарата, так и падение покупательной способности масс, является в значительной степени продолжением голодного кризиса, ибо в настоящее время недопотребление связано с обнищанием масс и с истощением внутренних рынков в результате мировой войны.

4. Такое положение вещей выдвигает на первый план проблему рынков. Если в СССР развивающаяся социалистическая индустрия опирается на растущий спрос со стороны увеличивающих свой жизненный уровень народных масс, то для буржуазных стран этот путь заменяется поисками внешних рынков. Развитие и обострение империалистских конфликтов является неизбежным следствием всей системы складывающихся отношений. Таким образом, переживаемая полоса может быть определена как межреволюционная, как этап от одного революционного подъема к другому, к

которому неизбежно приведет ход исторического развития и к наступлению которого, быть может более скорому, компартии должны быть подготовлены.

II. ПЕРЕГРУППИРОВКА ДЕРЖАВ И ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.

5. Характернейшим фактором современной обстановки является перенесение хозяйственных центров, а следовательно, и центров политического и военного могущества во внеевропейские страны, в первую очередь в Соединенные Штаты Америки, по отношению к которым европейские государства стали должниками и к которым перешла гегемония на мировом рынке вообще. Если нельзя говорить о превращении хозяйства Европы в составную часть хозяйства Северо-Американских Соединенных Штатов, если излишним увлечением является утверждение о переходе всей Европы на американский паек, то исключительная роль Соединенных Штатов не подлежит никакому сомнению.

Англо-американское соперничество в сильной степени определяет перегруппировку империалистических держав. Попытка Англии с помощью пакта в Локарно вновь отвоевать свои позиции на континенте была сведена на-нет Америкой. Тем самым был расчищен путь для франко-германских попыток к сближению, хотя Америка и тормозит осу-

ществление более тесного сближения. Особое значение для дальнейшего роста преимущества Америки имеют страны Южной Америки с их обширным рынком для продуктов промышленности, с их потребностью в капиталах и огромными сырьевыми богатствами. В качестве элемента, дезорганизующего это преимущество Северо-Американских Соединенных Штатов, следует рассматривать национально-революционное движение в Мексике.

Другими крупнейшими фактами являются: превращение Франции в промышленную страну и хозяйственное возрождение Германии на-ряду с хозяйственным упадком Англии и выдвижением Италии. На этой основе происходили крах Версальского мира и радикальная перегруппировка держав, распад Большой Антанты и разложение Лиги наций, как инструмента политики «союзников».

6. Этапы этого процесса ликвидации были таковы: а) Версаль и затем оккупация Рура. Америка в стороне. В Европе гегемония Франции. Германия политически лежит на дне; б) Франция не может переварить оккупации и терпит поражение. Вмешательство Америки и Англии. План Дауэса. Германия начинает подыматься; в) Локарно. Гегемония Англии, использующей французскую неудачу. Политические заигрывания и соответствующие уступки Германии в обмен за охлаждение последней к СССР. Обещание принять Германию в Лигу наций и начало «западной ориен-

тации» Германии. Американский капитал течет в германское народное хозяйство; г) Женева. Америка слегка теснит Англию. Германия вступает в Лигу и получает место в совете Лиги. Начало поворота во франко-германских отношениях; д) Туари. В Лиге наций происходит перегруппировка. Своей «мирной» по отношению к Германии политикой Франция привлекает ряд мелких стран и получает большинство и в пленуме и в совете Лиги. Радикальная перегруппировка сил. В Туари соглашение и ряд важнейших уступок со стороны Франции в обмен за выкуп Саарского бассейна и мобилизацию германских железнодорожных облигаций. Америка сводит на-нет это соглашение, но блок остается. Крах версальских комбинаций ускорен. Отчасти в противовес германско-французскому блоку возникает англо-итальянский блок. Италия стремится выровнять антисоветский фронт своим участием в нем. Обостряются противоречия с Францией (Средиземное море, северная Африка, балканские страны, Малая Азия). Вместе с перегруппировкой великих держав начинается распад Малой Антанты. Польша, сменившая французскую ориентацию на английскую, снова начинает склоняться к Франции; французское влияние на Балканах вытесняется английским и итальянским империализмом; накопляются конфликты между балканскими государствами—также и с этой стороны назревает опасность новой войны.

7. Общей тенденцией является антисоветская тенденция, прокладывающая себе, под водительством Англии, путь через все противоречия между империалистами. Германская западная ориентация, новейшее направление итальянской политики, Польша, система договоров в Randstaaten и Румынии, итальянско-румынский и франко-румынский договоры, деятельность Англии в Прибалтике, на Балканах, в Персии, Афганистане и т. д.,—все это есть выражение указанной основной тенденции. Не подлежит также никакому сомнению тенденция к окружению Китая, с целью перевести его развитие на национально-капиталистический путь под гегемонией иностранного капитала, если не удастся прямое подавление национальной революции.

8. На-ряду с этой тенденцией нисколько не заглохли противоречия между самими империалистскими державами, при чем наиболее важную роль играет противоречие между Англией и Америкой. Под прикрытием пацифистских фраз и жестов Лиги наций идет подготовка к чудовищным войнам. Бешеное развитие милитаризма, громадный рост военной техники (авиация и химия в первую очередь) вскрывают с полной очевидностью действительный смысл пацифистских утопий вообще, так называемой «пан-европейской» идеологии в частности, социал-демократической болтовни о «мире» в особенности, которая прикрывает планы воинствующего империализма и рассчитана на то, чтобы обмануть

рабочих и усыпить их бдительность перед лицом возрастающей опасности новых империалистских войн.

Общий вывод: непрочность теперешних соглашений и группировок является характерной чертой переживаемого времени. На-ряду с крайней неустойчивостью экономической конъюнктуры, она выражает неустойчивость всего капитализма в целом, условный характер капиталистической стабилизации.

III. ПЕРЕГРУППИРОВКИ КЛАССОВЫХ СИЛ И ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ.

9. Если стабилизационные попытки буржуазии вовне идут по линии борьбы за внешние рынки, то внутри стран эти попытки означают—с классовой точки зрения—усиленный нажим на рабочий класс и широкие массы трудящихся вообще, уменьшение их доли в совокупном национальном доходе, резкое повышение степени их эксплоатации. Этот процесс проходит в разных формах и находит свои границы прежде всего в различной степени сопротивляемости самого рабочего класса. Экономика здесь непосредственно сочетается с политикой, и самый процесс стабилизации становится вопросом классовой борьбы.

10. В Германии исходным пунктом стабилизации капитализма, укрепления его хозяйства и его

государственного аппарата является поражение пролетариата осенью 1923 года, поражение, которому предшествовал ряд других тяжелых боев. Громадное сокращение покупательной способности масс на-ряду с особенно затруднительным внешнеполитическим положением германской буржуазии (в первую очередь отсутствие «своих» колоний) привело к особенно интенсивным попыткам рационализации производства и нажима на пролетариат. С другой стороны, предыдущие поражения рабочих масс дали возможность германскому капиталу добиться наибольших успехов. Отпор рабочего класса выражается здесь в полевении, охватывающем широкие массы, пока не принимающем форм активной оборонительной борьбы действием, хотя первые зачатки подъема пролетарской классовой борьбы в Германии уже сказываются.

Одновременно буржуазия создает себе добавочные гарантии периодическим привлечением социал-демократии к рулю государственного управления.

11. В Англии попытка нападения и нажима на рабочий класс вызвала громадный отпор с его стороны, что нашло свое выражение во всеобщей стачке и героической стачке английских горняков. С этой точки зрения стачка углекопов имеет громадное принципиальное значение. Нынешняя пошатнувшаяся позиция Англии на мировом рынке и ее весьма вероятный дальнейший упадок, связанный с распадом английской мировой империи, придают борьбе

в общем и целом все более острый характер, и таким образом Англия становится европейской страной, наиболее близко стоящей к революционной ситуации. Быстро происходит дальнейшая поляризация классовых сил (распад либералов и их переход к консерваторам, революционизирование рабочего класса, дискредитация профсоюзной бюрократии и верхов рабочей партии и т. д.). Вероятность стабилизации и здесь становится вообще под большой знак вопроса.

12. Во Франции, благодаря политике оздоровления валюты, а также в связи с созданием международных картелей, вопрос о стабилизации за сравнительно последнее время выдвинут на передний план.

Наиболее сильные финансовые, промышленные и торговые группы при правительстве левого блока вызвали искусственное падение франка с целью поставить у руля власти «своего» ставленника, Пуанкарэ. Они готовы допустить к участию в правительстве Пуанкарэ элементы левого блока с целью нейтрализации мелкой буржуазии.

Политическая предпосылка для стабилизации нашла свое выражение в победе Пуанкарэ, представителя интересов крупной буржуазии. В то же время рабочий класс не сумел мобилизовать ни своих сил, ни сил мелкой буржуазии для организации общего отпора. На основе плана экспертов и временных мер к стабилизации валюты Пуанкарэ

проводит политику оздоровления франка посредством поднятия вексельного курса, установления бюджетного равновесия, амортизации обязательств государственного казначейства и восстановления денежного обращения. Наступление на рабочий класс только еще начинается и идет в ногу с политикой дефляции. Обострение классовой борьбы есть вопрос сравнительно недалекого будущего.

13. В Италии, Польше и т. д. стабилизационная политика буржуазии нашла свое выражение в фашистских переворотах, опиравшихся на обманутые части самих трудящихся масс, в первую очередь мелкой буржуазии, при разгроме головных отрядов пролетарского движения.

Но в связи с обнищанием широких масс—постоянным следствием капиталистической стабилизации—и с неизбежным явным переходом фашизма в лагерь крупного капитала происходят новые перегруппировки в массах мелкой буржуазии, мелкого крестьянства и обманутого пролетариата, необходимо влекущие за собой острые социальные конфликты и столкновения. Все это ставит под значительную угрозу позиции фашизма.

14. В Скандинавии, где классовые противоречия, за исключением Финляндии, еще не достигли сильного развития, стабилизация влечет за собой обострение классового антагонизма. В связи с предательством социал-демократов это обострение классовой борьбы выражается в рядах пролета-

риата в стремлении к профсоюзному единству, в повышении требований и в возросшей активности в частичных боях. В Финляндии этот процесс обостряется господством белого террора.

15. На основе этого наступления и на основе относительного укрепления буржуазного госаппарата происходит процесс вытеснения из правительств социал-демократии, игравшей роль спасителя буржуазного режима в наиболее критические моменты.

16. Таким образом в разных формах проявляется одна и та же закономерная тенденция, вытекающая из послевоенной экономики капитализма. Социально-классовым пределом капиталистической стабилизации оказывается сопротивление рабочего класса, его способность к мобилизации своих сил и к отпору наступающему капиталу, спешно объединяющему в этой борьбе свои отдельные отряды, группы, партии.

IV. МЕТОДЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ.

17. Таким образом, исходным пунктом стабилизационной политики буржуазии является непосредственный нажим на рабочий класс, увеличение его рабочего дня (нападение на рабочий день и законодательное повышение рабочих часов в ряде стран), уменьшение его зарплаты, усиленное налоговое обложение пролетариата, а равно и широких трудящихся масс вообще.

18. Дальнейшим шагом является реорганизация труда и «фордизация» всего производственного процесса (конвейер, «закрытые пути», стандартизация и нормализация, новое разделение труда, хронометраж и т. д.); картелирование и трестификация производства и торговли (создание огромных вертикальных и горизонтальных объединений, комбинатов, концернов); введение новой техники (новые машины, электрификация, новые методы обработки металлов, химические методы, применение дизель-моторов в водном транспорте и т. д.), что при данных условиях влечет за собой дальнейшее увеличение безработицы и понижение жизненного уровня.

19. Основными базами этого процесса являются Америка и Германия, отчасти Франция и даже Италия. В частности необходимо отметить совершенно исключительный рост трестов в Германии, которая создала тип крупнейших объединений в мире и выступает сама в качестве крупнейшей хозяйственной силы при создании международных картелей и трестов (например—Континентальный стальной картель и другие).

20. Главной трудностью при проведении капиталистической рационализации является для европейских стран противоречие между необходимостью массового производства, что связано с техническим прогрессом и «фордизацией» производства, и слабостью внутренних рынков, что еще

более усугубляется нажимом на рабочий класс. Самая рационализация в таких условиях неизбежно приобретает противоречивый характер: поскольку она состоит в приспособлении к внутреннему рынку, она выражается в сокращении производства, в закрытии ряда предприятий, в «жесткой концентрации» и порой в тенденции к резкому повышению охранительных пошлин; в то же время «нормализация» производства предполагает массовый характер и массовый рост продукции, а следовательно, и соответственный рост сбыта. Особенно трудно положение Германии, где ближайшее будущее потребует увеличения платежей по репарациям. Вытеснение с мирового рынка и колоссальное понижение покупательной способности масс привело к особенно интенсивным попыткам рационализации производства и к усилению нажима на пролетариат.

Такое положение вещей должно привести к крайнему обострению противоречий, заложенных в развитии германского капитализма, несмотря на его текущие успехи.

Даже в Соединенных Штатах, классической стране «американизации», сказываются бьющие по рабочему классу последствия и противоречивый характер всей системы «американизации»: в последнее время реальная зарплата рабочих больше не повышалась, рабочее время почти не сокращалось, и вместе с тем наблюдается все возрастающее «изнашивание» рабочего в производственном процессе.

21. Рационализация в СССР резко отличается от рационализации в капиталистических странах и принципиально и по своему непосредственному хозяйственному эффекту. Принципиально, ибо она не есть капиталистическая рационализация и служит развитию социализма, а не капитализма. Непосредственно, ибо она происходит на базе быстрого роста производства, увеличения числа рабочих, повышения зарплаты и растущего жизненного уровня широких масс при наличии гарантий против удлинения рабочего времени.

V. НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА.

22. Одним из принципиальных вопросов текущего момента является, в связи с вопросом о капиталистической стабилизации, вопрос об ультра-империализме. Экономически невозможность ультра-империализма доказывается неравномерностью развития и напряженными противоречиями интересов между важнейшими империалистическими государствами. (Ср. недооценку этого момента тов. Троцким.) Это находит свое политическое выражение в крайней неустойчивости политических межгосударственных соглашений и блокировок, а равно и в дезорганизации Лиги наций, дезорганизации, отражающей англо-французское противоречие. Повсеместный рост милитаризма точно так же опровергает ультра-империалист-

скую теорию, служебная роль которой сводится: 1) к усыплению бдительности пролетариата, 2) у германских империалистов—к проповеди необходимости «общих» колониальных владений, т.-е. к возврату колоний Германии, 3) к пропаганде против СССР, не желающего вступать в Лигу наций, 4) к пропаганде против колониальных революций, нарушающих «ультра-империалистский» мир.

23. В связи с хозяйственным ростом Германии и консолидацией германского капитализма возникает вопрос о германском империализме. Поскольку Германия была порабощенной и ограбленной страной, поставленной на колени победоносным империализмом Антанты, поскольку, следовательно, она находилась в положении страны, которая объективно могла вести справедливую оборонительную, национально-освободительную борьбу против империализма Антанты, но при этом защита ее независимости срывалась буржуазией,—задача коммунистов заключалась в том, чтобы подстегивать робкое и трусливое сопротивление, оказываемое германской буржуазией империализму Антанты путем активного вмешательства трудящихся масс. Здесь необходимо было разоблачать капиталистов, как предателей всей германской нации, и вести на борьбу против иностранных империалистов пролетариат, выступающий в качестве единственного подлинного борца за освобождение всей нации. Вместе с тем германский рабочий класс должен был напря-

гать все усилия, чтобы ускорить падение собственной буржуазии и ускорить создание германской советской республики. В этой связи рабочий класс должен был ставить для Германии вопрос о национальной обороне не так, как он неизбежно поставил бы его в отношении империалистической Германии; он должен был исходить из особых условий той стадии развития, в которой тогда находилась Германия.

Таково было положение при оккупации Рура. Хозяйственный подъем Германии, внутренняя консолидация ее монополистического капитализма, ее руководящая роль в империалистских международных объединениях, ее «западная» ориентация, ее попытки вернуть себе колонии и т. д.—говорят о начале возрождения германского империализма. В связи со всем этим решение вопроса о защите германского отечества должно быть теперь таким же отрицательным, как и в других странах империализма.

24. Коммунистический Интернационал считал и считает СССР важнейшей крепостью международной революции. Попытки социал-демократии и ее последователей из ренегатов коммунизма, а равно и ничтожных групп правой и «левой» оппозиций внутри Коминтерна, окрыленных соответственными выступлениями оппозиции в ВКП(б), представить ход бурного хозяйственного развития в СССР как процесс ее «кулацкого» перерождения, КИ отвер-

гает со всей решительностью. Объективно такие попытки служат лишь классовым врагам пролетариата. Расширенный пленум ИККИ полагает, что людям, считающим СССР страной капитализма и отрицающим здесь диктатуру пролетариата, не может быть места в рядах Коммунистического Интернационала.

25. Национально-освободительная борьба в Китае ставит перед Коммунистическим Интернационалом вопрос относительно главной перспективы, на которую должна ориентироваться, при поддержке всех секций Коммунистического Интернационала, его китайская секция. Такой главной перспективой является путь самостоятельного, в союзе с пролетариатом СССР и всего мира, развития (ср. соответствующие положения тов. Ленина на II конгрессе Коммунистического Интернационала) Китая в противоположность его капиталистическому развитию под непременной в таком случае опекой со стороны иностранного капитала. Если главной задачей текущего момента является единый фронт всех национально - революционных сил, включая антиимпериалистические слои буржуазии, то, с другой стороны, необходимо уже теперь практически поставить вопрос об удовлетворении основных нужд крестьянства, о привлечении его к союзу с пролетариатом Китая и подготавливать китайский пролетариат к роли вождя китайской революции.

26. Принципиальным вопросом текущего момен-

та в капиталистических странах является отношение к капиталистической рационализации. В противоположность социал-демократии, которая ставит своей задачей поддержку и укрепление капиталистического режима и поэтому целиком поддерживает капиталистическую рационализацию, коммунисты не могут и не должны брать на себя задачу помогать капиталу улучшать его хозяйство. Коммунисты не могут быть против лучшей техники или лучшей системы организации труда. Но в условиях капитализма они не могут ставить своей задачей и заботу об этом. Их задача лежит совершенно в другой плоскости и сводится к следующему: 1) борьба против капиталистической стабилизации; 2) против всякого ухудшения положения рабочего класса в результате капиталистической лжерационализации; 3) за повышение жизненного уровня рабочего класса; 4) за диктатуру пролетариата и социалистическую организацию хозяйства; 5) не капиталистическая, а социалистическая рационализация.

В то же время коммунистическая партия должна вести борьбу против «хозяйственной демократии» на основе сотрудничества классов и добиваться— путем непримиримой классовой борьбы против предпринимателей—расширения прав фабзавкомов вплоть до рабочего контроля над производством и распределением. Эта боевая задача классовой борьбы и есть ответ компартий на капиталистическую рационализацию.

VI. НАСТУПЛЕНИЕ КАПИТАЛА И СДВИГИ В РАБОЧЕМ КЛАССЕ.

27. В связи с наступлением капитала на рабочий класс, каковое (наступление) есть выражение стабилизационной политики буржуазии с другой стороны, в связи с ростом и укреплением СССР замечается в большинстве стран процесс полевения среди широких рабочих масс. Этот процесс протекает в различных формах в зависимости от своеобразия всей обстановки в данной стране.

28. В Англии, стране упадка капитализма, стабилизационные попытки буржуазии вызвали грандиозную стачечную борьбу; на основе и в связи с этой стачечной борьбой, всемерно саботируемой и предаваемой верхушками профсоюзной бюрократии, развивается процесс идеологического роста рабочих, уход их из-под влияния официальных вождей, разочарование в «демократической» конституции государства и т. д. На этой почве, в свою очередь, растет движение меньшинства, влияние британской компартии, влияние Советского Союза, рабочие которого пришли на помощь горнякам, и пр. Процесс полевения английского рабочего класса, на пути которого стоят величайшие трудности и который встречает необычайно крепкое сопротивление со стороны дрессированных и опытных «рабочих лейтенантов капиталистического класса»,

имеет глубочайшую историческую основу и огромное значение для судеб всего рабочего движения.

29. Процесс полевения в стабилизирующихся европейских странах (в первую очередь в Германии) проходит в настоящее время не в форме активных боевых выступлений, а в чрезвычайно своеобразных и сложных формах: профсоюзная оппозиция; левая оппозиция среди рабочих социал-демократов (которых надо отличать от их вождей); рабочие делегации в СССР; различные добровольные общества, вроде Союза красных фронтовиков; комитеты действия (Италия); распад католических «общенациональных» партий (католические рабочие германского «центра»; итальянские организации); голосование против «владетельных домов» в Германии; общерабочие конференции в Италии; организации безработных; «конгресс» трудящихся в Германии; различного рода «комитеты единства», связанные с борьбой за единый фронт профсоюзов (Франция), и т. д. Все эти организационные формы, равно как и все формы активной борьбы, надо считать в нынешней ситуации не чем иным, как путями к коммунизму.

30. В отсталых и аграризирующихся странах (в которых противоречие между производственными возможностями и их использованием вынуждает к сокращению промышленного производственного аппарата) этот процесс полевения чрезвычайно затрудняется террором буржуазии и поме-

щиков (зверский террор в Югославии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Польше). Однако и здесь есть соответствующие тенденции (радикализация крестьянства, классовое профессиональное движение, разложение социал-демократии, рабоче-крестьянский блок, рост национально-революционного движения и т. д.). В колониальных и полуколониальных странах, в которых идет революционное движение (Китай, Индия, Индонезия, Сирия и северо-африканское побережье) «полевение» носит совершенно иной характер, состоящий в том, что в активную борьбу вовлекаются до сих пор индифферентные, забитые и несознательные широкие массы.

31. Контр-тенденциями являются: 1) так называемая «американизация» рабочего движения, поддерживаемая особенно усиленно профсоюзной и социал-демократической бюрократией (участие в прибылях, рабочие банки, общие союзы предпринимателей и рабочих и т. д.), связанная с сознательно проводимой политикой раскола внутри рабочего класса и с созданием тонкого слоя привилегированной новой рабочей аристократии, могущей быть надежной опорой капиталистической буржуазии; 2) тенденция временного усиления социал-демократии, обусловленная ее возвратом к оппозиции отчасти под давлением левеющих рабочих масс, но главным образом тем, что укрепившейся буржуазии во многих странах, социал-демократия, как активная правительственная партия, теперь уже не

нужна; 3) фашистское движение, которое, в своеобразной форме используя недовольство мелкобуржуазных масс, а иногда и части отсталых рабочих, отводит это недовольство по другим каналам, громит передовой слой рабочих и создает опору буржуазному господству.

VII. ГЛАВНЫЕ ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА В ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ.

32. В настоящий момент одной из основных международных задач Коминтерна является поддержка важнейших очагов международного революционного движения, а именно: СССР, английских рабочих, китайской революции. Одновременно с этим Коминтерн не должен упускать из виду, что также и в Германии—в стране, где попытки стабилизации увенчались для буржуазии бо̀льшим успехом, чем в других странах, несмотря на относительную стабилизацию именно на основе классовых боев, которые развертываются и еще больше будут нарастать,—в дальнейшем наступит непосредственно революционная ситуация.

Расширенный ИККИ констатирует, что почти все партии КИ развили недостаточную энергию в борьбе за поддержку английской стачки и китайской революции. Необходима самая решительная борьба против интервенционистских планов империализма, против попыток вооруженных интервен-

ций Англии в Китае, против дальнейшего существования неравноправных договоров с Китаем, против антисоветских военных договоров и тайных конвенций и т. д. Такие выступления являются известной проверкой того, что может сделать партия в случае постановки гораздо более трудной задачи, задачи борьбы с войной.

33. Борьба с военной опасностью точно так же должна быть подчеркнута. Необходимо беспощадное разоблачение «пацифистских», «пан-европейских» и прочих утопий социал-демократии и буржуазии.

Существенной задачей является выдвигать на первый план в повседневной агитации кампанию против угрозы новой империалистической войны, при чем надо разъяснять пролетариату грозящую опасность войны и необходимость быть наготове к тому, чтобы превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Систематическое разъяснение роли Лиги наций, как империалистического органа, разъяснение всей лживости и вздорности идеи о ее «демократизации», пропаганда сведений о фактическом росте милитаризма и его чудовищных планах химической, бактериологической и авиационной войны, разоблачение военных договоров и соглашений, разъяснение смысла буржуазной политики, направленной на удушение очагов международной революции,—все это должно быть одной из важнейших обязанностей коммунистов.

34. Борьба против наступления капитала, какую бы форму она ни носила, и особенно борьба против какого бы то ни было ухудшения положения пролетариата в результате капиталистической рационализации—есть основа работы всех секций Коминтерна, борющихся в капиталистических странах. Рабочий день, зарплата, безработица—главные вопросы этой борьбы. Коммунисты обязаны стоять в первых рядах борцов, выдвигая и формулируя требования рабочих в этой области, отстаивая 8-часовой рабочий день против всех нападений на него.

35. Вместе с трестированием производства усиливается социальная мощь буржуазии, а на-ряду с этим и необходимость все большего и большего сопротивления и решительных оборонительных выступлений пролетариата. Поэтому **единый фронт** рабочего класса необходим теперь более, чем когда бы то ни было. В порядок дня ставится также борьба против плана буржуазии расколоть рабочее движение, опереться на слой привилегированных рабочих для нажима на всю остальную массу и, углубляя различие между работающими и безработными, держать под угрозой безработицы работающую часть пролетариата в состоянии подавленности и депрессии. Единство общерабочего фронта пред лицом объединенного трестовского капитала должно быть, следовательно, повелительнейшей задачей дня. Проповедь этого единства в

борьбе и для борьбы, проведение тактики такого единства на деле, при беспощадном разоблачении всякого реформистского предательства, капитулянтства, шатаний и перебежек на сторону врага, должны ложиться в основу всей тактической линии компартий. При этом должны быть использованы все формы, в которых выражается процесс так называемого полевения рабочего класса. Этот последний процесс есть база для правильного и успешного проведения компартиями тактики единого фронта.

36. Обострение классовых противоречий будет приводить к столкновениям и конфликтам, особенно постольку, поскольку процесс капиталистической рационализации натыкается на почти непреодолимые препятствия. Мобилизация масс для этой борьбы, руководство этой массовой борьбой, растущее влияние на эту борьбу, самая активная политика связи с массами и руководства ими должны быть очередной задачей компартий. При этом необходимо иметь в виду особую важность работы в профсоюзах, как самых широких организациях рабочего класса, приобретающих в условиях резкого «экономического» наступления капитала исключительное значение. Компартии не могут сейчас достигнуть прочных успехов, не развив самой энергичной работы в этом направлении. Расширенный ИККИ констатирует значительные пробелы в работе компартий на этом фронте борьбы.

37. Текущая полоса особенно остро ставит вопрос относительно кропотливой, упорной, систематической работы по объединению масс, исходя из насущнейших их требований и нужд. Проблема частичных требований, конкретных лозунгов, конкретных «программ действия» приобретает первостепенное значение. До сих пор еще компартии не научились в достаточной степени проникать в самую гущу пролетарских масс, объединяя и связывая злободневные вопросы и злободневные частичные требования и частичные лозунги с основным лозунгом борьбы, с лозунгом диктатуры пролетариата. Научиться этому искусству — значит решить основную тактическую задачу.

38. Необходимо научиться организационному закреплению достигнутых успехов. Расширенный ИККИ констатирует, что одним из крупнейших недостатков, общих почти всем компартиям, является не вполне достаточное умение использовать положительные результаты кампаний в организационном отношении. Это, между прочим, в ряде случаев ведет к недостаточному росту, а иногда стабильности членов компартий, что далеко не соответствует несомненному росту их политического влияния. Усиление политической и организационной активности, повышение вербовочной силы партии, более интенсивная борьба за массовый характер компартий,—базой которых, особенно в высоко развитых промышленных

странах, являются предприятия,—точно так же относятся к главнейшим задачам Коммунистического Интернационала.

39. В ряде стран следует обратить внимание на проблему завоевания широких слоев мелкой буржуазии и крестьянства. Повышение налогового гнета в связи с стабилизацией, политика высоких картельных цен, таможенная политика, «ножницы» (фермерский кризис в Соед. Штатах Америки), ускоренная экспроприация мелкой буржуазии в связи с чрезвычайно быстро идущей централизацией капитала, саботаж земельных реформ (Румыния, Польша и т. д.),—все это дает базу для успешной работы компартий среди этих слоев трудящихся.

В пестрых в национальном отношении государствах буржуазия угнетающей нации применяет в отношении национальных меньшинств методы крайнего угнетения, эксплоатации и открытого грабежа (преследования немцев в Эльзас-Лотарингии, итализация немецкого и славянского населения в Италии, угнетение нацменьшинств в Польше и в Чехо-Словакии, изгнание турецкого и болгарского населения из турецкой Македонии и Фракии, а также греческого населения из Турции, экспроприация земли у не-румынского крестьянства в Добрудже, денационализация македонцев и т. д.). Все это усиливает национальное и национально-революционное движение. Коммунистические партии должны

решительно выступать против всех видов национального угнетения, они должны выдвигать лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств и указывать на полное разрешение национального вопроса в СССР.

40. Одной из главных задач очередного этапа является борьба с фашизмом и белым террором, борьба за открытое существование компартий там, где они нелегальны, при использовании всех легальных возможностей и при сохранении крепкого нелегального аппарата партии.

Равным образом на очереди дня стоит борьба с социал-демократией. Социал-демократия окончательно и повсеместно становится, несмотря на свое «оппозиционное» положение, на сторону буржуазных правительств. Ее позиция в вопросе о Лиге наций, об «ультра-империализме», о военной опасности, о рационализации, о коалиции с буржуазией, о колониях и т. д. и т. п.—насквозь пропитана изменой рабочему классу. Разоблачение социал-демократических взглядов и социал-демократической тактики есть одно из важнейших условий при проведении революционной тактики единого фронта.

Борясь за освобождение масс из-под разлагающего влияния II Интернационала и Амстердама, компартии требуют: в противовес политике коалиций—самая решительная классовая борьба и низвержение капиталистических правительств; в про-

тивовес диктатуре капитала—диктатура пролетариата; в противовес лживой болтовне о новой мирной фазе капитализма—разоблачение грозной опасности войны и подготовка масс к превращению такой войны в войну гражданскую; в противовес пан-Европе—Социалистические Соединенные штаты Европы; в противовес Лиге наций—Союз Социалистических Советских Республик.

VIII. КОМПАРТИИ И ПРОФСОЮЗЫ.

41. Экономические стачки и экономическая борьба, вообще в условиях трестифицированной промышленности имеющие тенденцию быстро перерастать в борьбу политическую, придают особое значение работе коммунистов в профсоюзах.

42. Ввиду быстрого роста трестов и гигантских промышленных, торговых и банковых объединений, весьма усиливающих позицию капитала, коммунисты должны самым энергичным образом бороться за реорганизацию профсоюзов на производственной основе, за создание боевых картелей союзов, за соответствующую организацию фабрично-заводских комитетов. Борьба с остатками цеховщины и их ликвидация должна быть лозунгом революционных рабочих. Коммунисты должны всемерно способствовать возникновению, работе и организационному оформлению левых крыльев в профсоюзном движении, в то же время проводя свою

коммунистическую политику в повседневной работе профсоюзов.

43. Коммунисты должны защищать не только вхождение в союз всех работающих рабочих, но они должны вести энергичную борьбу за оставление и за прием в профсоюзные организации безработных пролетариев и за всемерную поддержку со стороны профсоюзов организаций движения и требований безработных. Коммунисты должны самым решительным образом разоблачать попытки реформистской профбюрократии превратить профсоюзы в подсобные органы империалистических государств.

44. ИККИ считает правильным конкретное применение тактики единого фронта, которую практиковали советские коммунисты-профессионалисты в вопросе об Англо-русском комитете. Использование большого контакта с массами через Англо-русский комитет при одновременной сокрушительной критике предательства и капитулянтства правых и так называемых левых вождей, построение резервных позиций, на-ряду с исключительно действенной помощью горнякам в их борьбе,—все это может служить примером правильного и революционного проведения тактики единого фронта. Предпринятые Генеральным советом, который тем временем помог буржуазии задушить также и стачку горнорабочих, попытки ликвидации Англо-русского комитета и его явно враждебное отношение

к профсоюзам СССР (отказ от посылки делегации на всесоюзный съезд профсоюзов в Москве и т. п.) возлагают ответственность за происходящее целиком на плечи вождей Генсовета и будут способствовать еще большему разоблачению их перед массами английского пролетариата.

Борьба за международное единство профсоюзов, во главе которой стояли и стоят профсоюзы СССР, должна постепенно интернационализироваться, и коммунисты должны всемерно развивать работу международного объединения красных профсоюзов, повышая влияние и авторитет Профинтерна. ВКП (б) должна принять все меры к усилению роли ВЦСПС внутри Профинтерна, способствуя росту примыкающих к нему организаций и усилению их влияния в реформистских профсоюзах. Решительно осуждая политику выхода из реформистских профсоюзов и недостаточно энергичную работу в них, расширенный ИККИ целиком присоединяется к позиции ВКП(б), считающей вредным вхождение советских союзов в Амстердам и предлагающей созыв общего конгресса Амстердамского Интернационала и Профинтерна.

IX. ГЛАВНЕЙШИЕ ИТОГИ РАБОТЫ, ОШИБКИ И ЗАДАЧИ ОТДЕЛЬНЫХ КОМПАРТИЙ.

45. Расширенный ИККИ констатирует, что за истекший год важнейшая секция Коммунистического Интернационала, ВКП (б), достигла крупней-

ших успехов в деле социалистического строительства и укрепления пролетарской диктатуры СССР, укрепления международного значения Союза, братской помощи английским горнякам и китайскому народу и сплотила свои ряды, преодолев попытку со стороны оппозиции вызвать тяжелый внутренний кризис.

46. Расширенный ИККИ констатирует, что по отношению к английской стачке и китайской революции большинство секций КИ сделало не все, что было необходимо сделать. На-ряду с тяжелыми условиями объективного порядка, несомненно, здесь сыграла известную роль недостаточная активность компартий.

47. Английская компартия добилась ряда блестящих успехов, ведя мужественную политику передовых бойцов великобританского пролетариата до всеобщей забастовки, во время нее и после нее. Она добилась крупного увеличения числа своих членов, еще более крупного увеличения своего влияния в массах. Она действительно вела и ведет энергичную работу в профсоюзах, идя по пути превращения в массовую революционную партию пролетариата. ИККИ констатирует вместе с тем ряд ошибок КПА (недостаточная критика «левых», неверная постановка вопроса о критике Генсовета на заседании исполкома «меньшинства» со стороны некоторых видных товарищей, что позднее было исправлено ЦК КПА, неправильная

оценка тактики советских профсоюзов). Исполком Коминтерна выражает полную уверенность в том, что эти ошибки, частично признанные партией и ею уже исправленные, будут целиком и полностью изжиты. Практический опыт показал также, что партия должна в большей мере увязывать свои выступления в профсоюзах, на профсоюзных съездах, конференциях и пр. с кампаниями в массах (собрания, демонстрации, петиции и резолюции против консервативной профсоюзной бюрократии). Главной задачей партии является дальнейшее завоевание масс и организационное укрепление своего растущего влияния, а равно организационное укрепление движения меньшинства; систематическое разоблачение реформистов; горячая поддержка борющихся рабочих и руководство ими; политизирование движения в целом; популяризация лозунга действительного рабочего правительства.

48. Китайская компартия выросла за короткое время в первоклассный политический фактор в стране. Констатируя эти успехи и признавая в общем и целом правильность позиции киткомпартии, расширенный ИККИ отмечает ряд ошибок, прежде всего идущих по линии недооценки крестьянского движения, недооценки всей необходимости постепенного проведения аграрных реформ в областях, находящихся под властью Гоминдана, удовлетворения других требований крестьянства и так далее. Только подводя массовую базу под

свою работу, только осуществляя на деле союз крестьян, рабочих, ремесленников и т. д., только подготовляя гегемонию пролетариата, киткомпартия может продвигаться вперед к осуществлению своих конечных целей. Главной целью киткомпартии является в настоящий момент сплочение всех сил против иностранных империалистов и «своих» милитаристов. Нельзя решить дальнейших задач, перепрыгнув через этот этап революционной борьбы.

49. Компартия Франции в глазах рабоче-крестьянской массы все в большей и большей мере является единственной партией, способной защищать ее интересы; она играет существенную роль в жизни страны. За эти последние месяцы партия прилагала усилия, чтобы превратиться в партию массовую. Она и впредь должна все в большей и большей мере стремиться итти в авангарде всей борьбы рабочего класса. Не прошедшая еще, в отличие от братских партий—германской, итальянской, польской и пр.—школу ожесточенной борьбы, она должна готовиться к мобилизации рабочих масс на серьезную борьбу, которая неминуемо наступит в результате обострения экономического положения.

Партия блестяще провела кампанию против марокканской войны. Она во Франции впервые применила принципы и тактику борьбы против империалистической войны, но не сумела использо-

вать все выгоды этой кампании для расширения и консолидации своих кадров.

В процессе министерских кризисов, предшествовавших приходу к власти Пуанкарэ, сложность политической ситуации затрудняла оценку ее, и партии не удалось проявить надлежащей активности.

С образованием правительства Пуанкарэ партия правильно оценила его значение, его роль, но она не проявила достаточной активности в деле мобилизации широких масс. Это объясняется слабостью всей ее организации. Недавно развернутая энергичная агитационная кампания в массах лишь с запозданием и только отчасти исправила эти недочеты.

Укрепление партии, рост активности, мобилизация широких рабочих и крестьянских масс, иными словами—единый фронт, борьба за профсоюзное единство и вовлечение всей массы в профсоюзы—таковы ее главнейшие задачи.

50. Германская коммунистическая партия все в большей и большей мере превращается в массовую партию. В качестве главнейших достижений КПГ надлежит отметить успешную мобилизацию масс против возмещения князьям, удачное руководство борьбой с предательством социал-демократии при возмещении бывших монархов в Пруссии, энергичную поддержку забастовки гамбургских портовых рабочих, успехи на выборах в саксон-

ский ландтаг и успешное проведение конгресса трудящихся. Эти успехи свидетельствуют о росте влияния партии в рабочих массах, среди трудящихся вообще и в массовых организациях (Красный союз фронтовиков и Красный союз женщин и девушек) и о правильном применении партией тактики единого фронта. Партии, проводящей правильную политическую линию, удалось найти пути подхода к беспартийным и социал-демократическим рабочим массам. Партия сама исправила некоторые ошибки своей политики в отношении безработных и развернула энергичную организационную работу в массах безработных. Необходимо отметить также консолидацию партии, решительную борьбу с мелкобуржуазными уклонами и победу над ультра-левым антибольшевизмом.

Слабые стороны партии: отсутствие организационного закрепления политических достижений. В области профсоюзной работы партия хотя и добилась некоторых успехов, но эта работа в целом еще очень слаба. Особенно надо это отметить в отношении работы среди молодежи и женщин, приобретающей сейчас огромное значение. К числу слабых сторон относятся и недостатки организационного аппарата партии, которые надо устранить путем широкого привлечения новых кадров функционеров из рядов пролетариата. Предстоящий партсъезд будет иметь крупное значение в истории партии.

51. Компартия Чехо-Словакии достигла заметных успехов благодаря правильному применению тактики единого фронта (борьба с дороговизной, ослабление фашизма, воспрепятствование образованию нового коалиционного правительства в составе чешских и немецких реформистов). Наряду с этим ЦК партии быстро и энергично ликвидировал попытку фракционной работы (Нейрат и Михалец). Грубую ошибку, заключавшуюся в опубликовании в «Руде Право» ошибочной статьи (по поводу воззрений австрийской социал-демократии в вопросе о диктатуре), ЦК тотчас же исправил по собственной инициативе. В настоящее время задача партии состоит в повышении активности всей массы членов, на основе уже достигнутых успехов, и в дальнейшем продвижении во взятом ею политическом направлении.

52. Итальянская компартия, несмотря на обстановку все усиливающегося террора, укрепила свои партийные ряды, проникла в широкие массы рабочих и крестьян, занимает крепкие позиции в оставшихся рабочих организациях и на предприятиях, с успехом проводила тактику единого фронта (комитеты защиты профсоюзов, общерабочие конференции и т. д.), при крайне неблагоприятных условиях провела кампанию помощи английским горнякам. Главной задачей партии является в настоящее время мобилизация всех сил для использования хозяйственного и политического кризиса в стране.

53. Наиболее крупные, принципиальные, оппортунистические ошибки были сделаны польскими товарищами во время переворота Пилсудского. В результате этих ошибок партия очутилась на время в хвосте мелкой буржуазии. Эти ошибки были решительно осуждены ИККИ. Расширенный ИККИ, целиком и полностью присоединяясь к принятым решениям, призывает польских товарищей к дружному проведению намеченной линии.

54. Величайшей слабостью скандинавских партий является их слишком медленное развитие в массовые партии и чересчур слабое влияние (за исключением финской партии) на промышленный пролетариат и беднейшее крестьянство.

Необходимо всеми силами стремиться к устранению этих недостатков, в связи с чем особенно крупное значение имеет революционизирование профдвижения и настойчивая борьба за единство профсоюзов и организацию беднейшего крестьянства.

55. Несмотря на огромные трудности, американская Уоркерс парти (коммунистическая) добилась значительных успехов в области массовой работы (руководство целым рядом стачек, первые попытки организации неорганизованных, проникновение в профсоюз горнорабочих). Слабой стороной партии все еще остается ее недостаточное влияние в рядах рабочих-американцев и ее организационные недочеты. Работа партии в раз-

личных областях, как, например, работа среди негров, среди женщин и т. д., поставлена еще неудовлетворительно. Неудовлетворительным также было проведение намеченных постановлением предшествующего расширенного пленума мероприятий по созданию широкого левого крыла в профсоюзах. Надлежит также констатировать и внутреннюю консолидацию партии, связанную со значительным ослаблением фракционной борьбы. Этим созданы существенные предпосылки для дальнейшего роста влияния партии на массы.

Ближайшие задачи партии таковы:

Партия должна свою профработу (вовлечение членов партии в профсоюзы, формирование левого крыла) не только продолжать, но и всемерно усиливать; в области работы по реорганизации партии надлежит стремиться первым делом к политическому оживлению вновь созданных производственных ячеек и к обратному завоеванию ценных пролетарских элементов из числа тех, кто отпал в процессе реорганизации; партия в целом должна учитывать все значение органа партии «Дейли Уоркер»; необходимо не только материально обеспечить его выпуск, но и идеологически поднять его на более высокий уровень.

56. Коммунистическая партия Мексики, очутившаяся в особенно трудных условиях, не вполне справилась с создавшимся положением, обнаружила сектантские тенденции и не сумела завоевать

доверие широких рабочих масс и объединить вокруг себя борющееся полупролетарское крестьянство. Основная задача партии—укрепиться в широких пролетарских массах. Она должна сломить гегемонию реформистской верхушки в профсоюзах. Центральное место в тактике партии должна занимать борьба за независимость Мексики от американского империализма. Коммунисты должны поддерживать мелкобуржуазное революционное движение, но на-ряду с этим, организуя трудящиеся массы, препятствуя разоружению беднейшего крестьянства — активно противодействовать грозящей капитуляции мелкобуржуазного правительства перед американским империализмом.

X. БОРЬБА ЗА ЛЕНИНСКУЮ ЛИНИЮ И ПРОБЛЕМЫ РУКОВОДСТВА.

57. Подытоживая «критику» линии КИ за период с начала падения революционной волны в Европе, шедшую по линии критики ВКП (б) (в первую очередь в крестьянском вопросе), по линии критики «невыносимого режима» внутри секций Коминтерна, по линии тактики единого фронта и т. д., расширенный пленум ИККИ констатирует, что эти критики либо перешли целиком к социал-демократии (Хеглунд, Стрем, Фроссар, Пауль Леви и т. д.), либо находятся—организационно или пока только идеологически—на пути к ней (Транмель, Суварин, Маслов, Рут Фишер).

58. Этот отход до коммунизма имел своей подосновой поворот в мировом положении, переход от периода бурного развития и триумфального шествия коммунизма к началу капиталистической стабилизации. В настоящее время, когда эта стабилизация особенно ярко пока проявляется в Германии, когда именно здесь произошел и наиболее крутой поворот в ориентации буржуазии (с Востока на Запад), неустойчивые мелкобуржуазные элементы компартий отразили на себе этот поворот с особой силой. Сочетание непонимания новой обстановки (а следовательно, и необходимости изменения в методах борьбы) с отражением буржуазного влияния на основе этой обстановки вызвало к жизни так называемый ультра-левый уклон в Германии, перешедший у Корша, Шварца и др. в самое отвратительное контр-революционное ренегатство.

59. Борьба с этим уклоном, а равно с правыми уклонами (союзники Суварина во Франции, некоторые группы в Норвегии, товарищи, подобные автору статьи о диктатуре в Чехо-Словакии, правые ошибки в Польше, некоторые отдельные проявления правых тенденций в Германии и т. д.) является обязательной предпосылкой успехов коммунистического движения.

60. Расширенный пленум констатирует, что попытки оппозиции в ВКП(б) создать интернациональную оппозиционную фракцию потерпели пол-

ный крах. Пленум, поддерживая целиком политику ЦК ВКП(б), констатирует, что оппозиционный блок, вопреки своему заявлению от 16 октября, намерен продолжать свою фракционную борьбу. Поэтому расширенный пленум ИККИ считает необходимым продолжение энергичной борьбы с антиленинскими по существу взглядами оппозиции и со всеми возможными попытками дальнейшей фракционной работы. Расширенный пленум подтверждает постановление ЦК КПГ об исключении Маслова, Фишер, Урбанса и др. Расширенный пленум полагает, что ленинское учение о недопустимости фракций в большевистской партии должно быть теперь полностью проведено в жизнь.

61. В целях дальнейшей большевизации партий, повышения их активности и боеспособности необходимо проведение в жизнь внутрипартийной демократии, оживление и развитие работы заводских ячеек, лучший подбор и более энергичное выдвижение новых кадров партийных сил, в особенности из рабочих, повышение теоретического уровня, поднятие на более высокую ступень партийной прессы, тщательный контроль над выполнением уже принятых решений.

Расширенный пленум постановляет принять все необходимые меры для создания более тесной связи между ИККИ и секциями и обеспечения единой твердой линии коллективного международного руководства.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЧТО РЕШИЛА XV КОНФЕРЕНЦИЯ ВКП (б)
(Вопросы „текущей политики“ в кружках самообразования)

М. ГРИШИН
ОБ ОППОЗИЦИОННОМ БЛОКЕ И ВНУТРИПАРТИЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ

★

РАХМЕТОВ
МИРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА

★

Г. АБЕЗГАУЗ
ИТОГИ РАБОТЫ И ЗАДАЧИ ПРОФСОЮЗОВ
(По решениям XV Конференции ВКП (б))

★

Б. ТАЛЬ
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР И ЗАДАЧИ ПАРТИИ

ДЛЯ ПРОПАГАНДИСТОВ
КРЫЛОВ
ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ XV КОНФЕРЕНЦИИ ВКП (б)

